
Андрей
Ливадный
Кибер-
пространство

Annotation

3840 год.

Спасти гибнущий в глубинах Гиперсферы крейсер Конфедерации Солнц мог только он… Илья Горкалов уже однажды изменил ход истории — он был первопроходцем Логриса, виртуальной Вселенной, созданной древней расой. Покинув материальный мир, Илья обрел вечную жизнь на просторах киберпространства. Однако столь желанное бессмертие оказалось ловушкой для разума, путем в никуда — Логрис мог предложить людям лишь вечное одиночество и осознание невозможности исправить содеянное в прошлом. Но теперь на долю Горкалова выпал великий шанс — предложить новый путь всему Человечеству…

* * *

Подсерия «Жизненное пространство» #3

Андрей Ливадный
Киберпространство (Экспансия: История Галактики — 41) (Жизненное пространство — 3)

Пролог

Десятый энергоуровень гиперсферы. База ВКС Конфедерации, седьмая планета Ожерелья. Мнемонический отдел

— Внимание, вертикаль входит в поле низкочастотных генераторов.

Мысленный голос звучал в сознании десяти человек, которые сидели в расположенных полукругом глубоких креслах посреди пустого зала.

Лица участников эксперимента выражали спокойствие, глаза были закрыты, мышцы расслаблены, — со стороны могло показаться, что они спят.

Однако это было не так.

Полное отсутствие привычных компьютерных терминалов, устройств слежения и связи диктовалось физикой аномального пространства и незаурядными личными способностями присутствующих.

В креслах сидели мнемоники, и они отнюдь не дремали.

— Капсула с наномашинами в исходной точке.

— Поле низкой частоты стабилизировано. Готовность к обратному переходу — минус десять секунд.

— Группа сопровождения готова.

— Вертикаль в пределах допустимой погрешности. Пошел процесс отторжения объекта.

— Группа сопровождения — подтверждаем, транспортный контейнер под воздействием энергетического потока вертикали.

— Есть захват. Начало восхождения.

В бездонной, лишенной звезд бездне, незримые для невооруженного глаза, перемещались вертикали — линии напряженности, берущие свое начало в гравитационных полях звездных систем, пронзающие десять энергоуровней гиперсферы и «вливающиеся» в центральный энергетический сгусток, вокруг которого обращались восемь планет Ожерелья.

Можно считать, что люди в данный момент продолжали начатый миллионы лет назад эксперимент: в теории — движение по вертикальным линиям гиперсферы давало космическим кораблям уникальную возможность, позволяя достичь любой из миллиардов звездных систем Галактики.

— Проходим пятый энергоуровень. Поток вертикали стабилен. Искажений нет.

— Параметры линии напряженности определены и занесены в каталог.

— Третий энергоуровень. Пятнадцать секунд до обратного перехода.

— Группа поддержки, работаем спокойно. Все жизненные показатели сопровождающих в норме.

Никто из присутствующих даже не пошевелил губами. Общение между отдельными членами команды происходило исключительно на мысленном, мнемоническом уровне.

— Транспортный контейнер на границе метрики… Есть обратный переход… Вертикаль стабилизируется. Мы в трехмерном космосе. Запуск наномашин через восемь секунд. Защитные оболочки контейнера сброшены. Диафрагмы реактивных сопел открыты.

Аппарат, о котором шла речь в мысленных докладах, являлся элементарной конструкцией: полый цилиндр из термостойкого сплава был наполнен газом под высоким давлением. Вторым компонентом наполнителя являлась высокотехнологичная нанопыль — микроскопические датчики различной специализации, предназначенные для сбора информации о локальном участке трехмерного континуума, куда после восхождения по вертикали попал контейнер.

Сейчас в его корпусе открылись десятки сопел, откуда под давлением начал истекать газ, выбрасывая в космос тысячи микроскопических аппаратов. Частицы нанопыли, получив ускорение за счет кинетической энергии находившегося под давлением газа, стремительно удалялись от выбросившего их контейнера, одновременно начиная передавать данные об окружающем пространстве.

Разумы троих мнемоников, сопровождавших капсулу в ее восхождении по вертикали, в данный момент находились в прямом контакте с системами микромашин, воспринимая все, что фиксировали их сканеры.

— Внимание, группа приема готова к получению данных. Сопровождение, у вас осталось три минуты реального времени до полной стабилизации вертикали. — Мысленный голос координатора звучал сухо, эмоции сейчас были недопустимы.

— Начинаем трансляцию.

Вертикаль выбросила контейнер с наномашинами в непосредственной близости от одной из планет системы. Безымянная и пока не опознанная звезда сияла посреди исколотого холодными точками мрака, будто оставшаяся после извержения, остывающая шлаковая бомба: по поверхности красного карлика змеились трещины, из которых изливался

яркий багряный свет, там же, где поверхность остывающей звезды покрывали темные пятна, яростное свечение превращалось в багровые сумерки…

Эту феерическую картину дополнял вид планеты, по своим размерам сравнимой с Землей или Элио. Сквозь мутную, наполненную серо-коричневыми облаками атмосферу не представлялось возможным рассмотреть поверхность, лишь сканирующее излучение наномашин, проникая через препятствия, показывало смутно очерченные формы сглаженного временем рельефа.

Однако самым примечательным, бросающимся в глаза с первой же секунды сканирования являлись миллионы тонн обломков, окружающих планету.

Вне сомнения, датчики микромашин фиксировали и передавали людям изображения не обычных астероидных тел, а рукотворных конструкций, которые когда-то являлись орбитальными станциями, космическими кораблями, вынесенными за пределы атмосферы космодромами, — перед мысленным взором мнемоников проплывала панорама величественных руин, над которыми по непонятным причинам оказались не властны время и законы тяготения.

Казалось, что уничтожающий катаклизм произошел только вчера: воспринимая картину с разных ракурсов, каждый из исследователей наблюдал околопланетное пространство в полном объеме, и тут же становилось ясно, что обломки до сих пор образуют определенную инфраструктуру, да и некоторые фрагменты исполинских конструкций выглядели практически неповрежденными.

Перед мысленными взорами потрясенных людей простирались руины, в которых до сих пор работали источники различных силовых полей, удерживающих обломки в параметрах заданных орбит.

— Еще одно кладбище. Уже пятое по счету в данном секторе. Предварительный анализ выявил аналогии с предыдущими объектами. Они созданы той же цивилизацией…

— Да… и разрушены той же, неизвестной нам силой, — дополнил замечание другой мысленный голос.

— Судя по данным предварительного сканирования, этим обломкам не миллионы, а миллиарды лет.

— Мне непонятно, какого рода устройства могут работать так долго? По идее за истекшее с момента разрушения время все орбитальные объекты должны упасть на поверхность планеты или сгореть в ее атмосфере.

— Энергосканирование[1] стабильно выделяет порядка десяти тысяч функционирующих устройств. Создается ощущение, что все конструкции в прошлом связывало единое энергетическое поле… А сейчас обломки попросту законсервированы в нем.

— Нужно больше времени для исследования. — В голосе одного из мнемоников все же прорвались нотки досады. — Нам придется уходить через минуту, но за это время нанопыль не успеет войти в зону низких орбит.

— Собирайте всю доступную информацию, — откликнулся координатор. — Вертикаль маркирована, так что вопрос повторного посещения системы — дело решенное. Наномашины будут накапливать данные и передадут их участникам следующей экспедиции.

— Хочется верить, — прозвучал другой мнемонический голос. — В прошлый раз все сложилось иначе. Ни одна частица нанопыли не ответила на повторный вызов.

— Все, хватит разговоров. Группе сопровождения приготовиться. Вертикаль почти стабилизировалась.

— Уходим?

— Да.

Трое суток спустя. Виртуальный зал совещаний штаба флота Конфедерации Солнц. Закрытая гиперсферная частота…

Две фантомные фигуры сидели в креслах за длинным столом.

Виртуальное пространство в точности копировало один из конференц-залов станции «Гамма», обращающейся на орбите планеты Элио. Даже за панорамным окном простиралась имитация знакомого фрагмента космоса, где на фоне узоров немигающих звезд медленно вращался голографический символ ВСК с нанесенной на нем надписью:

«Военно-космические силы. Всегда на страже порядка».

Адмирал Сокура хмуро слушал доклад командующего отдельным подразделением флота, базирующегося в недрах аномалии космоса.

— …повторяю, мы топчемся на месте, — убежденно заявил адмирал Андрей Петрович Снегов. Его слова звучали с небольшим искажением, хотя автоматические системы связи компенсировали существенное расхождение темпоральных потоков. — Мнемоники бессильны что-либо сделать, действуя из недр аномалии.

— А что микромашины? Они передают данные при повторном вхождении в систему?

— Нет. Нанопыль не реагирует на вызовы.

— Есть конкретные предположения? С чем связано «молчание» нанопыли?

— Только с разрушением микрочастиц. Мы обнаружили множественные источники энергетической активности среди обломков орбитальных конструкций. Вероятно, что некоторые системы планетарной обороны функционируют до сих пор, вопреки…

— Только не упоминайте про здравый смысл, Андрей Петрович, — мягко прервал его адмирал Сокура. — Мы уже не раз встречались с явлениями, на первый взгляд противоречащими здравому смыслу, и тем не менее объяснение им удавалось найти. Докладывайте по существу. Вы провели сравнительный анализ данных телеметрии?

— Да. Совпадения очевидны. Системы пяти близко расположенных звезд были колонизированы одной расой.

— И уничтожены одним и тем же, неизвестным нам противником? — прищурясь уточнил Николай Сокура. — Противником, не оставившим никаких материальных следов, кроме причиненных разрушений?

— Да, господин адмирал. Но хочу заметить: отсутствие материальных объектов второй расы объяснимо. За истекший миллиард лет все свидетельства их пребывания в системах пяти звезд уничтожило время. Орбитальные конструкции сохранились только благодаря обнаруженным силовым полям.

— Это понятно. — Сокура проницательно посмотрел на собеседника. — К чему привели поиски на планетах Ожерелья?

— Результат отрицательный, — покачал головой Снегов. — Чуждые расы, оставившие свидетельства своего пребывания на Арасте, не имеют явных признаков сходства с обнаруженной цивилизацией… Хотя у нас слишком мало данных для категоричных выводов, — тут же поправился он.

— Предложения?

— Активная разведка отдельно выбранной системы.

— Это огромный риск, Андрей Петрович. — Николай Сокура все более мрачнел, погружаясь в глубину проблемы. — Вы должны отдавать себе отчет: любой корабль, отправленный для исследования, будет нести на борту гипердрайв. Где гарантия, что неизвестная нам сила, сломившая мощную орбитальную оборону пяти звездных систем, до сих пор не находится поблизости? Что будет, если в руки чуждой расы попадут наши уникальные технологии перемещения через аномалию космоса?

— Господин адмирал. Позвольте еще раз напомнить: возраст построек определен. Им миллиард лет.

— Уповаете на беспощадное время? А как быть с источниками

энергетической активности? Ведь вы сами только что доложили: там, среди обломков, до сих пор функционируют какие-то системы!

— Вот именно, — согласился Снегов. — И мы должны как можно больше узнать о них. Что удерживает обломки на орбитах такое длительное время? Какие технологии позволяют автономным устройствам функционировать спустя миллиард лет после разрушения основной инфраструктуры? Без активной разведки этого не определить. Мне ли напоминать вам, что существует категория оправданного риска?

— Не думаю, что президент одобрит ваш план, — покачал головой адмирал. — Вы смелый человек, Андрей Петрович, но Шейла Норман принимает решения, исходя из доктрины *глобальной безопасности*.

— Выходит, мы так и будем топтаться на пороге, страшась сделать шаг навстречу руинам? Это уже не разумная осторожность. По крайней мере, на мой взгляд. Если человечество рассчитывает выйти за вертикали и начать освоение новых звездных систем, мы должны действовать решительно. Иначе о следующей волне Экспансии можно будет попросту забыть.

— Ладно, Андрей Петрович. Не горячись. Я попробую поговорить с президентом.

— У меня есть другое предложение.

— Слушаю?

— Не надо докладывать госпоже Норман. Если от нее поступит категоричный отказ на активную разведку — мы остановимся в своих исследованиях еще на несколько лет.

— Конкретнее? — потребовал адмирал.

— Я хочу взять всю ответственность на себя. Как командующий флотом системы Ожерелья, я полномочен принимать самостоятельные решения. Пусть разведка станет моей личной инициативой.

— Победителей не судят? — усмехнулся Сокура.

— Не в этом дело. — В голосе Снегова промелькнули нотки досады. — Я лишь соизмеряю степень риска с теми положительными последствиями, которые даст успешный разведывательный рейд. Говоря прямо, я готов возглавить экипаж и могу гарантировать, что в случае провала акции гиперпривод разведывательного корабля будет уничтожен.

— Ты так уверен в себе, Андрей Петрович?

— Я уверен в себе, в своих людях и в наших технологиях.

Адмирал Сокура задумался, теперь уже надолго.

— Хорошо… — наконец произнес он. — Мне тоже претит топтание на месте. И прятаться за твою спину я не стану. На днях мы планируем

ввести в состав флота системы Ожерелья новый корабль — разведывательный фрегат «Аргон», построенный по новым технологиям. Он предназначен для картографии систем, расположенных за вертикалями гиперсферы. У тебя есть люди, способные сформировать временный экипаж для испытательного полета?

— Да. Все, кто примет участие в разведывательной миссии, поднимутся на борт добровольно. Принуждать приказами я никого не буду.

— Ладно… Считай, что мы договорились. — Решение, принятое адмиралом, далось ему отнюдь не легко, но он старался не выдать своих сомнений и внутренней борьбы. — Ты убедил меня, Андрей Петрович. Для «Аргона» пока не составлено полетных планов, гак что неделя, положенная на прием корабля, в твоем распоряжении. Всю необходимую поддержку ты получишь. Не передумал?

— Нет.

— Тогда закрываем тему. О результатах доложишь.

— Спасибо. — Лицо Снегова просветлело. — Я могу начинать подготовку?

— Да, ты свободен. Держи меня в курсе.

Через минуту фантом адмирала Снегова исчез, растворился в виртуальном пространстве конференц-зала, а Сокура еще долго сидел в огромном пустом помещении, глядя на голографический знак ВКС Конфедерации и далекие звезды, призывно сияющие за виртуальным окном.

О чем он думал?

Наверное, о том, что все когда-то случается впервые. Разумная осторожность в обращении с вертикалями гиперсферы слишком затянулась, вот уже четверть века, как люди разгадали тайну аномалии космоса, а звезды по ту сторону бесконечности все так же далеки, как и прежде.

Нужно решиться сделать первый шаг, пусть даже вопреки существующим доктринам и догмам.

О том, что Шейла Норман осудит даже победителей, он был осведомлен гораздо лучше других.

Характер своей жены он знал отлично.

Часть I

Глава 1

Разведывательный фрегат «Аргон», ВКС Конфедерации Солнц.
Неизвестная точка пространства

Командный отсек «Аргона» тонул в полумраке. На фоне энергосберегающего режима вызывающе ярко светились несколько голографических мониторов, в объеме которых отражались данные, снятые с датчиков предварительной разведки.

Три старших офицера корабля расположились в противоперегрузочных пилот-ложементах. Рабочее пространство капитана, которое в данный момент занимал адмирал Снегов, было вынесено вперед относительно главных постов пилотирования, навигации и контроля сенсорных систем. В отличие от командиров палуб, Андрей Петрович получал суммарную информацию, уже прошедшую через предварительную обработку и анализ специализированных систем.

Фрегат «Аргон» являлся кораблем последнего поколения, при его проектировании учитывался весь опыт, накопленный человечеством за полтора тысячелетия продвижения к звездам.

Обилие сложных кибернетических комплексов, способных управлять фрегатом без вмешательства со стороны людей, в данный момент не играло решающей роли.

Впервые человеческий корабль совершил не спонтанное, а плановое восхождение по вертикали гиперсферы, и потому кибернетический мозг исполнял в данный момент вторичную, дублирующую функцию. Сейчас на борту работало правило, проверенное временем, — при первом контакте с иным разумом руководящая роль должна принадлежать людям. Автоматические системы в таких ситуациях отходили на второй план, всего лишь дублируя действия экипажа.

— Вышли из взаимодействия с энергетическим потоком вертикали. Находимся на границе метрик. Канал связи с аппаратами предварительной разведки устойчивый.

— Всему экипажу — осмотреться в отсеках!

По внутренней связи прошла разноголосица докладов.

Командир слушал отчеты о состоянии систем «Аргона», наблюдая, как детализируется панорама трехмерного космоса, транслируемая на воспроизводящие устройства его терминала с сотен малых аппаратов разведки.

— Мы под воздействием гравитационного поля звезды. — Голос майора Суханова был по-деловому спокоен. — Дистанция до планеты — семьсот тысяч километров. Ближайшая орбитальная конструкция в шестистах тысячах.

— Сканеры не фиксируют сигналов от наномашин.

— Энергосканирование подтверждает данные мнемонического отдела, уточненная цифра — девятьсот шестнадцать активных устройств, расположение бессистемное, вероятно, это отдельные узлы глобального орбитального комплекса, функционирующие в автономном режиме.

— Определена общая масса обломков.

— У нас осталось три минуты. Генераторы высокой частоты работают в режиме пиковой нагрузки.

Адмирал Снегов молча слушал доклады, продолжая внимательно изучать транслируемую картину.

«Аргон» находился в системе «умирающей» звезды, которая уже прошла все возможные стадии термоядерного синтеза и теперь медленно остывала, источая багрово-красное сияние.

Единственная планета, окруженная плотными скоплениями обломков, являвшимися некогда единым комплексом орбитальных сооружений, располагалась очень близко к умирающей звезде.

— Проанализируйте параметры орбиты, — распорядился Андрей Петрович. — Планета явно перемещена, вероятно, в связи с постепенным остыванием звезды. Нужно определить условия внешней среды на ее поверхности — возможна ли там жизнь?

— По меркам земного эталона?

— Да.

Таймер неумолимо отсчитывал секунды, оставшиеся для принятия решения.

Либо «Аргон» начинает процедуру выхода в трехмерный континуум, либо возвращается назад, воспользовавшись энергетическим потоком вертикальной линии напряженности гиперсферы.

— Связь с наномашинами?

— Отсутствует. Осталась одна минута. Сигнал от передовой группировки сканирующих аппаратов ослабевает.

— Дистанция?

— Двести тысяч.

— Источники энергетической активности?

— Стабильны.

— Мнемонический отсек, передайте сообщение на Арасту: «Аргон»

начинает маневр выхода в трехмерный континуум.

— Принято.

— Всем постам, приготовиться к обратному переходу. Полная герметизация отсеков. Перейти в режим автономных модулей.[2]

— Командир, данные анализа характеристик планеты на дополнительном мониторе.

— Да, вижу.

Адмирал пробежал взглядом по строкам.

Система анализа подтверждала: при данных параметрах орбиты жизнь на планете была бы невозможна в прошлые эволюционные периоды развития звезды, планета, вне сомнения, была перемещена к угасающему светилу системы искусственным путем, в силу насущной необходимости, что косвенно свидетельствовало о высоком технологическом уровне развития неведомой цивилизации. Сейчас на ее поверхности сохранялись условия, при которых могла существовать жизнь. Температура под покрывалом атмосферы составляла в среднем порядка тридцати градусов по шкале Цельсия, содержание кислорода — двадцать пять процентов, хотя наличие органики не было определено из-за обилия помех, создаваемых плотным облаком обломков от орбитальных конструкций и непонятной пылевой взвесью, вызывающей сильное помутнение атмосферы.

— Всем постам. Начата процедура обратного перехода.

Доклад заставил Снегова переключить внимание на датчики контроля систем.

В пространстве трехмерного континуума появился бледный фантом, окруженный мерцанием поля высокой частоты.

Несколько секунд по поверхности «Аргона» пробегали волны оптических искажений, затем корабль начал медленно материализовываться.

— Напряжение генераторов — пятьдесят процентов. Пройдена критическая точка. Процесс выхода из аномалии стабилизирован.

Экраны телескопического обзора, расположенные по периметру главного поста управления, начали передавать изображение реального космоса.

Адмирал продолжал наблюдать за показаниями датчиков, одновременно прислушиваясь к докладам:

— Силовой отсек, работа реактора в заданных параметрах.

— Системы локации включены. Предварительная идентификация звездного окружения результатов не дает.

— Активация глобальной системы сканирования. Переход на основные модули получения данных.

— Боевые отсеки, боеготовность поддерживается. Все системы в норме.

— До завершения перехода десять секунд… восемь… пять…

Бледная вспышка озарила экраны. «Аргон», получив незначительный импульс ускорения, отработал двигателями коррекции.

— Дрейф компенсирован. Рысканья и вращения нет.

— Полный стоп.

— Есть полный стоп. Автоматика производит настройку вспомогательной тяги для компенсации воздействия гравитационных полей.

— Модуль исследований — приступайте к детальному сканированию. Седьмой, что со связью?

— Потерян контакт с тридцатью процентами аппаратов предварительной разведки. Определен критический порог: на дистанции в сто тысяч километров от границы орбитальных конструкций зафиксирована зона электромагнитных помех. Аппараты переходят на лазерную связь.

— Снимите характеристики электромагнитных возмущений. Первоочередная задача — определение их источников. Мнемонический отсек, у нас есть связь с Арастой?

— Да, адмирал. Мы отправляем информационные отчеты каждые две минуты.

— Встречная информация?

— Пока отсутствует.

— Командир, генераторы электромагнитных помех расположены в поясе обломков. Это не природная аномалия.

— Защитные устройства?

— Вероятно. Они реагируют на приближение аппаратов разведки усилением помех. Анализ указывает на высокую вероятность пробоя защиты.

Снегов нахмурился.

Теперь понятно, что происходило с нанопылью. Высокотехнологичные микромашины имели лишь минимальную защиту от воздействия генераторов электромагнитного импульса.

— Есть изменения апертуры?.[3]

— Нет. Но нельзя исключать такой вероятности. При фокусировке

излучения мощности обнаруженных генераторов хватит, чтобы создать помехи в работе бортовых систем «Аргона».

— Следите за показаниями. Доклад каждую минуту.

Адмирал вновь задумался, глядя на багряный, покрытый темными пятнами диск звезды. Специальная система фильтрации, в сочетании с электронно-оптическим умножением, позволяла наблюдать застывший на фоне умирающей звезды шар планеты, окруженной плотным скоплением различных конструкций. Ни одна из них не поддавалась мгновенному осмыслению. Здесь крылся непочатый край работы для сотен специалистов, и очевидный в иной ситуации выход: подавить источники электромагнитного излучения точечными ударами бортовых вооружений — казался адмиралу неприемлемым. Неизвестно, что за устройства продолжают функционировать среди обломков, а главное — какая их часть связана с функцией поддержания массы в пределах безопасных орбит? Возможно, источники электромагнитного излучения вовсе не оружие, а лишь сопутствующий эффект от работы тех самых загадочных устройств? В таком случае любое вмешательство в самодостаточную структуру, связывающую обломки орбитальных конструкций в единое целое, приведет к фатальным, непоправимым последствиям.

Миллиарды лет… Разум с трудом воспринимал эту цифру.

Адмирал понимал, сколь сложная задача поставлена перед личным составом «Аргона». Попытка исследования немых, загадочных конструкций, созданных неизвестной человечеству расой, требовала особой осторожности и ответственности.

— Исследовательский, на связи главный пост управления. Приготовьтесь к запуску и сопровождению АРК.[4] Задача — определение возможных «коридоров» сближения с планетой.

АРК стартовал спустя две минуты после получения полетного задания.

Автоматика отлично защищенного разведчика могла функционировать в широком диапазоне неблагоприятных условий и агрессивных сред, при этом кибернетическая система АРК не обладала излишней степенью свободы, подчиняясь строго определенным программам действий.

Данными аппаратами зачастую жертвовали ради получения жизненно важной информации, и потому Снегов не испытывал беспокойства — корабль должен всего лишь пролететь в непосредственной близости от обломков загадочных конструкций и передать на «Аргон» подробную схему распределения орбитальных масс, а также выяснить значения

напряженности и зоны охвата электромагнитных полей, подавивших работу нанопыли и датчиков предварительной разведки.

На взгляд адмирала, существовала высокая вероятность того, что часть обломков экранирует излучение, что позволит определить безопасный «коридор» для сближения с планетой и посадки на ее поверхность отделяемых модулей.

Наблюдая за стартом АРК, никто на борту «Аргона» не мог предположить, к каким последствиям приведет предпринятое действие.

— Пять минут. Полет нормальный. Бортовые системы в норме. Напряженность электромагнитных полей не изменилась. Пройден рубеж двухсот тысяч километров. Связь исчезнет через тридцать секунд.

— Задача на автоматическое возвращение подтверждена. Бортовой компьютер активирует высшую степень защиты. В ближайшие пятнадцать минут мы сможем только наблюдать за ним.

АРК стремительно сближался с планетой.

На дистанции в пятьдесят тысяч километров включились двигатели торможения и ориентации. Сигналов от разведчика не поступало, но локационные системы «Аргона» постоянно удерживали аппарат в прицеле оптических умножителей.

— Он в десяти тысячах. Маршевые двигатели отключены. Все идет по плану.

— Зафиксированы изменения в конфигурации электромагнитных полей. Излучение начинает фокусироваться.

В данный момент адмирал Снегов мог лишь наблюдать за полетом автоматического разведчика.

Досадно, что предположение о паразитической природе электромагнитных полей не нашло своего подтверждения. Впрочем, их наличие не могло существенно повлиять на запланированные действия разведывательных и исследовательских групп. После открытия свойства вертикалей проводить в энергетическом потоке материальные объекты и обнаружения в недрах аномалии планет Ожерелья, некогда отправленных в пространство десятого энергоуровня совместными усилиями рас логриан и инсектов, техника флота Конфедерации была существенно модифицирована: появился новый класс кораблей, адаптированных для десятого энергоуровня аномалии, где мощнейшие магнитные поля выводили из строя всю стандартную аппаратуру.

Фрегат «Аргон» являлся последней разработкой в данной области. Невзирая на дополнительный «третий» корпус, выполненный из экранирующего сплава, корабль мог быть в любой момент переведен на

альтернативные, не подверженные воздействию магнитных полей, контуры дублирующего управления, вооружений и двигательных установок.

Мысли Снегова прервал доклад локационного отсека:

— Командир, АРК под воздействием узкофокусированного магнитного поля! По нашему аппарату работают аналоги электромагнитных лазеров!

Взглянув на данные мониторинга, Снегов чуть побледнел.

Дело принимало серьезный оборот. Автоматика АРК переключилась на вторичный контур, и разведывательный аппарат, откорректировав курс, продолжал сближение с массой обломков.

— Внимание, всем постам! Переходим на альтернативные системы!

Свет в главном отсеке управления мигнул и погас.

Несколькими мгновениями позже вновь осветились экраны телескопического обзора, теперь они работали на фотонной энергии, получаемой из забортных источников, в частности, от звезды. Над пультами управления, появившись из специальных ниш, вытянулись замысловатые кристаллические нити, набранные из логров.[5] Мини-компьютеры древней расы не были подвержены воздействию магнитных полей и сохраняли функциональность в условиях, неприемлемых для обычных кибернетических систем.

— Завершен переход на логр-компоненты.

— Командир, мы не можем вернуть АРК. Его автопилот не выполнил запланированного маневра. Лазерная связь блокирована внешним поясом обломков.

— Вижу. — Андрей Петрович откровенно не понимал, почему разведывательный корабль не выполнил автоматическую программу возвращения и продолжает двигаться прежним курсом. — Будем надеяться, что его сближение с планетой не воспримут как агрессию. Мы не должны вступать в вооруженный конфликт, не разобравшись, с кем… или с чем имеем дело.

— Будем уходить?

— В случае прямой угрозы столкновения — да. Генераторы высокой частоты в режим готовности!

Отдав распоряжение, адмирал вновь сосредоточил свое внимание на экранах.

Автоматический разведчик уже скрылся среди обломков, маневрируя в узких пространствах между останками рукотворных конструкций.

— Гравитационная аномалия!

Доклад из отсека слежения совпал с укрупнением изображения, автоматически задействованным системой локации.

Теперь часть экранов обзора демонстрировала небольшой фрагмент древней инфраструктуры, в той части орбитального скопления обломков, где маневрировал АРК.

Адмирал отчетливо видел, как пришли в движение многотонные глыбы: их внезапно потянуло к планете, одновременно заставляя вращаться; со стороны стремительный процесс ассоциировался с внезапно возникшим смерчем или водоворотом — еще секунда, и АРК, совершив неуправляемое движение по окружности, начал проваливаться в гравитационную воронку.

— Аномальная область расширяется! Мы в конусе гравитационного удара!

— Секциям гипердрайва — экстренный запуск!

Снегов ожидал появления на экранах бледной вспышки гиперпространственного перехода, но шли томительные, напряженные секунды, а «Аргон» по-прежнему оставался в трехмерном континууме…

— В чем дело?

— Мы не можем совершить переход! Мощности генераторов не хватает для преодоления растущей гравитации!

— Резерв?!

— Десять секунд до критической перегрузки!

— Маршевая тяга — аварийный запуск! Навигационный отдел, курс выхода из аномальной области!

На экранах часть орбитальных конструкций вместе с АРК проваливалась вниз, в атмосферу планеты.

— Мнемонический отдел, срочный доклад на Арасту: попали под удар искусственного гравитационного поля. — Снегов с трудом сохранял самообладание, стараясь унять невольную дрожь в голосе. — Аномалия увлекает корабль к планете. Мощности генераторов высокой частоты недостаточно для прыжка. Осуществляем попытку выхода из гравитационной воронки на альтернативной маршевой тяге…

Взглянув на показания немногочисленных приборов, работу которых обеспечивали логрианские вычислительные устройства, Снегов вдруг с ужасом осознал, что «Аргон» застыл в неподвижности, хотя индикаторы указывали на девяносто процентов мощности силовой установки.

Гравитационная ловушка, генератор которой располагался на планете, продолжала расширяться.

«Все. Нам не вырваться».

— Экипажу, приготовиться. Нас увлекает к планете. Маршевая тяга — экономить ресурс, планетарные двигатели — обеспечить экстренное торможение в границах стратосферы. Связь — транслируйте на Арасту сигнал бедствия!

«Аргон», окруженный яростным сиянием от работы маршевых двигателей, медленно, но неуклонно приближался к планете, влекомый нолем гравитационной ловушки в брешь, образовавшуюся среди обломков древних конструкций после катастрофического падения АРК.

Адмирал Снегов, облаченный в скафандр высшей защиты, загерметизировал капсулу пилот-ложемента.

Перегрузки росли. Сопротивление маршевой тяги пока удерживало крейсер от стремительного падения, но ресурс двигательных установок скоро будет исчерпан, и тогда…

— Саша… — Голос Снегова был хриплым от усилий, которые приходилось прилагать при тройной силе тяжести. — Маневрируй тягой. Нам не избежать падения… Позволь полю ловушки протащить нас сквозь обломки.

— Мы получим критическое ускорение.

— Будем гасить скорость на границе стратосферы. Досжигаем резерв маршевой тяги и переходим на планетарную. Если скорость снижения останется критической — я разделю корабль на сегменты.

Обзорные экраны продолжали работать.

«Аргон», временно прекратив противодействие, проходил сквозь образовавшуюся в поле обломков брешь, и Снегов отчетливо видел, как от древних конструкций в направлении крейсера движутся скопления темных точек.

— Похоже, в нашу сторону выброшен десант!

— Они не успеют.

— Успеют… Саша, дай им приблизиться, включение маршевой тяги только по моей команде.

— Понял.

Адмирал посмотрел на значения скорости.

Резкое торможение, которое провоцировало появление неопознанных аппаратов, вызовет критическую перегрузку несущих конструкций корпуса фрегата, но позволит избежать непосредственного контакта с чужеродными телами.

Теперь сегментация «Аргона» была неизбежна.

— В отсеках, приготовиться к перегрузке и разделению модулей!

Голос адмирала оставался сух, но в душе Снегова царил настоящий

ад. Ему еще не приходилось отдавать подобного приказа, жизни сотен людей зависели сейчас от принимаемых им решений…

Точки приближались.

Теперь стало ясно — инородные тела представляют собой эллипсоиды вращения. Обтекаемая форма темных корпусов не выдавала ни истинного предназначения приближающихся аппаратов, ни каких-либо характерных внешних систем, способных навести на мысль об их функциональной ориентации.

— Боеголовки, командир? — раздался в коммуникаторе голос пилота.

— Не думаю. Скорее абордажные капсулы с механизмами внутри. Ты готов?

— Да.

— Тяга!

Мгновенная перегрузка заставила застонать компенсирующие механизмы ложементов, «Аргон», объятый пламенем маршевых двигателей, резко затормозил падение, и, как следствие, — сближавшиеся с крейсером коконы мгновенно провалились вниз, не получив ни единого шанса на запланированное действие.

Однако поле гравитационной ловушки продолжало работать, воздействуя на корабль.

— Экипажу приготовиться. Корпус «Аргона» на пределе прочностных характеристик. Нас может спасти только разделение на автономные модули. Продолжаем борьбу за живучесть в режиме аварийного сегментирования. После посадки командирам отсеков определить степени повреждений и связаться с командным модулем любыми доступными средствами. При нападении действовать по обстановке.

Дальнейшее промедление было неоправданным, слова излишними, и адмиралу Снегову оставалось лишь одно — повернуть аварийный механический рычаг, освобождая механизмы экстренной расстыковки модульной системы.

Еще секунда — и «Аргон» перестал существовать как единое целое. Семисотметровый корабль разделился на четырнадцать автономных модулей, которые, подчиняясь силе искусственного тяготения гравитационной ловушки, мгновенно провалились в серо-оранжевую муть атмосферы.

Через мгновение сквозь плотную пылевую взвесь пробились множественные очаги яростного сияния — это включились индивидуальные двигатели расстыковавшихся секций фрегата.

Глава 2

Форт Стеллар. Тоже время…

Город под куполом суспензорной защиты распростерся на поверхности некогда безвоздушного планетоида, охватывая всю доступную для строительства площадь, за исключением горных массивов, вершины которых поднимались над призрачно-зеленоватым сиянием, демонстрируя холодным россыпям звезд батареи противокосмических орудий, смонтированных на специально вырезанных в скальном монолите площадках.

Более тысячи лет назад первые колонисты, приступившие к бессистемному освоению планеты Рори, где началась вырубка знаменитой на всю Обитаемую Галактику зеркальной древесины, основали здесь временный космодром для транспортных кораблей.

Позже, в первые годы Галактической войны, ничем не примечательная луна получила название — Форт Стеллар. Тогда ее лика коснулись первые, но уже необратимые изменения.

Временный космодром с несколькими ремонтными доками быстро расширялся, отвечая жестоким требованиям времени.

Памятный 2607 год стал точкой отсчета новой эпохи в освоении космоса. Флота Свободных Колоний еще не существовало как такового, и усилия немногих развитых миров, не подчинившихся ультимативным требованиям Земного Альянса, сосредоточились тут, на неприметной луне.

Космическая верфь стала зародышем будущих военных баз, равно как бункера под ней дали начало разветвленной сети укреплений Форта Стеллар.

Сейчас мало что сохранилось от мрачных подземных уровней военных лет, разве что традиция развития поселений Стеллара, которые росли не только ввысь, но и вглубь. Под холодным сиянием звезд, в лунных кратерах располагались великолепные города, постепенно объединившиеся в огромный мегаполис, а под ними ветвилась сеть подлунных коммуникаций, где по-прежнему жили и работали миллионы людей.

Ни один истинный уроженец Стеллара не разделял в душе нижний и верхний город — для любого жителя форта оба пространства являлись гармоничным продолжением друг друга.

Современный Стеллар был столь многолик, что зачастую его называли «отражением».

Действительно, за тысячелетнюю историю развития спутник планеты Рори вобрал в свой облик архитектурные черты сотен обитаемых миров. Некогда изолированные друг от друга поселения, основанные в окрестностях военной базы Конфедерации Солнц, долгое время развивались как маленькие островки породивших их планет — окончательное слияние городов под единым куполом энергетической защиты произошло менее века назад, и Стеллар, превратившийся в огромный мегаполис, собрал в своем великолепии самые броские, характерные черты многих цивилизаций.

Если планета Элио являлась политическим центром Обитаемой Галактики, то Форт Стеллар по праву считался экономическим сердцем Конфедерации.

И еще одна немаловажная деталь: луна Стеллар в силу ряда причин являлась уникальным миром, где еще со времен адмирала Воронцова термин «киберпространство» олицетворял не столько компьютерные сети, объединяющие верхний и нижний уровни поселений, но образ мышления, стиль жизни.

Конечно, подобное отношение к виртуальной среде не появилось вдруг, оно складывалось десятилетиями, даже веками, когда главным экономическим объектом являлась военно-космическая база, расположенная глубоко под землей. Космическая верфь Стеллара и связанные с ней производства были строго засекречены, военные специалисты, работавшие на подземных уровнях, не покидали их в течение многих лет, но для эффективного существования главной космической верфи флота требовалось намного больше людей, чем те, кто постоянно проживал на территории подлунных городов.

Остальные рабочие и служащие являлись сюда в виде фантомов — во внешних поселениях Стеллара функционировала четко отлаженная сеть кибернетических центров, откуда на подземные уровни приходило более пятидесяти процентов вольнонаемных служащих.

Каждый из них попадал на узкоспециализированный участок: управляя теми или иными механизмами, они не имели представления об общей структуре подземных уровней, что полностью удовлетворяло доктрине секретности.

В противоположность им, военные специалисты в свободное время стремились вырваться из наскучивших подземелий, получая необходимые для полноценного отдыха впечатления во внешних поселениях.

Киберпространство Стеллара резко отличалось от иных виртуальных реальностей, оно стремилось к совершенству, полноценности, миллионы

людей не просто посещали его, а жили и работали в среде фантомных образов.

Это неизбежно накладывало отпечаток на сознание целых поколений — закончилась Галактическая война, вторая волна Экспансии расширила границы обитаемого космоса, система Рори давно потеряла статус пограничного мира, но луна Стеллар, утратившая свое стратегическое значение, не изменилась, наоборот, — с развитием новых технологий кибернетическое пространство только укрепило свои позиции.

Теперь миллионы людей, населявших мегаполис, вели успешную коммерческую деятельность, распространив свое понимание киберпространства и навыки работы в нем на всю сеть Интерстар, превратив родной мир в исполинский коммерческий центр, где заключались все мыслимые виды сделок.

Даже понятие «виртуального туризма» зародилось тут, на Стелл аре.

После создания обновленной Конфедерации, когда были открыты шаровое скопление О’Хара,[6] вертикали гиперсферы и планеты Ожерелья, реанимирован Логрис, а в среде промышленных корпораций Окраины появились первые мнемоники, киберпространство Стеллара получило новый импульс развития, ведь уроженцы спутника Рори с самого детства были знакомы со всеми тонкостями виртуалки, и кому как не им было осваивать непознанные уголки вселенной, куда в автоматическом режиме отправлялись станции гиперсферной частоты — основа сети Интерстар.

Нужно ли говорить о том, что снятие запретов на дополнительную имплантацию, узаконившее статус мнемоников, нашло широкое практическое применение именно тут, на луне Стеллар.

Однако у любой медали есть ее оборотная сторона.

Современное киберпространство давно не безлико. Лишь ничтожная часть фантомов, обитающих в сети, является генерацией машин, подавляющее большинство — это люди со всеми присущими живому человеку чертами.

Грань реальности окончательно истончилась, если не стерлась вовсе.

Благодаря единению сети Интерстар, древнего Логриса с его миллиардами фантомных миров и свойствам вертикалей гиперсферы, способных проводить информационные потоки, те уголки Вселенной, куда физически попасть затруднительно или невозможно, стали доступны для некоторой части новых поколений человечества.

Этот уровень подземных коммуникаций Стеллара давно не посещался людьми.

Эльза уверенно шла в кромешной тьме, не спотыкаясь, безошибочно поворачивая в нужном направлении на развязках древних тоннелей.

Она прекрасно видела окружающие ее предметы. Перед внутренним взором молодой женщины реальность выглядела такой же контрастной, будто в подземельях горел несуществующий свет.

Настроение было ровным, деловым. Прекрасно зная планировку уровней, Эльза давно не обращала внимания на окружающую обстановку. Да и приходила она сюда не ради острых ощущений, а исключительно по делу.

Свернув на очередном перекрестке тоннелей, она прошла мимо мрачных псевдофасадов, придающих подземелью вид обычной городской улицы, и, оглянувшись по сторонам, открыла надежно запертую дверь бывшего виртуального салона…

Лет двести назад здесь располагались секретные уровни форта. Сотни человек жили на километровой глубине под поверхностью луны. Здесь для них были созданы все мыслимые условия: тоннели, похожие на улицы, искусственные садики в небольших пещерах, свои магазины и увеселительные заведения.

Для связи с внешним миром в каждой квартире подлунного поселения существовал сетевой терминал, но только в заведениях, подобных тому, куда вошла Эльза, компьютерные мощности дополнялись немаловажными системами, позволяющими на время абстрагироваться от собственного тела, перепоручив его заботам автоматики.

Войдя внутрь, Эльза снова заперла двери и не стала включать свет.

В ее работе не могло быть мелочей.

Вокруг царила мрачная обстановка. Отпечаток запустения лежал повсюду: помещения виртуального центра после давней реконструкции на время оказались вне герметизированных уровней форта, а затем, когда луна Стеллар получила глобальную систему суспензорной защиты, удерживающей прослойку атмосферы над всей поверхностью планетоида, люди сюда так и не вернулись — кому нужны старые заброшенные уровни в добром километре под землей, когда на поверхности появилось достаточно места для основания новых поселений, слившихся в конечном итоге в единый мегаполис Стеллара.

Эльза прошла через холл, по стенам которого безобразными пятнами росли колонии лишайника, миновала коридор с десятком входов в кабины виртуальной связи и, наконец, оказалась в самом центре бывшего увеселительного заведения.

Здесь, помимо кибернетического оборудования, которое по большей

части выглядело исправным, находилась небольшая дверь, за которой скрывалось два довольно редких комплекса, похожих на пилот-ложементы, какие обычно устанавливают в рубках космических кораблей.

«Свет», — мысленно приказала она.

Под потолком мягко осветились декорированные плафоны.

Эльза привычно осмотрелась: ее мысленный взор, усиленный сканирующими системами имплантированных кибернетических модулей, мгновенно вобрал обстановку помещения до мельчайших невидимых глазу деталей.

Порядок. Никто не приходил сюда за время ее отсутствия.

Она положила сумочку на столик, явно заимствованный из игрового зала, и стала раздеваться.

При взгляде на ее одежду, которую Эльза аккуратно сложила рядом с сумочкой, возникал невольный вопрос — зачем она спускалась бесконечными коридорами в мрачные недра давно заброшенных уровней? Что толкало явно не бедную, красивую, молодую женщину на рискованное, не доставляющее удовольствия путешествие?

Что она искала тут? Чем собиралась заняться?

Оставшись в тонком, плотно облегающем стройную фигуру комбинезоне телесного, цвета, она села в кресло ложемента, и сложный механизм внезапно ожил, наполнил помещение невнятным шелестом работающих сервомоторов — это пришли в движение элементы кресла: спинка откинулась, затылок Эльзы коснулся мягкого подголовника, ноги и руки зафиксировались специальными захватами, и вдруг из-за изголовья кресла появился прозрачный каплевидный колпак, который накрыл ее тело, герметично изолировав его от затхлой атмосферы помещения.

Эльза закрыла глаза. Едва ощутимое покалывание возвестило о подключении систем жизнеобеспечения.

Все. Можно начинать.

Она расслабилась. Перед плотно смеженными веками плавала чернота. Импланты уже вошли в контакт с кибернетической системой комплекса, но ее воля еще не отдала мысленного приказа на вхождение в сеть.

Последние секунды на грани двух реальностей.

Наша Вселенная полна энергий.

По большей части не ощутимые для человека, они незримо присутствуют рядом, существуют вне зависимости от нас.

Постепенно, по мере развития цивилизации, люди шаг за шагом постигали сложную энергетическую сущность пространства. После

открытия гиперсферы, где за редчайшим исключением не существует материальных тел, мы не только открыли способы перемещения через аномальное пространство: еще на заре освоения космоса, в двадцать третьем веке, знаменитый Иоганн Иванов-Шмит обосновал теорию гиперсферы, эмпирически разделив ее на десять энергоуровней, в пределах которых существует сложная сеть линий напряженности, отражающих гравитационное взаимодействие всех без исключения материальных объектов трехмерного космоса.

Суть теории сводилась к тому, что с любой силовой линией гиперсферы можно сопоставить реально существующий материальный объект.

Это открытие позволило создать основы гиперсферной навигации. Поначалу космические корабли сторонились силовых линий аномалии, используя их лишь в качестве «путеводных нитей» для быстрого перемещения от точки погружения к точке всплытия.

Однако такой способ перемещения, практиковавшийся на протяжении многих веков, был сопряжен, во-первых, с риском, а во-вторых, с существенными энергозатратами.

В период с XXXVI по XXXIX век был сделан ряд удивительных открытий.

Человечество вступило в контакт с тремя древними космическими расами; при исследовании их технологий выяснилось, что древние цивилизации также путешествовали через аномалию, но, не сумев создать аналог человеческого гипердрайва, инсекты и логриане пошли по иному пути: они изучили свойства линий напряженности гиперсферы, выяснив, что можно перемещаться внутри энергетического потока, соблюдая лишь одно непременное условие, — следовало отдаться его власти, двигаться со скоростью составлявших его частиц, — в данном случае линия напряженности не разрушала материальное тело, перемещая его через аномалию.

Используя это открытие, раса инсектов создала сеть «гиперпространственных тоннелей», связывавших построенную ими Сферу Дайсона с удаленными колониями.

Логриане в своих исследованиях пошли дальше. Их не устраивали горизонтальные линии напряженности, отражающие гравитационное взаимодействие отдельно взятой звезды с ее ближайшими соседями. Путешествие по сложной сетке «горизонталей» требовало многих «промежуточных» всплытий для перехода с одной линии на другую. Исследователи расы логриан обратили свой взор на вертикали,

отражавшие, по их мнению, воздействие единого гравитационного центра Галактики на все без исключения звездные системы.

Следуя потоку вертикали, логриане сумели достичь области десятого энергоуровня гиперсферы, обнаружив, что там действительно сходятся все вертикальные линии напряженности, вливаясь в энергетический сгусток, по своей форме напоминающий копию галактического диска.

Это открытие породило идею о создании в центре гиперсферы своеобразного транспортного узла: там, где сходятся воедино все линии напряженности, возможен беспрепятственный переход между ними, то есть, в теории, открывается прямой доступ к любой звездной системе Галактики.

Попытка осуществления одиозного проекта привела лишь к частичному успеху: в пространство десятого энергоуровня было отправлено девять планет, на базе которых древние расы собирались создать ту самую «узловую станцию». Однако, несмотря на титанические усилия, довести эксперимент до логического завершения им не удалось — помешало небывало мощное магнитное поле центрального сгустка, куда «вливались» вертикали. Воздействуя на проводники, оно пробивало экраны, создавая губительные вихревые токи, ведущие к разрушению большинства аппаратуры.

Эти события происходили примерно три миллиона лет назад.

Древние расы гак и не завершили начатый эксперимент. Под ударом губительной миграции предтеч они были вынуждены отступить, укрывшись в шаровом скоплении О’Хара, которое издревле населяла раса харамминов — голубокожих гуманоидов.

Чтобы избежать вторжения предтеч в границы скопления, оно было скрыто устройствами, искривляющими метрику пространства. Свет от звездного сообщества не мог вырваться за границу искривления, скопление «исчезло», миграция предтеч прошла мимо, но три расы, оказавшиеся изолированными в границах шарового скопления, постепенно деградировали.

…Прошли миллионы лет, и на простор Галактики вышло человечество.

Наша экспансия распространилась до так называемого Рукава Пустоты — пространства без звезд, на краю которого располагалась полуразрушенная, покинутая инсектами сфера Дайсона.

Человечество, век от века двигаясь вперед, находило все больше свидетельств древней космической жизни, пока, наконец, не была пройдена вуаль логрианских устройств.

Эти события принадлежат истории.

Сейчас скопление О'Хара вновь доступно невооруженному взгляду. Хараммины, чья цивилизация за миллионы лет выродилась в Квоту Бессмертных, безраздельно властвовавшую в скоплении, попытались разобщить человечество, уничтожив центральный узел межзвездной сети Интерстар, но в результате Семидневной Войны были разбиты, а расы инсектов и логриан вошли в состав обновленной Конфедерации Солнц.

Одновременно с этими событиями на далекой прародине человечества в земном институте дальнего космоса профессор Кречет он провел свое уникальное исследование вертикалей, обнаружив в недрах аномалии девять планет.

Теперь к освоению десятого энергоуровня приступили люди.

* * *

Ее невесомая поступь не потревожила ни единой травинки.

Эльза всегда делала остановку на единственной пригодной для жизни планете Ожерелья.

Десятый энергоуровень гиперсферы… Здесь происходили удивительные явления. Большинство привычных механизмов отказывалось работать, зато перед человеком, попавшим на Арасту (такое название получил Первый Мир в официальных каталогах Конфедерации), открывались уникальные возможности. Под воздействием центрального энергетического сгустка, куда «вливались» миллиарды вертикалей, биополе любого живого существа заметно усиливалось, позволяя разуму (при определенной тренировке) формировать энергетическую сущность, способную отделяться от биологического носителя.

Сколько еще тайн, неразгаданных явлений, потрясающих открытий таили планеты Ожерелья, некогда отправленные в недра аномалии взаимными усилиями лог-риан и инсектов, не знал никто.

Небольшой гарнизон, специализированная эскадра военно-космических сил Конфедерации да несколько сот поселенцев охраняли и исследовали Арасту. Сюда был закрыт доступ посторонним, да и кто мог попасть в пространство десятого энергоуровня без оборудованного надлежащим образом корабля, способного совершить погружение по вертикали?

Только мнемоники, вернее — их виртуальные фантомы.

После открытия свойства Вертикалей проводить энергетические импульсы гиперсферных частот подобное путешествие уже не казалось фантастикой. Киберпространство, существовавшее сначала в рамках сети

Интерстар, затем расширившееся за счет слияния человеческой сети с древним Логрисом, внезапно обрело совершенно иные масштабы…

Все осталось позади.

Цивилизация с ее проблемами, историей, законами истончилась, превратилась в абстрактное воспоминание.

Силовые линии аномалии открывали взгляду мнемоника иное пространство, Галактика разворачивалась перед мысленным взором, на миг пришло глобальное чувство одиночества, но избранная вертикаль уже влекла рассудок к точке обратного перехода, мрак истончался мельканием вспышек холодного, неживого света, пока сквозь ореол бледного сияния не проявилась удивительная картина: трехмерный космос блистал россыпями звезд, на фоне Бездны, скрадывая ее воздействие, застыл, словно подсвеченное изнутри кучевое облако, фантастически красивый выброс газопылевой туманности, в глубинах которой сияло молодое солнце.

Эльза некоторое время просто смотрела вокруг.

Конечно, физически она оставалась на далеком Стелларе, но ее разум, способный к восприятию энергий, без труда преобразовал энергетическую ткань пространства в привычные для рассудка зрительные образы.

Киберпространство…

Эльза являлась одной из немногих, кто реально осознавал, что трактовка данного термина в понимании большинства людей уже слишком узка… Но лишь единицы из числа мнемоников представляли истинные масштабы и новый потенциал виртуальной среды, сформировавшийся после того, как сеть Интерстар стала неотделима от силовых линий аномалии космоса.

Теперь сеть была повсюду, везде, где существовала энергия.

Трудно даже вообразить, куда попал разум Эльзы. Сейчас она могла лишь наблюдать за неизвестным фрагментом пространства, интерпретируя[7] свое ощущение энергий в мысленную картину реального космоса.

Она знала, что если и ошибается в своем видении, то не намного.

Это было прекрасно. Именно о такой свободе она мечтала, таких впечатлений хотела от жизни. Отказавшись стать Хранителем Логриса, Эльза вполне осознавала свой врожденный дар и много лет развивала его, стремясь преодолеть все страхи и фобии, связанные с путешествием по энергетической ткани Вселенной.

Подобное занятие казалось ей более привлекательным, чем охрана виртуальных миров Логриса от вторжений извне.

Перед чистым, пронзительным чувством восторга бледнели все иные впечатления, доступные в реальной жизни или в общепринятых рамках сети Интерстар.

Одна. Дух, разум, витающий над Бездной.

Первые робкие шаги эволюционировавшего рассудка… Эльза еще не научилась длительное время поддерживать аномальную структуру, сформированную сознанием в гравитационном поле той системы, куда попадал ее разум, поэтому после восхождения по вертикали она могла воспринимать энергетическую ткань реального космоса на протяжении трех—четырех минут — ровно столько (в зависимости от условий) затухало возмущение метрики, вызванное гиперпространственным переходом.

Затем перед ней вставал выбор — либо стремительное возвращение назад, в пространство десятого энергоуровня, либо рискованная попытка остаться.

Нет. Она еще не была готова к абсолютной свободе, но раз от раза ей удавалось на десять—пятнадцать секунд увеличить время своего пребывания в неизведанной точке выхода. Посылая короткие импульсы, она поддерживала вертикаль в нестабильном состоянии. Сегодня ей удалось продержаться четыре минуты. За это время разум не только оценил картину открывшегося космоса, но и успел транслировать пакет данных, которые Эльза собиралась обработать в спокойной обстановке, после возвращения.

Пора… Пора назад, пока не закрылась вертикаль.

Она потянулась к едва приметной аномалии, обозначавшей точное место, куда переместилась линия напряженности за время ее пребывания в трехмерном континууме.

Стремительное возвращение всегда сопровождалось чувством легкой щемящей грусти.

Еще один уголок Вселенной отпечатался в ее памяти, но даже без подробного анализа становилось ясно, что он не оправдал надежд. Поиск пригодной для жизни планеты не дал положительного результата — звездная система, которой принадлежала вертикаль, располагалась среди облаков газа и пыли. Возможно, на орбитах вокруг звезды обращались планеты, это она выяснит по возвращении, но вряд ли на их поверхности возможна жизнь…

Жаль.

Хотя планета, пригодная для колонизации, являлась важной целью ее поисков, но Эльза не испытывала разочарования — с каждым

восхождением по вертикали она приобретала неоценимый опыт, заглядывала туда, где никогда не бывал ни один человек, и это — с лихвой компенсировало все остальное.

Ее мысли нарушил последний, десятый по счету обратный переход.

Она вновь оказалась в виртуальном пространстве Арасты, где обычно делала остановку для короткого отдыха перед окончательным возвращением.

На этот раз отдохнуть не получилось.

Сознание буквально захлебнулось ощущением тревоги, когда она поняла, что в фантомном пространстве ее ждут.

Выследили?

Вообще, Эльза не была агрессивна по натуре, но сейчас, остро почувствовав постороннее присутствие, она мгновенно приготовилась к схватке.

Пространство десятого энергоуровня контролировалось мнемониками флота Конфедерации Солнц, доступ сюда был строго ограничен в силу исключительной стратегической важности Арасты. Там, где сходятся все вертикали гиперсферы, нет места случайным «прохожим». Здесь располагался форпост Содружества, контролирующий вертикали. Это была оправданная мера предосторожности — никто не мог с точностью предсказать, сколько цивилизаций прошло успешный путь развития на просторах Галактики, поэтому к рассмотрению принимались любые сценарии внезапных событий. Не факт, что гипотетические «братья по разуму», которые вполне могли выработать свою концепцию гиперсферы и научиться путешествовать через аномалию космоса, окажутся дружественными. Скорее наоборот, — опыт собственного развития человечества вкупе с событиями новейшей истории свидетельствовали: любая раса, успешно осваивающая гиперсферу, по определению будет стоять на высокой ступени технического развития и вести экспансивную колониальную политику. Хотя разнообразие форм жизни предполагало и иные варианты. Взять хотя бы логриан. Они первыми освоили вертикали, но ксеноморфы никогда не отличались воинственностью, их стремления носили научный, изыскательский характер…

Чего не скажешь об инсектах или харамминах.

Эльза понимала — в ее распоряжении есть несколько секунд, пока обнаруживший ее мнемоник не определил, существу какой расы принадлежит фантом. Как только станет ясно, что она человек, законы Конфедеративного Содружества заработают в полную силу, и ей придется прорываться с боем…

Реальность наконец стабилизировалась.

Эльза застыла, приготовившись защищаться, потому как бежать было некуда, — небольшую лесную поляну, где материализовался ее фантом, накрыл внезапно включившийся купол энергетической ловушки.

Все. Только полное экстренное отключение… Иного выхода она не видела. Затевать схватку, убивая мнемоников, она не собиралась. Эти люди выполняли свой долг, охраняя три разумные расы от внезапного вторжения.

Она уже была готова отдать мысленный приказ, когда услышала показавшийся знакомым голос:

— Эльза, остановись. Я не причиню тебе вреда.

От дрожащей сферы защитного поля, ограничившей пространство поляны во всех измерениях, отделилась фигура женщины.

Моментальное сканирование показало — она не мнемоник. Более того: фантом принадлежал известной ей личности.

Это означало проблемы на самом высоком уровне к Эльзе приближалась фантомная личность человека, обладавшего огромной властью, распространявшейся в равной степени как на пространство планет Ожерелья, так и на подлунные уровни Форта Стеллар.

Если ее перемещение отслеживали с самого начала, то возможно, сейчас на заброшенных горизонтах военной базы древний виртуальный центр развлечений уже окружает спецназ.

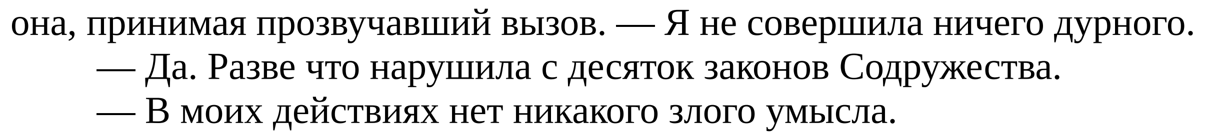
— Нам нужно поговорить. — Фантомная фигура остановилась в нескольких шагах от Эльзы. Что характерно: фигура дрожала, по ней пробегали моментальные искажения, но это не являлось сбоем в программах генератора личности. Так работала система маскировки. Не будь Эльза мнемоником от рождения, она, наверное, не смогла бы с уверенностью распознать, кто именно предложил ей побеседовать, предпочтя разговор безжалостному мнемоническому удару.

— Итак, девочка, зачем ты незаконно посещаешь Первый Мир?

Древнее название Арасты в сочетании со снисходительным обращением грубо и недвусмысленно намекало на полное осознание фантомом своего превосходства. Если предполагался моральный поединок, то немолодая женщина его выиграла, но не этой фразой, а фактом своей известности.

У Эльзы были свои устоявшиеся взгляды на мир, и она определенно считала ту личность, что скрывалась за фантомным обликом, далеко не худшим представителем рода человеческого. Более того, женщина, столь неожиданно встретившая ее, была симпатична Эльзе но многим причинам.

— Я не собираюсь оправдываться, — тем не менее твердо заявила

она, принимая прозвучавший вызов. — Я не совершила ничего дурного.

— Да. Разве что нарушила с десяток законов Содружества.

— В моих действиях нет никакого злого умысла.

— Ладно, — с неожиданной легкостью согласилась ее собеседница. — Оставим эту тему. Тем более что я тоже нахожусь тут инкогнито.

— Неужели? — не поверила Эльза. — Мнемоники флота внезапно потеряли свои способности? Они не фиксируют работу энергетического поля?

— Ты умна. Конечно, мнемоники флота легко заметят энергетическую аномалию. — Женщина едва заметно улыбнулась. — В том случае, если не будут заняты сканированием иной области пространства, — добавила она. — У нас есть пять минут, чтобы договориться.

— О чем?

— Мне нужна твоя помощь. В обмен на услугу я обещаю забыть, что видела тебя тут.

— Это похоже на сделку… — Эльзу насторожил такой оборот событий.

— Называй, как хочешь. — Фантом присел на замшелый ствол поваленного дерева. — Чтобы рассеять твою подозрительность, скажу: быть сильным мира сего не означает вседоступности и вседозволенности. Есть категория личных проблем, которые не подвластны даже мне. Не стану лукавить перед тобой — много лет назад я потеряла человека, которого единственно любила, по-настоящему, без оглядки. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Он в Логрисе? — Голос Эльзы все же дрогнул.

— Да.

— Миры Логриса закрыты.

— Думаешь, я не знаю об этом? Ответь, почему я обращаюсь к тебе?

— Хранители Логриса… Мои братья и сестры.

— Ты правильно расставила акценты. Именно — твои братья и сестры. Только ты можешь пройти среди них незамеченной и провести меня в закрытый мир. Знаю, это так же противозаконно, как твое пребывание тут. Но… я не могу больше… — Ее голос внезапно выдал нотки настоящего волнения. — Ты когда-нибудь любила?

— Нет, — честно ответила Эльза. — Но я понимаю, о чем вы…

— Ты поможешь?

Наступила неловкая пауза.

Эльза действительно пребывала в нерешительности. Слишком

неожиданный оборот приняли события. С одной стороны, что плохого в том, если она поможет любящему человеку увидеться с давно и безвозвратно потерянным прошлым? Но с другой — существовал закон Логриса, нарушать который…

— Логрис, к сожалению, уязвим, — будто прочитав ее мысли, произнесла собеседница. — Ежедневно фантомные миры подвергаются несанкционированным вторжениям. Это факт, и я тоже могла бы обратиться к услугам какого-нибудь кибрайкера, но не хочу, да и не имею права апеллировать к личностям с сомнительной этикой.

— Что вы хотите, конкретно?

— Только увидеть его, провести несколько часов в Логрисе, не рискуя инициировать скандал из-за неопытности или болтливости тех людей, кто незаконно посещает фантомные миры. В этом, как ты выразилась, «нет ничего дурного», верно?

Эльза поняла, что попалась.

Ситуация казалась ей безвыходной.

«Отказаться? Но ведь стремление этой женщины действительно не несет ничего дурного, так же как мои исследования вертикалей. Она такая же заложница собственной страсти, как и я…»

— Когда вы планировали попасть в Логрис?

Ее собеседница подняла взгляд. Рябь искажений более не вуалировала ее облик.

— Сейчас. Истекает последняя минута из отпущенного лимита. Либо мы уходим отсюда вместе, либо…

— Не нужно угроз, — решившись, прервала ее Эльза. — Я помогу вам. Просто, как женщина женщине.

Глава 3

Логрис. Периферия…

Человеческий мир всегда с легкостью можно отличить от логрианского.

Этот оказался на удивление жарким и пыльным. Казалось, что его хозяин совсем лишен фантазии либо просто не удосужился произвести элементарные (с точки зрения затрачиваемых усилий) манипуляции на создание чего-то более приглядного и комфортного, нежели жаркие пески пустыни, над которыми плавилось горячечное, знойное небо.

…Женщина лет тридцати, одетая в легкое, элегантное платье, подчеркивающее стройность ее фигуры, в некотором замешательстве остановилась на берегу полноводной реки, несущей свои радужные, разноцветные волны вдоль четкой границы знойных песков.

Сопровождавший ее фантом уже исчез, растворившись в радужных брызгах.

Она нахмурилась, глядя на знойный горизонт, потом перевела взгляд на свою обувь, понимая, что оделась явно не по погоде.

«Следовало узнать, что представляет собой его мир», — с некоторой досадой подумала она.

Что-то в облике молодой женщины вызывало ощущение неправдоподобности образа. Очевидно, она не привыкла к состоянию растерянности, взгляд, остановившийся на изящной обуви, вдруг утратил мечтательный блеск, и в нем проступило выражение спокойной, взвешенной, холодной решимости.

Мысленно представив расстояние, которое нужно пройти под палящим солнцем, по щиколотки увязая в горячем песке, она вдруг упрямо поджала губы, на мгновенье прикрыв глаза.

«Хороша я буду, когда приползу к нему, измученная, Растрепанная, мечтающая только о глотке воды…»

На миг вся затея показалась ей глупой и неуместной, однако мимолетные мысли уже давно не могли поколебать ее решимости. Просто не думалось, что придется что-то менять в его мире, по крайней мере до встречи. Но выбирать не приходилось.

В знойном мареве миражей внезапно появилась прямая как стрела лента скоростной автомагистрали. Еще мгновенье — и на полосе движения материализовался силуэт «Гранд-Элиота».

Она открыла глаза.

«Ну вот, теперь уже лучше. Главное, чтобы он воспринял это спокойно».

Выйдя на твердую поверхность, она сняла обувь, вытряхнула попавший в туфли песок… и вдруг ее глаза влажно блеснули, выдавая прежнее волнение.

Предстоящая встреча неодолимо манила и в то же время пугала ее.

Совсем как девочка перед первым свиданием…

А разве не так? Разве мысли не тянулись к нему через бездну разделившего их пространства, времени и неодолимых жизненных обстоятельств? Разве не приходил во снах его образ, утраченный, как казалось, навсегда?

Она села в машину, окунувшись в прохладу кондиционированного салона, а перед глазами стояла далекая туманная картинка: сумеречный паркинг базы РТВ, стробоскопические вспышки выстрелов орудия «Фалангера», разбитое ударной волной лобовое стекло точно такого же «Гранд-Элиота», ее дрожащие пальцы, сжимающие принадлежавший отцу кодон активации «Одиночки», и его фигура, бесстрашно шагнувшая во тьму, навстречу неведомой, но смертельной опасности.[8]

Стряхнув наваждение воспоминаний, она коснулась сенсора зажигания.

Водородный двигатель машины заработал беззвучно, лишь мягкая подсветка приборных панелей возвестила о том, что можно начинать движение.

Как непредсказуема наша судьба… Думалось ли ей, что спустя десятки лет она сможет вновь увидеть его?

Каким он стал? Что изменилось в его душе?

Сладкое, сосущее чувство непредсказуемости желанной встречи гуляло по телу, стягивало кожу на затылке мелкими мурашками тревожных, манящих предчувствий.

«Гранд-Элиот», набирая скорость, рванулся с места, устремляясь к далекому горизонту.

Прошло немало времени, прежде чем среди знойных песков появился небольшой оазис.

Сначала она подумала, что это реальность играет с ней, пытаясь компенсировать несанкционированные изменения, но нет, яркая зелень растительности не являлась иллюзией, да и дорога, по определению ведущая к намеченной цели, не обходила стороной островок жизни,

затерявшийся среди песков, а вливалась под сень раскидистых крон деревьев и исчезала.

«Гранд-Элиот» мягко свернул на аллею, где обжигающий свет, проходя сквозь кроны исполинских Раворов, терял свою яростную энергию, проливаясь в прорехи листвы косыми столбами, в которых кружилась мошкара.

Ее волнение достигло апогея.

«Сейчас… Сейчас я увижу его».

Пальцы дрожали, с трудом удерживая руль.

Машина сбросила скорость и теперь медленно катилась среди искрящихся, перекрещивающихся световых лучей, а впереди так же медленно вырастал опрятный двухэтажный домик под черепичной крышей, перед которым раскинулся благоухающий парк: влажно отблескивали зеркальной поверхностью многочисленные пруды, деревья и кустарники, представляющие флору разных планет, сочетались в немыслимых для естественных условий комбинациях, и после унылого однообразия раскаленных барханов пустыни все это казалось особенно удивительным, привлекательным, ласкающим взгляд, обещающим покой и прохладу.

На краю парка особняком стоял небольшой храм, ступени, ведущие к входу, были припорошены песком. Строение резко диссонировало с пейзажем оазиса — развернутое к пустыне, оно возвышалось над барханами, будто немой величественный страж, хранящий незыблемость границ между мертвыми песками и буйством зелени.

Нет, он не изменился. Такие люди не меняются с годами.

«Гранд-Элиот» обогнул бассейн и остановился подле дома.

Она не сразу решилась выйти и некоторое время сидела, тщетно вглядываясь в прохладный сумрак террасы.

«Ну, где же ты?»

Два пустых кресла, низкий столик, на котором стояла ваза с фруктами, оставленный на краю столешницы ноутбук — все говорило о том, что хозяин где-то здесь, рядом, но почему он…

Почему проявляет осторожность?

Она вдруг улыбнулась. *А как ты хотела? Ведь он наверняка заметил дорогу, проложенную через пески. Но чего ему опасаться?*

С тихим шелестом водительская дверь «Гранд-Элиота» скользнула вверх и в сторону.

Она покинула прохладный салон машины и остановилась, оглядываясь вокруг.

Мир застыл.

Исчез ветер, не шевелилась листва, даже мошкара, до этого беззаботно роившаяся в ласковых столбах света, вдруг остановилась, словно кто-то незримый выключил голографическую проекцию.

Она медленно обернулась к террасе, понимая, что он увидел и узнал ее.

Господи…

Сердце оборвалось, ухнуло в бездну, дыхание перехватило, когда она увидела его, стоявшего всего в десятке метров, на ступенях террасы.

Миг потрясенного узнавания…

Она смотрела на него, понимая, что до боли помнит каждый лучик морщинок, разбегающихся от уголков глаз, его взгляд, в котором читалось немое потрясение, как и прежде, таил в себе глубокие, затаенные, не высказанные вслух мысли, — это был он, немного, совсем чуть-чуть помолодевший, но не утративший ни одной из черт того образа, что так долго и бережно хранила она в своей душе.

Тишина лопнула.

Обжигающий нервы шепот обдал ее горячей волной…

— Шейла?!

— Илья… — Она не выдержала, рванулась навстречу, сбрасывая в этот миг весь опыт прожитых лет, вновь превращаясь в ту молодую женщину, которой он однажды дал право на осознанный выбор, позволил заглянуть в глаза смерти и безнадежно, горько полюбить себя…

Нет, она не бросилась ему на шею, но их дрожащие пальцы встретились, и мир вокруг вдруг вновь ожил, но теперь в эманациях окружающего пространства явственно чувствовались хрустальные, звенящие ноты, словно листва деревьев на миг превратилась в тонкое стекло, по которому бежали трещины воспоминаний.

Все могло либо рассыпаться в прах… либо обрести новый смысл.

Однажды такое уже было в их жизни.

Черта невозвращения, за которой скрывается неопределенность будущего.

Господи, как далек и в то же время близок тот хмурый Дождливый вечер, когда он распахнул перед ней дверь машины, еще не подозревая, что орбитальная оборона родной планеты уже пала под ударом харамминов.

В такие моменты слова становятся лишними.

Горкалов был потрясен. Он понимал, что человеческая жизнь не вечна, но почему-то не мог даже помыслить, что однажды вновь повстречается с ней — Шейлой Норман, дочерью друга, которую успел полюбить за те несколько дней, а если быть точнее — часов, что даровала

им для общения смертельная угроза, обрушившаяся на все человечество.

Первый закон Логриса был нарушен.

Впрочем, это случилось не сейчас, а намного раньше, поэтому, ощутив эманации посторонней воли, которая изменила часть его реальности, проложив по ней скоростную магистраль, Илья не испугался, но насторожился.

Однако он мог ожидать кого угодно, только не ее…

— Как? — все же сорвался с его губ этот риторический в данной ситуации вопрос.

— Все в бренном мире имеет свое начало и свой конец. — Глаза Шейлы слегка замутились, потемнели, но прошла секунда, и в них вновь вспыхнули искры внезапно обретенного счастья.

Его мир устоял. Он не выпустил ее пальцев из своей руки, и взгляд Ильи медленно оттаивал, возвращая тепло, он принимал данность, безоговорочно даруя ей право находиться тут.

— Пойдем, — он указал на два кресла, расположенные в тени террасы.

— Ты ждал гостей?

— В последнее время не знаешь, чего ждать, — неожиданно ответил он.

Пальцы Шейлы выскользнули из его руки. Она села, откинувшись на мягкую спинку кресла.

Между ними еще звенела прочная, но преодолимая преграда внезапной напряженности, вызванная не только узнаванием, но и воспоминаниями, которые сейчас рвались из потаенных уголков двух душ, откровенно не чаявших встретиться вновь.

Долгий багряный закат расплескался над пустыней и оазисом феерией прощальных красок дня.

— Значит, прошло почти сорок лет. И ты все это время управляла Конфедерацией?

— Ты не оставил мне выбора, Илья. — Губы Шейлы тронула легкая улыбка. — Когда тебя нашли в обломках «Фалангера», я думала, что мир рухнул и… ничего уже не будет. Но кто-то должен был завершить начатое. Я оказалась единственной, с кем ты поделился планами накануне битвы в Сфере. Ты рассказал мне о Логрисе, и нам действительно удалось не только отыскать его разрозненные компоненты в Рукаве Пустоты, но и собрать миллионы кристаллов воедино, реанимировав древнюю машину ксеноморфов. После падения Элианского узла связи Логрис оказался единственной системой, способной поддерживать сеть Интерстар в полном

объеме.

— И вы решились на это?

— Решились. Хотя, по сути, у нас не было выбора. Только Логрис мог указать точные координаты планеты хfamминов и снять вуаль устройств, искривляющих метрику пространства вокруг шаровою скопления. Мы освободили инсектов и логриан из рабства, уничтожили лже-логрис, поддерживавший владычество Квоты Бессмертных. — Она надкусила яблоко и вдруг добавила: — Все эти годы мне удавалось руководить Конфедерацией благодаря тебе, Илья.

— Не понимаю. — Он вопросительно посмотрел на Шейлу.

— Ты научил меня главному. — Она поймала его взгляд. — Никогда не сдаваться, идти вперед, но среди проблем, противоречий, вынужденных жестких мер никогда не забывать о милосердии. Помнишь, как ты сказал мне эти слова?

Помнил ли он?

Память личности, помещенная в логр, безупречна.

Порой он действительно перебирал мысленные четки тех событий, но не ради ностальгического удовольствия, а в силу информационного голода, пытаясь понять, что было сделано правильно, а что нет и какие последствия наступили в Обитаемой Галактике после того рокового сражения в Сфере.

— Да, я помню. Когда я очнулся и понял, что нахожусь в фантомном пространстве, то после долгих размышлений пришел к выводу: единственным носителем, способным сохранить сознание после смерти и обеспечить ему комфортную виртуальную среду, является логр. Потом, спустя некоторое время, на периферии моего мира начали появляться фантомы людей, и я получил подтверждение своих умозаключений о реанимации Логриса. Это говорило в пользу победы человечества и о распространении новой для нас технологии. Но до сегодняшнего дня я не знал, сколько прошло времени и как на самом деле развивались события.

Илья Матвеевич откинулся на спинку кресла. Чувствовал он себя не совсем уютно, ощущения спонтанной дрожи то и дело пробегали щекотливыми мурашками. Он смотрел на Шейлу и все глубже погружался в воспоминания.

— Только не подумай, что я пришла просто навестить тебя…

— Шейла… — Он вскинул взгляд, мучительно пытаясь понять — что мешает ему просто радоваться ее появлению, отчего каждая струнка души вдруг натянулась, готовая лопнуть… хотя все должно было происходить иначе.

— Илья, я знаю, — безошибочно подхватив его мысль, произнесла Шейла, — между нами все еще лежит вечность. Я прожила сложную жизнь, у меня был муж — помнишь лейтенанта Сокуру?

— Николай? Пилот «Хоплита» с базы РТВ?!

— Да. Сейчас он адмирал. Новый президент Конфедерации Солнц. Он решил, что способен нести это бремя. Процедура генетического омоложения сейчас так же доступна, как и технология логров.

— Я должен спросить… — Илья внимательно посмотрел на Шейлу.

— Почему я не сделала этого? Не прошла генетическое омоложение? — дополнила она прерванную фразу.

— Да.

— На то было много причин, Илья. Позволь, я поживу у тебя пару дней? — неожиданно попросила Шейла. — За две минуты всего не расскажешь… да и некуда торопиться.

Илья кивнул. Он не произнес ни слова, потому что чувствовал: не настоящее и даже не вероятное будущее, а *прошлое* ворвалось в сознание с ее появлением. Откровенно — он никогда не ждал подобного оборота событий и теперь, глядя на нее, не находил в знакомых чертах отпечатка прожитых лет, — взгляд Шейлы оставался так же чист, безоблачен, беззаботен, как много лет назад, ее образ входил в противоречие со словами, словно являлся отражением его собственной памяти о ней…

Наступила неловкая пауза, которую первой нарушила она:

— Илья, ты осуждаешь мой поступок? Думаешь о законах Логриса, сформулированных не нами? Брось… Отставь эти мысли. Просто прими все как есть и увидишь — у нас с тобой все сложится.

Горкалов не нашелся, что ответить. Он ощущал двойственность ситуации и упрекал себя за излишний прагматизм, когда нужно просто поверить — вот оно, счастье, о котором ты даже не мечтал…

Он встал, облокотился о перила и ответил:

— Шейла, прости… Я, должно быть, слишком привык к одиночеству.

— Я понимаю. — Она тоже встала и подошла к нему, но не прикоснулась, лишь обдала знакомым запахом духов.

«Неужели столько лет подряд она пользовалась только ими? — невольно подумал Илья и тут же мысленно себя одернул: — Опять? Опять пытаешься анализировать то, во что нужно верить?»

— По большому счету я не нарушила законов виртуальной вселенной, — произнесла Шейла, также облокотившись о перила. — Никто и никогда не утверждал, что личность должна быть замурована в логре. Эту догму придумали мы сами.

— Хочешь сказать — внутреннее пространство Логриса должно быть открытым?

— Ну я же пришла к тебе в гости… — рассмеялась Шейла. — Да, злоупотребив властью, но кому от этого стало хуже? — Она искоса посмотрела на Илью и добавила: — Побудь один.

— А ты?

— Уже поздно. — Она указала взглядом на темнеющее небо.

Горкалов понял намек.

В душе вдруг все похолодело.

— Пойдем, — сделав над собой усилие, погасившее вспышку эмоций, ответил он. — Я покажу тебе дом, комнат в нем много, сама выберешь, какая по вкусу.

Над далекой линией горизонта вставал величественный диск звезды.

Шейла спала. Илья же не сомкнул глаз: он лежал, прислушиваясь к звонкой, царящей в доме тишине, и думал, не решаясь сделать роковой шаг.

Наконец он не выдержал и резко сел в постели.

Приучить свое сознание к процессу сна было непросто. Зачем нужен сон бессмертному рассудку, у которого не осталось нуждающейся в отдыхе физической оболочки?

Однако Горкалов заставлял себя спать. Вопреки ощущению абсолютной власти над окружающим пространством, он прилагал много, казалось бы, ненужных усилий, чтобы превратить *существование* в *жизнь*.

Это удалось далеко не сразу.

Безграничная власть над пространством — это прекрасно, но не следовало распускать собственный рассудок понятиями вседозволенности. Горкалов осознавал, что является одним из первых людей, попавших в Логрис. В самом начале ему было очень сложно. Невыносимо сложно заставить себя жить, мыслить посреди безвременья, неопределенности, ведь все, чем он дорожил, осталось за неодолимой чертой физической смерти, и, если бы не знания о Логрисе, полученные еще до вторжения харамминов на Элио, он бы не выдержал, сошел с ума в бесконечных проявлениях безропотно подчиняющегося любому мысленному приказу пространства.

Встав, он умылся, потом прошел по внутреннему балкону второго этажа, заглянул в приоткрытую дверь комнаты, куда накануне проводил Шейлу.

Она спала…

Некоторое время Илья стоял, молча глядя на нее, потом резко развернулся и, спустившись по лестнице, вышел на террасу.

Почему между ними стояла явственно ощутимая в мыслях преграда?

«Может, виной тому моя настороженность? Ведь окружающее пространство подчинено *моим* мыслям. Не оттолкнул ли я ее своей излишней подозрительностью?»

Илья облокотился о перила.

С одной стороны, все выглядело просто и естественно.

«В таком случае я веду себя, как…»

Мысль оборвалась.

Вихрь воспоминаний поднимался из потаенных уголков сознания, порождая совсем иные мысли:

«Логрис…

Он мертв и логичен.

Он смотрит на нас, а мы уже не существуем, ибо перешагнули ту грань, которая отделяет реальное от вымышленного.

Мир, созданный силой мысли. Что может быть прекраснее, загадочнее, величественнее и непостижимее его?

Иногда мне кажется, что он действительно прекрасен, как сладчайшая из грез, а иногда он становится отвратительным, как самый изуверский кошмар, но в том и заключается величайшее достоинство этого места, что ни один порыв сознания не может своим дуновением отсюда поколебать даже самый крохотный камушек настоящего мира. Внешний мир закрыт для нас, ибо он хрупок, мы же сильны, и существует лишь малая доля существ, сумевших осознать его хрупкость и свою силу. Остальные все еще ищут себя, совершая разные поступки, но, хвала Логрису, уже не там, а здесь.

Наше жизненное пространство раскинулось в новом измерении, будто старая добрая Вселенная перестала существовать… А может быть, так и есть? Не знаю. Не уверен. Сейчас, мысленно записывая эти строки, я, признаться, уже не совсем помню, что такое реальный мир. Сколько прошло лет… или, быть может, наносекунд?.. с тех пор, как я в последний раз дышал, любил, осязал ТАМ…

Не могу сказать. Могу лишь заглянуть в бездну собственной памяти и посмотреть, когда я отдал себя Логрису, но делать это не хочется.

Удивительно, как поздно начинаешь постигать многие истины. Например, ты всегда знаешь, когда с тобой что-то случается в первый раз, но разве можно предугадать, когда то или иное действие будет совершено в последний? Наверное, в этой непредсказуемости, в полном или частичном

неведении своего будущего и кроется смысл жизни.

Только попав сюда, я с ясностью понял, что смысл жизни — в ее окончательности. Постоянно тяготеющий над нами призрак физической смерти заставляет жить, он дает стимул созидать и разрушать, стремиться к чему-либо, успеть сделать как можно больше до того момента, как физическая смерть заберет тебя.

Открыв принцип реинкарнации, мы разрушили этот естественный закон, а вместе с ним и психическую устойчивость нашего общества. Первая волна реинкарнаций не принесла ничего, кроме радости, — ведь дети, собиравшиеся со дня на день навечно расстаться с родителями, внезапно вновь обрели своих близких. Да, они вернулись из Логриса триумфаторами, победителями над смертью, и… что получилось из этого?

Сначала была радость, ощущение победы над вечностью, потом пришло разочарование и чудовищный, массовый срыв.

Психология живого существа, как известно, ориентирована на выживание вида в целом — такой постулат заложен в наше подсознание эволюцией, но эти же законы развития постулируют и наступающую в конце концов неизбежную смерть отдельного индивида. Это понятно. Но ведь именно данный столп подсознания, как выяснилось, и был подрублен открытием вечной жизни.

Появилось первое поколение „молодых старцев“ с юным телом и ветхим разумом. После первого мига упоения наступило бессилие, и родился вопрос: что дальше?

Отнять сделанное тобой в течение прошлой жизни у своих потомков и снова пользоваться этим или начать все с нуля, будто ты и вправду молод? Но где взять те надежды и иллюзии, которые движут молодыми в поиске самих себя, где взять оптимизм, жизненную силу, когда в тебе — жизненный опыт, знание, привычка к трезвому расчету и на общество ты смотришь со здоровым цинизмом мудрого человека?

Первая реинкарнация породила, как оказалось, кроме первого вспл’еска эйфории, еще и множество злых, надменных и жестоких существ. Они были юными, впереди у них лежала новая вечность, но они уже знали цену жизни, обществу, отдельным поступкам.

Вторая и третья реинкарнации взорвали наш мир и Привели к созданию Логриса сегодняшнего — не извращенной искусственной матки, постоянно выплевывающей в жизнь обновленных старцев, а мира внутри мира, оборотной стороны реальности, где обитают бессмертные души, у которых отняли способность вставать поперек дороги молодым растущим поколениям и перекраивать реальный мир в угоду своим амбициям.

Я не жалею, что ушел жить сюда. Я не жалею о том, что вместе с другими создавал Логрис, ибо вокруг себя я вижу живых современников, которые просто сменили среду обитания на более приемлемую и безопасную как для них, так и для реального мира. Здесь есть все, начиная от ощущения голода или сытости и заканчивая возможностью вести любые проекты, создавать что-то новое или бесконечно переделывать старое, реализовывать себя и оставаться при этом самим собой: добрым или злым, здоровым или ненормальным, — ведь Логрис бесконечен и способен вместить в себя любую причуду.

Когда я участвовал в создании Логриса, то многие говорили: ты называешь срок смерти, ставишь планку ограничений над головами миллиардов существ.

— Ничуть, — отвечал им я, первый из первого поколения реинкарнированных.

Да. Нужно стремиться к тому, чтобы жить долго. Настолько долго, покуда хватит желания жить. Потом, когда плоть одряхлеет, разум устанет и тебе станет трудно, день ото дня все труднее и труднее, не насилуй себя, не цепляйся за свой страх — просто скажи себе: „Я устал“, — и уйди, дай дорогу следующим, ибо вечность, заключенная в тесном узилище плоти, какой бы соблазнительной она ни казалась, — это ловушка для разума.

Приходи. Пространство Логриса примет тебя, и сотни новых реальностей откроются перед тобой, ты продолжишь начатый путь, но уже в иной ипостаси, в такой, которая в силу своей мудрости, усталости и порожденного опытом цинизма не сможет нарушить реального, не погубит тысячи, миллиарды существ собственной амбицией.

Приходи на носители Логриса, который переживет коллапс всего мироздания, и, быть может, мы снова захотим жить в реальном мире, родившись младенцами в новых горячих Галактиках после следующего Большого Взрыва.

Но не дай загнать себя в ловушку Вечности, оставаясь в тесной связи с миром физическим, — там, где царит окончательность, ты погибнешь, твоя душа измельчает, изотрется и умрет. Ты принесешь горе, и горек будешь сам…»

Эту запись, попавшую в руки Горкалова еще при жизни, накануне вторжения харамминов, он запомнил навсегда.

Она объясняла саму суть, истинное предназначение сверхмашины логриан, о существовании которой сохранились только легенды да

разрозненные свидетельства поисковых кораблей, встречавших в Рукаве Пустоты скопления непонятных кристаллов.

Илья Матвеевич все острее ощущал, как чувство тревоги буквально гложет его рассудок. В конечном итоге он нес ответственность за возрождение Логриса. Шейла не зря упомянула о том, что реанимация древней машины стала возможна лишь как продолжение *его* замыслов.

Шейла…

Мысли о ней причиняли невыносимую боль.

Она, по мнению Горкалова, относилась к тем людям, которые не терпят предательства и фальши.

Но это утверждение противоречило факту ее появления тут.

«Кто же из нас на поверку окажется предателем?»

Илья спустился по ступенькам террасы и, не оглядываясь, пошел к далекому горизонту.

Он остановился на берегу разноцветной реки, там, где брала начало проложенная Шейлой дорога. Горкалов был сосредоточен и хмур. Говорят, что глаза — это зеркало души человека. В таком случае, логр справедливо назвать объемной проекцией сущности, единения души и разума.

Пространство, где долгие годы существовал рассудок Ильи, не являлось исключением из правила. Пески пустыни олицетворяли моральный барьер, культивированное еще при жизни одиночество, за которым, доступный лишь немногим, внезапным миражом открывался оазис его души.

Воспоминания о древней записи, попавшей в его руки и расшифрованной много лет назад, заставили Илью Матвеевича действовать решительно.

Нет времени на медленные танцы.

Однажды он сказал эту фразу Шейле. Теперь повторял самому себе, чтобы заглушить растущее изнутри чувство обиды, несправедливости происходящего.

Он считал, что древний закон Логриса реанимирован вместе с миллиардами фантомных вселенных, но, как видно, ошибся. Информационный вакуум, в котором пребывало сознание, сыграл с ним злую шутку: обычно уравновешенный, принимающий только здравые, продуманные решения, Илья сейчас действовал спонтанно, полагаясь на интуитивное чувство, которое вполне могло обмануть.

Некоторое время он всматривался в бурные потоки, но не увидел там смутных, похожих на тени, фантомов, которые время от времени появлялись среди сверкающих брызг.

Ты принесешь горе и горек будешь сам…

Возможно, закон Логриса устарел и более не соответствовал данности, по крайней мере в человеческой оценке причин и следствий?

Илья сконцентрировался. Принадлежащая ему реальность покорно поддалась воле хозяина, и пески пустыни вдруг начали отступать, образуя растущий на глазах залив.

Сверкающие потоки внезапно утратили свое стремительное течение, часть из них хлынула в освободившееся пространство, вскипая мгновенными водоворотами на том месте, где секунду назад возвышались отлогие барханы.

Это должно было подействовать.

«В том случае, если я правильно разгадал значение самой реки», — мысленно поправил себя Горкалов.

Он не ошибся.

В субъективном восприятии прошло совсем немного времени, прежде чем над волнующейся поверхностью новоявленного залива внезапно появились три призрачные фигуры.

Они целеустремленно направились к Горкалову, но Илья ждал их появления, мысленно подготовив себя к встрече. Сейчас он был спокоен — полная концентрация воли в минуты опасности являлась одной из отличительных черт характера бывшего полковника ВКС Конфедерации Солнц.

Его мир подтверждал, что Илья не утратил способности к самоконтролю, — небо над пустыней и заливом по-прежнему оставалось ясным, ни одного хмурого облачка не появилось на горизонте, ветер утих, как будто не существовал вообще, и приближение фантомных фигур не встречало никакого сопротивления.

Он смотрел на них, стараясь воспринять целостный образ, не сосредотачиваясь на деталях, понять, насколько верно его разум истолковал сам факт периодического присутствия этих призрачных фигур в бурных, сверкающих потоках.

Молоды. Очень молоды. Лица спокойны, но не равнодушны. Ни в руках, ни в складках ниспадающих одежд Не заметно каких-то технических средств защиты либо нападения.

Кто генерирует их? Живые люди или специализированные кибернетические системы?

Важный вопрос. На поиск ответа отпущены мгновенья, а от верной трактовки их сущности зависит очень многое.

Пусть подойдут. В данной ситуации первое слово за ними.

Три фигуры остановились у кромки песчаного берега, не переступив незримой границы.

— Здравствуйте, Илья Матвеевич. — Мысленный голос, казалось, исходит издалека, преодолевая на своем пути существенные преграды.

Он не ожидал обращения по имени, однако держать информационные удары, особенно такие, похожие на легкие обманные движения клинка в руках опытного фехтовальщика, призванные не пробить защиту, но обозначить ее, он умел.

— Назовите себя.

— Мы Хранители Логриса, — последовал немедленный ответ.

«Хорошо. Я не ошибся. Хотя формулировка звучит, словно выпад».

«А что ты хотел получить, создавая „водохранилище“?» — мысленно усмехнулся Илья.

— Эта река — Интерстар? — задал он встречный вопрос.

— Да, — без колебаний подтвердил один из Хранителей. — Зачем вы нарушили течение информационных потоков?

— Чтобы вызвать вас, — ответил Илья.

— Чего вы добиваетесь?! — В голосе говорящего с ним призрака все же проскользнули эмоциональные нотки.

Люди. Теперь он знал, что за фантомами скрываются личности живых людей.

— Мне необходима связь с внешним миром.

— Это невозможно. Миры Логриса закрыты для любого вида коммуникации.

— Я знаю. Мне знаком древний закон Логриса, сформулированный еще его создателями. Однако он нарушен… Не мной, — после небольшой паузы добавил Горкалов. — Я готов привести доказательства.

— Мы слушаем.

— Нет. — покачал головой Илья. — Данная информация может быть передана только адмиралу Сокуре. Свяжитесь с ним. Думаю, он санкционирует открытие канала связи.

— Вы требуете слишком многого. Более того, создаете нежелательный прецедент.

Илья нахмурился.

— Я не занимаюсь шантажом, молодые люди. Существует ряд обстоятельств, когда нужно принимать самостоятельные решения, а вы, вероятно, к этому не привыкли, — довольно резко ответил он.

— Ваши действия и требования наносят вред.

«Глупое препирательство», — с досадой подумал Илья Матвеевич.

— Я выбираю меньшее из зол. Небольшая задержка в передаче данных по сети Интерстар не причинит непоправимого ущерба. А что касается прецедентов… — он иронично усмехнулся. — Вы называете себя Хранителями Логриса. Значит, закон необратимости нарушался, и причем не раз, верно? Иначе к чему создавать подобную службу?

Его слова, как видно, попали в цель.

— Хорошо, Илья Матвеевич. Мы исполним ваше требование. Не в наших полномочиях открывать каналы связи с руководством Конфедерации, вам придется ограничиться общением с настоятелем Храма Логриса.

«Больше, чем ничего, но меньше, чем я ожидал…»

— Согласен, — кивнул Илья. — С одним условием. — Он твердо посмотрел на троих Хранителей. — Обмен информацией должен происходить вне границ моего мира.

Один из фантомов сделал шаг вперед, пересекая границу между потоками Интерстар и миром Горкалова. Несколько секунд он стоял с отрешенным видом, затем по его чертам проскользнула внезапная тень удивления.

Было очевидно, что он сканировал пространство логра.

— Ваше требование обосновано. — Фантом развернулся, указав на гладь образовавшегося залива. — Следуйте за мной, Илья Матвеевич.

Глава 4

Планета Гефест. Окрестности Храма Логриса

Два человека шли по неширокой извивающейся меж скал дорожке, ведущей от подножия холма к величественным шпилевидным постройкам, расположенным на плоской вершине возвышенности.

Первому из них можно было дать лет шестьдесят — благословенный возраст, когда разум уже мудр, а тело еще не ослабло. Он шел, не торопясь, задавая темп для своего спутника, который выглядел гораздо моложе.

— Кристофер, это правда, что в прошлом вы… существовали в Логрисе?

Раули остановился. Его свободно ниспадающие темные одежды резко контрастировали с цивильным костюмом собеседника.

— Вы хотели спросить: умирал ли я? — уточнил Кристофер, глядя в туманную даль занимающегося утра.

— Если вас не смущает такая формулировка…

— Нет. Не смущает. Я действительно некоторое время являлся одним из миллиардов обитателей виртуальных вселенных. Однако почему вы спрашиваете, галакткапитан? Разве вы, направляясь сюда, не ознакомились с данными моего личного дела?

— А оно существует? — вопросом на вопрос отреагировал офицер, представлявший мнемонический отдел штаба флота военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Раули проницательно посмотрел на него.

— Уверен, что существует, — ответил он. — Глупо отрицать: вы прибыли по конкретному делу. Рассуждая логически, оно связано не со мной лично.

— Да. Вопрос моего визита на Гефест связан с вашей дочерью.

— У меня их три.

— Нас интересует Эльза.

Легкая тень пробежала по лицу Кристофера Раули.

— В последнее время мы не поддерживаем связь, — отвернувшись, сообщил он.

Капитан Мулгаев ожидал услышать нечто подобное.

— Но вы можете рассказать мне о ней?

— Что именно? — Кристофер вновь возобновил неторопливый подъем, жестом пригласив спутника следовать за ним.

— Нас интересует, почему Эльза покинула Гефест. Ведь она ваша дочь, а значит — Хранитель Логриса, верно?

— Не совсем, Эльза готовилась стать Хранителем Логриса. Однако она не прошла обряд посвящения.

— Ее не допустили?

— Нет, она отказалась. Сама.

— И вы позволили дочери покинуть Гефест? Зная о потенциальных возможностях ее разума?

— Капитан, вы неверно трактуете ситуацию, — без тени раздражения ответил Кристофер. — Моя дочь прежде всего — человек, свободный гражданин Обитаемой Галактики, со всеми вытекающими отсюда последствиями, а уж потом — генетический мнемоник, как вы называете уроженцев Гефеста. Я не мог отнять у нее права на самоопределение. Все дети, несущие в своих генах изменения, полученные их предками на Зороастре, проходят курс мнемонической подготовки, но далеко не каждый становится Хранителем Логриса…

Раули, говоривший спокойно и обстоятельно, внезапно замолчал. Галакткапитан, мысленно готовивший очередной вопрос, недоуменно посмотрел на него и поразился той внезапной перемене, что произошла в облике его собеседника за доли секунды.

Казалось, вся кровь отлила от лица Кристофера, сделав его серым, неживым, но это длилось всего лишь миг — Раули быстро взял себя в руки.

— Извините, галакткапитан. Я вынужден прервать наше общение.

— Что-то случилось?

— Это вне вашей компетенции. Спускайтесь по тропинке, вас встретят.

Все. Сказал, как отрезал.

Офицер хотел что-то возразить, но Раули уже исчез за поворотом тропы.

Получив мнемоническое сообщение, Кристофер действительно на миг оторопел. Такого не случалось еще ни разу. Как человек, побывавший в Логрисе и посвятивший свою жизнь охране виртуальных миров от разного толка поползновений, он знал не только настоящее, но и прошлое фантомной Вселенной.

Упоминание о двух личностях, связанных единым событием, заставило его на миг потерять привычное самообладание.

Неординарность события требовала немедленного вмешательства на самом высоком уровне, но, спеша к входу в Храм Логриса, Кристофер не торопился с вызовом, хотя мог инициировать связь на гиперсферных

частотах из любой точки на поверхности Гефеста.

Нет. Информацию следовало проверить лично.

Поднявшись на небольшое плоскогорье, он оказался перед комплексом зданий, некогда являвшихся резиденцией семьи Раули. Его предки, эксплуатировавшие природные ресурсы планеты, возвели данную постройку два века назад. Затем, когда запасы нефти иссякли, Кристофер продал планету, вернее обменял ее на логр — уникальный в ту пору артефакт расы двухголовых ксеноморфов. Эти события, происходившие три десятилетия назад, навек отпечатались в памяти. В ту пору Раули был стар и неизлечимо болен, но удручающая мысль о бесповоротной окончательности, которую несла физическая смерть, помогала ему бороться с недугом во имя единственной заветной цели — отыскать артефакт древней расы и обрести виртуальное бессмертие.

Древняя истина гласит, что спрос всегда рождает предложение, и Раули действительно сумел отыскать человека, согласившегося передать ему исправный логр в обмен на колонию Гефеста.

Умирающий старик, проживший далеко не безупречную, с точки зрения конфедеративных законов, жизнь, не подозревал, что обмен санкционирован главным разведывательным управлением Конфедерации, а он избран для проведения первого эксперимента, призванного оценить все аспекты поведения человеческого рассудка, попавшего на носитель древнего устройства.

Как поведет себя личность, получившая власть над виртуальным миром? Что ждать от бессмертных сущностей рода человеческого?

Ответ на эти вопросы должен был дать эксперимент, в ходе которого планировалось всячески провоцировать душу и разум бывшего наемного убийцы…

Раули остановился перед входом в здание.

Теперь здесь располагался Храм Логриса. История о том, как первому человеку удалось вернуться из фантомной Вселенной, возвратив себе не только бренную оболочку, но и моральное право на жизнь, хранилась под грифом «секретно» в архивах разведуправления Конфедерации.

Гефест вновь перешел в собственность его немногочисленных обитателей, которые добровольно взяли на себя роль Хранителей Логриса, поскольку в ходе жестокого эксперимента, обернувшегося непредсказуемыми последствиями, выяснилось, что древнюю машину расы логриан, на носителях которой стали появляться фантомные миры человеческих личностей, нужно прежде всего оберегать от вторжений извне…

Раули хорошо знал историю человеческой части Логриса.

Горкалов Илья Матвеевич… Первый человек, реинкарнированный в Логрисе после физической смерти. Легендарная личность. Именно он в период безвластия, на протяжении двадцати лет, прошедших между падением первой Конфедерации и возникновением обновленного Содружества Миров, собирая и анализируя доступную в сети Интерстар информацию, сумел предсказать существование расы харамминов и разгадать их планы вторжения в пространство разобщенных человеческих миров.

Он погиб, отражая атаку Квоты Бессмертных, которые, овладев некоторыми военными технологиями, осуществляли попытку оккупации Сферы Дайсона.

Именно его исследования легли в основу поиска и последующей реанимации Логриса.

…Раули миновал просторный сумеречный холл и вошел в обширное, реконструированное после памятных событий помещение.

Огромный сферический зал казался бесконечным благодаря голографической проекции той части спирального рукава Галактики, которую принято обозначать термином «Обитаемый Космос».

По своей сути Храм Логриса не являлся культовым сооружением новой религии. Он нес вполне конкретный практический смысл — отсюда открывался доступ в пространство того логра, куда военные поместили личность Кристофера в период проведения эксперимента. Сейчас данный виртуальный мир являлся единственным входом в Логрис, существование которого было санкционировано на самом высоком уровне.

Раули остановился.

Его разум непроизвольно тянулся туда, в бездну, где на окраине Рукава Пустоты вращалась исполинская воронка Логриса, составленная из миллиардов сопряженных друг с другом кристаллов.

Каждый отдельно взятый логр сам по себе являлся мощнейшей самодостаточной виртуальной машиной, созданной для записи и последующего поддержания матрицы личности. На данный момент девяносто процентов фантомных миров принадлежали логрианам, и лишь десять — людям. Однако соотношение постоянно менялось в сторону увеличения численности человеческих миров.

«Нет. Осталось немного. Я подожду тут», — решил Раули, посмотрев на комплексы поддержания жизни, под опекой которых находились в данный момент тела десяти человек, составлявших патрульную смену Хранителей.

Их рассудок пребывал в виртуальном пространстве сети Интерстар, основные потоки которой проводила периферия древней машины логриан.

Он не ошибся — процесс возвращения уже начался.

Три камеры внезапно сменили режим индикации, их прозрачные колпаки поднялись вверх и исчезли за изголовьями.

Кристофер повернулся, устремив взгляд в иное пространство.

Ровная цветущая кьюиганская степь.

Это был его логр, через который осуществлялся доступ к основным потокам сети Интерстар и иным фантомным мирам, по периферии которых протекала информационная река, объединяющая сотни удаленных на многие световые годы планет в единое целое. Именно общее информационное поле составляло основу современного понятия «цивилизация».

Одновременно со сменой режимов в камерах поддержания жизни на просторах кьюиганской степи возник фантом.

Рассудок Раули, войдя в мнемонический контакт со сложными кибернетическими комплексами, расположенными за стенами зала, сделал шаг навстречу Горкалову.

Секунда — и среди цветущего травостоя материализовалась еще одна фигура.

Они никогда не встречались при жизни, хотя были современниками.

Их судьбы разнились во всем, но киберпространство стирало все мыслимые границы, обнажая единственно важную составляющую — душу человека.

Именно личность играла решающую роль в киберпространстве. Отличительной особенностью системы любого логра являлась практическая невозможность обычной для сети Интерстар маскировки.

Логры отнюдь не безлики. Они воспринимают личность, воспроизводя ее суть, отражая все, даже самые потаенные, черты характера, отзываясь чуткой обратной связью на помыслы существа, — эманации души и разума находят свое отражение непосредственно в окружающей реальности, выстраивая ее в соответствии с настроением и мысленными желаниями рассудка.

Раули и Горкалов несколько секунд пристально смотрели друг на друга, но идеалистическая картина цветущего травостоя не исказилась, не поблекла, сюда не вторглись иные образы, что прямо свидетельствовало — обе личности обладают железным самоконтролем.

— Здравствуйте, Илья Матвеевич.

— С кем имею честь? — прищурился Горкалов.

— Я Кристофер Раули. Мы находимся в пространстве моего логра.

— Не понимаю. — Илья пожал протянутую руку. — По моим ощущениям, вы живы.

— Да, верно. Я жив. — Кристофер перехватил настороженный взгляд Горкалова и добавил: — Это длинная история, которая сейчас не имеет решающего значения. Мне доложили о вашей гостье. И у меня есть несколько встречных вопросов, Илья Матвеевич.

— Да, я понимаю. Где мы можем спокойно поговорить?

— Пространство логра вас не устраивает?

— После ее появления? — Горкалов горько и чуточку иронично усмехнулся. — Нет. Я не могу доверять пространству логра вне зависимости от того, насколько он защищен и кому принадлежит в частности.

— Хорошо. Тогда я предлагаю перейти в виртуальное пространство Храма. Оно экранировано и защищено последними достижениями в области виртуальных охранных систем. К тому же там нас не потревожат посторонние.

— Согласен. Но прежде ответьте: вызов Сокуре послан?

— Нет. Я еще не беспокоил адмирала.

Горкалов сокрушенно покачал головой.

— Ваша медлительность может обернуться бедой, — предостерег он.

— На ваш взгляд, ошибка исключена?

Илья Матвеевич остановился. Впереди, в крутых обрывистых берегах, протекала уже знакомая радужная река, но, в отличие от реальности его мира, в данном логре через нее был перекинут неширокий мостик, ведущий к тоннелю.

— Это выход из Логриса?

— Да. Единственный официальный канал, существующий на сегодняшний день. Данный логр специально адаптирован для связи с внешним миром. — Кристофер ступил на мост. — Вы не ответили на мой вопрос, Илья Матвеевич, — напомнил он.

— Раули, вы сами должны прекрасно понимать, если ваш рассудок однажды обитал в Логрисе, — обмануть разум, осознающий свою власть над личным пространством, невозможно. Структура логра не позволяет постороннему незаметно для хозяина влиять на данность фантомного мира. Эта степь, — он неопределенно указал на Удаляющуюся полоску зелени, — она является порождением вашего рассудка?

— Да.

— Если я начну видоизменять реальность, вы не почувствуете этого?

— Естественно, почувствую.

— Тогда какие могут быть сомнения? Вызывайте адмирала, и поговорим начистоту.

Разговаривая, они миновали тоннель и оказались в виртуальном пространстве Храма.

— Здесь нас не побеспокоят посторонние силы, — уверенно заявил Раули. — И все же, мне нужен четкий ответ на вопрос — чем обосновано ваше утверждение? Извините, Илья Матвеевич, но, как вы сами заметили, мой разум определенное время действительно был заключен в логре. И я постиг структуру формируемого пространства достаточно глубоко, чтобы судить о всех его возможных «вывихах». В данном случае, из доклада Хранителей и с ваших слов, я понял лишь одно: Шейла Норман, употребив свою власть, проникла в ваш логр. Это противоречит установленным правилам, но все же порыв женщины можно понять. Я до сих пор не связался с адмиралом Сокурой по одной причине: он ее муж. Думаете, ему будет приятно узнать о случившемся?

— Мы, видимо, не понимаем друг друга, — ответил Горкалов. Ему было очень тяжело, горько, но… — Если бы ко мне пришла настоящая Шейла, я ни за что не стал бы поднимать тревогу, а уж тем более нарушать закон, сформулированный еще создателями Логриса, — справившись с эмоциями, произнес он.

Раули жестом указал на два кресла, возникшие посреди огромного зала. ’От Ильи Матвеевича не укрылось, что, несмотря на весь опыт и самообладание Кристофера, его фантом на доли секунды потерял стабильность, как будто генерирующая его личность испытала в этот миг сильнейшее потрясение.

— Это не Шейла Норман?!

— Раули, вы любили кого-нибудь в своей жизни?

Кристофер сел, машинально сцепив пальцы рук в замок.

— Да, — не колеблясь, ответил он. — Любил и продолжаю любить.

— В таком случае вы поймете мое замешательство, радость и одновременно смущение, страх, когда в пространстве моего логра появилась она. Мы не виделись много лет, по меркам реального времени. И, тем не менее, чувства не утратили свою силу. Я говорю предельно откровенно. После вечности, проведенной мной в одиночестве, ее появление стало шоком, потрясением, способным вызвать любые последствия…

— Но вы справились с эмоциями, верно?

— Да, я удержал себя на грани. Более того, зная особенности логров, я

быстро сообразил, что моя личная эмосфера будет подавлять Шейлу, причиняя ей дискомфорт. Поэтому я совершил логичное с точки зрения здравого смысла действие — мысленно переподчинил часть реальности ей, поделил мощность логра между нами двоими, чтобы эманации разумов могли сосуществовать, не навязывая воли и не причиняя неудобств друг другу.

— Здравое решение, — кивнул Раули. — И что дальше?

— Ничего, — угрюмо ответил Горкалов. — Ничего не изменилось, Кристофер.

— Не понимаю… Но подобное невозможно!

— И, тем не менее, это факт. Сначала я думал, что она опасается дать волю своим мыслям и чувствам, но, по мере нашего общения, я все чаще и чаще ловил себя на ощущении, что разговариваю сам с собой. Я видел Шейлу именно такой, как представлял все эти годы, она в ответ говорила мне те слова, которые я желал услышать, ни одной острой нотки за исключением тех порывов, что шли из глубин моего собственного сознания…

Раули, слушая Горкалова, заметно мрачнел.

— Последней каплей, переполнившей чашу подспудных подозрений, стал ее сон, — произнес Илья Матвеевич, глядя, как медленно вращается фантомная модель Логриса.

— В смысле? — переспросил Раули.

— В прямом. Я приложил немало усилий, чтобы заново научить свой рассудок спать.

— Зачем?

— Логрис… — Горкалов произнес это слово, будто проклятие. — Жизнь разума после смерти тела. Логриане проектировали его под себя, учитывая особенности собственной психологии. Для них вечность, проведенная в размышлениях, — это предел мечтаний, нирвана, но мы — люди. Уверен, для большинства попавших в Логрис людей красивая сказка о вечной жизни на поверку обернулась ужасной явью. — Илья перевел взгляд на Раули. — Адаптация проходит очень трудно. Ты вдруг осознаешь, что твоя память утратила спасительное свойство избирательности, вся жизнь лежит, как раскрытая книга, но что за мука перебирать страницы былого, понимая, что будущего нет? Как я имел возможность убедиться, нет на свете людей безгрешных, способных листать страницы памяти и наслаждаться этим. Нет. — Голос Горкалова звучал сухо, жестко. — Ты видишь все ошибки, промахи, но не в силах ни исправить их, ни забыть. Единственный способ удержать собственный рассудок, а значит, и всю

окружающую тебя реальность от губительных срывов — это либо замереть в полном стасисе, либо заново учиться элементарным и, казалось бы, ненужным вещам, таким, как сон, еда, физический труд…

— Да, я знаю, — откликнулся Раули. — Спать в Логрисе я не научился, но свою память испил до дна.

— Тогда есть ли смысл объясняться дальше? Получив власть над частью моего пространства, Шейла никак не повлияла на него. Однако, добираясь ко мне, она без труда создала дорогу и транспортное средство.

Да, приведенный довод выглядел более чем убедительным, по крайней мере для Раули.

— Мне думалось, что такое невозможно, — откровенно признал он. — Логр, насколько я знаю, ведет себя, как зеркало. Хочешь ты влиять на него или нет, но каждая мысль, любой порыв сознания неизбежно находят свое отражение в мельчайших изменениях окружающего.

— Я не заметил никаких изменений, кроме проложенной ею дороги. Получив власть над фантомным пространством, она сумела блокировать обратную связь — смешалась с моими мыслями, затаилась среди них, черпая матрицу своего поведения из моих воспоминаний.

— Все равно не понимаю, как такое возможно, — в глубокой задумчивости повторил Кристофер. — Не могу представить человека, обладающего волей, способной на все сто процентов подавить собственную личность.

— Вы оперируете ложными понятиями, Раули.

— Поясните?

— У сущности, которая пришла в мой логр, нет души, в человеческом понимании данного термина, — медленно произнес Горкалов.

— Отсутствует эмоциональная составляющая поведенческих мотиваций?

— Да, — кивнул Илья. — И еще одна немаловажная деталь: это существо, кем бы оно ни оказалось, совершенно не знало истинной Шейлы Норман. Иначе зачем ей было пользоваться моими воспоминаниями для поддержания беседы?

— Вы говорили о современности? Она ориентировалась в событиях новейшей истории?

— В общих чертах. Мы едва коснулись данной темы. В основном вспоминали прошлое.

— Но вы ведь не сразу почувствовали подлог?

— Не сразу… — согласился Илья. — Но меня неприятно поразила легкость, с которой Шейла упомянула о Николае, как бы между прочим

заметив: «Да, у меня был муж…»

— Речь идет о командующем флотом адмирале Сокуре? А вы хорошо знали его?

— Раули, я родился и вырос в эпоху, когда понятие виртуального бессмертия еще относилось к области научной фантастики. Не знаю, как это происходит сейчас, но в мое время можно было прожить жизнь рядом с человеком и не подозревать о некоторых качествах его души. Однако есть жестокий критерий, определяющий сущность человеческой души. Это бой. Смертельная схватка с врагом, когда чужие тебе люди становятся близкими и понятными за считаные минуты или часы… Я повстречал Шейлу и Николая именно при таких обстоятельствах. Мы вместе рисковали жизнью, не уповая на бессмертие…

— Извините, Илья Матвеевич.

— Да что там… — Горкалов угрюмо смотрел на звезды, захваченный внезапным порывом воспоминаний. — Все может случиться в жизни, но Шейла, какой я ее знал, никогда не опустилась бы до пренебрежения человеком, с которым вместе проливала кровь, а затем прожила жизнь.

— Даже ради затаенной, носимой у сердца, невысказанной любви?

— Да. — Горкалов поднял взгляд, тяжело посмотрев на Раули. — Затем она совершила единственную, но уже непоправимую ошибку, — добавил он, желая поставить точку в тяжелом, но необходимом объяснении.

— Когда уснула? Илья кивнул.

— Человек, впервые попавший в Логрис, ни за что не сумел бы с такой легкостью имитировать сон. Она воспользовалась моим опытом, как до этого оперировала моими воспоминаниями…

Раули ничего не ответил на последнее замечание Горкалова, лишь мысленно удивился мужеству и проницательности его личности. Оспорить собственное, свято хранимое чувство несостоявшейся любви, грубо оборванной в момент физической смерти, не запутаться в сладких тенетах грез — такое по силам далеко не каждому.

— Вы правильно поступили, Илья Матвеевич. Вызвать Хранителей и покинуть свой логр было…

— Кристофер, давайте пока воздержимся от оценок. — Горкалов пребывал не в лучшем расположении духа и мысленно был рад, что находится вне подвластного ему пространства. — Свяжитесь с адмиралом. Наш разговор без его участия себя исчерпал.

— Я уже послал запрос, — ответил Раули. — Но вы заблуждаетесь, Илья Матвеевич. Все, что относится к фантомным мирам, будь то Интерстар, Логрис или сеть аномалии, ближе и понятнее мне, нежели

самым продвинутым спецам из мнемонического отдела.

Горкалов поднял взгляд.

— Много новых для меня терминов, — признался он. — Не совсем понимаю, о чем вы говорите.

— Я поясню, — пообещал Кристофер. — Как только здесь появится адмирал Сокура, — добавил он. — А пока я ненадолго оставлю вас, Илья Матвеевич. Мне необходимо выяснить, каким образом вторжение в ваш мир прошло незамеченным для Хранителей.

Горкалов лишь молча кивнул в ответ.

Раули еще не вернулся, когда в виртуальном пространстве Храма Логриса возник фантом адмирала Сокуры.

Он огляделся по сторонам, не заметив Горкалова, силуэт которого скрывала высокая спинка кресла, но Илья Матвеевич воспринимал реальность несколько иначе, для его сознания уже давно не существовало псевдоматериальных преград и не имело никакого значения, где именно находится объект внимания.

Годы. Неумолимые годы, накладывающие отпечаток на всех и вся…

Илья мысленно сравнивал шестидесятилетнего адмирала с тем лейтенантом, которого повстречал в роковую ночь атаки харамминов на Элио, и образ Сокуры внезапно начал двоиться, словно слайды воспоминаний, накладываясь на облик командующего флотом, делали его ближе, понятнее…

— Ну, здравствуй, Николай. — Горкалов встал.

Да, время не истерло воспоминаний. Сейчас на лице Сокуры промелькнула тень такого же потрясенного узнавания, как в том незабвенном прошлом, когда они впервые встретились на одном из покрытых оспинами воронок технических паркингов базы РТВ планеты Элио.

— Илья?!

Очевидно, он не сразу поверил в происходящее.

Секунды. Глухие мгновенья, наполненные током крови, отдающимся в виски пульсом медленных ударов сердца…

— Но как?! — наконец, справившись с потрясением, выдохнул он.

Из Логриса не возвращаются.

А он вернулся. Но не затем, чтобы жить вновь. Илья совершенно не представлял, что последует дальше, как сложится его существование после этой встречи.

Они обменялись крепким рукопожатием, и Горкалов, в отсутствие хозяина, указал на кресла:

— Сядем.

Сокура машинально сел.

— Илья, что ты натворил? Почему оказался тут и где Раули?

— Кристофер вышел. Ненадолго. Выясняет обстоятельства вторжения в мой мир.

— К тебе вторглись? Кто?

— Пока не знаем. Сейчас все объясню, но прежде скажи, — как Шейла?

— У нее все в порядке. Проводит утреннее совещание с силовиками. Подожди, Илья, я ничего не могу взять в толк…

Горкалов не расслышал последней фразы.

Шейла жива. Она по-прежнему президент Конфедерации. Он не ошибся ни в чем…

С одной стороны, он испытал облегчение, а с другой, — в душе вновь всколыхнулась горечь: нашелся в мире равнодушный подонок, использовавший их невысказанные друг другу чувства, чтобы сыграть на них, войти в доверие, преследуя непонятные пока что цели.

Одно Илья осознал с жестокой ясностью — вряд ли эти цели окажутся всего лишь неумной, злой шуткой.

— Так, Илья, ты полагаешь, что провокация не направлена против тебя лично? — Николай Сокура, вернее, его фантом, сокрушенно покачал головой, пытаясь осмыслить изложенные вкратце события.

— Кому я нужен? — задал встречный вопрос Горка-лов. — Ты ведь должен отдавать себе отчет, Ник, здесь действует сила, если не целый механизм сил, которые смогли бы обмануть меня, использовать в своих целях…

— Чего же им не хватило для успеха?

— Толики человечности, — отрезал Горкалов. — Не подумай, Ник, что я поднимаю тему прошлого, зациклившись на ином разуме. Но я провел в Логрисе субъективную вечность, у меня, как и перед вторжением харамминов, было достаточно времени и пищи для размышлений.

— А чем ты занимался?

— Учился жить в Логрисе. Постигал его структуру, выводил закономерности, ставил эксперименты над вариантами реальности, которые предлагал логр, в зависимости от моего настроения, воспоминаний, целеустремлений. Поверь, приобретенный опыт не позволяет мне строить иллюзий, — это было технически подготовленное, грамотно спланированное вторжение. Игра на моих чувствах и воспоминаниях — лишь ничтожная часть глобального процесса,

промежуточный этап, понимаешь?

— Илья, в твоих словах достаточно логики, я вполне осознаю ход твоих мыслей: прежде чем затевать игру с твоим сознанием, неизвестный… или даже группа неизвестных должны были найти способ проникновения в Логрис, отыскать твой мир среди миллионов иных реальностей, затем генерировать устойчивый образ, призванный ввести тебя в заблуждение в момент первого контакта.

— Все перечисленное тобой абсолютно справедливо. На мой взгляд, проделан титанический труд, и наивно полагать, что его конечным результатом стала бы банальная насмешка над потревоженными чувствами.

— Ты многого не знаешь, Илья, — вздохнул Сокура. — Наш мир сильно изменился. Киберпространство приобрело совершенно иной масштаб, и действуют в нем вполне реальные, но незнакомые тебе силы.

— Тогда расскажи мне о них. — Илья произнес эти слова спокойно, понимая, что в создавшейся ситуации адмирал вряд ли станет утаивать от него важную информацию.

Сокура кивнул. Все равно до возвращения Раули придется повременить с категоричными выводами. А если уж Илья оказался объектом атаки, нет смысла скрывать от него общеизвестные технологии.

— Ты прекрасно знаешь, Илья, что самым ценным в современном мире является информация. Мы все убедились, что только единое информационное пространство позволяет сотням обитаемых миров оставаться цивилизацией, несмотря на все частные различия. Падение сети Интерстар уже едва не привело к краху. Но сейчас речь пойдет не о глобальных проблемах. В рамках межзвездной сети существуют миллионы информационных локаций, принадлежащих различным планетам, организациям, коммерческим объединениям и т. д. Примерно два десятилетия назад корпоративные сети промышленных миров Окраины начали подвергаться атакам хакеров нового поколения, так называемых «кибрайкеров». Перед ними не могла устоять ни одна защита, более того, кибрайкеры до определенного момента оставались неуловимы, благополучно выскальзывая из самых хитроумных ловушек. Корпоративные сети сектора Окраины оказались под угрозой полного уничтожения. Хранить информацию и обмениваться ею стало практически невозможно — секретные данные становились легкой добычей кибрайкеров, которые затем перепродавали украденные данные заинтересованным лицам. Ты должен понимать, что мы не могли остаться в стороне — крах любой из крупнейших корпораций Окраины привел бы к нарушению сложившегося баланса сил, переделу планетной собственности

и многим другим тяжким потрясениям. В этом случае нам пришлось прибегнуть к жестоким мерам: для неизвестных было подготовлено несколько ловушек, которые сработали на поражение, физическую ликвидацию источника вторжения. Одновременно мы отслеживали все мыслимые каналы связи. В операции были задействованы миллионы сотрудников спецслужб на десятках планет. В результате нам удалось уничтожить одного кибрайкера и установить точное физическое местоположение источника атаки.

Николай откашлялся и продолжил:

— Можешь представить замешательство специалистов, когда выяснилось, что атака осуществлялась из обыкновенного номера дешевого отеля, который даже не был оборудован компьютерным терминалом?

Илья внимательно слушал, не перебивая и не задавая встречных вопросов. Он лишь приподнял бровь, ожидая продолжения.

— В номере группа захвата обнаружила труп молодого человека, без внешних признаков насильственной смерти, — пояснил адмирал. — Поначалу возникло полное впечатление, что акция провалилась, но стоило тщательнее осмотреть тело, как вдруг начали выясняться необыкновенные детали: этот парень обладал семью дополнительными имплантами, к которым подключался целый набор самодельных кибернетических модулей. Каждое из устройств было оснащено портами удаленного доступа, что объясняло факт отсутствия в номере сетевого терминала. При исследовании кибернетических модулей наши специалисты выяснили, что они содержат уникальные программы, предназначенные для взлома защиты и скачивания информации. Больше выяснить на тот момент нам не удалось, но в результате появился первый признак, по которому стало возможно отличить кибрайкеров от других людей.

— Количество имплантов? — предположил Горкалов.

— Да, — кивнул в ответ Николай. — Далее, как ты понимаешь, последовала еще одна широкомасштабная акция, на этот раз связанная с мониторингом всех без исключения космических портов содружества. На этот раз нам удалось выследить и взять кибрайкера живым. В ходе допроса он полностью «раскололся». На поверку оказалось, что сила виртуального преступника определялась не столько количеством дополнительных имплантов и качеством программного обеспечения кибермодулей, сколько способностью человека полностью абстрагироваться от реальности, олицетворять себя с сетью или иным объектом вторжения. Синтез человеческого рассудка, обрабатывающего данные на уровне абстрактного мышления, с узкоспециализированным программным обеспечением

кибермодулей оказался той самой отточенной бритвой, что вскрывала любую защиту. Кибрайкер попросту видел все расставленные ловушки, он действовал со скоростью кибернетического устройства, не утрачивая при этом врожденной способности человека к принятию интуитивных, нестандартных решений.

— И как вы поступили? — осведомился Илья, для которого данная информация являлась откровением.

— Мы были вынуждены осведомить заинтересованные стороны о сущности кибрайкеров, одновременно проведя через Совет Безопасности Миров закон о допустимом уровне имплантации.

— Это дало результат?

— Не тот, что ожидался, — откровенно признал Николай. — Корпорации по-своему распорядились полученной информацией — они подхватили саму суть технологии и начали формировать касту мнемоников, по сути — тех же кибрайкеров, с той лишь разницей, что новые сотрудники корпоративных сил безопасности были психологически ориентированы на защиту.

— В итоге вы не смогли проконтролировать процесс?

— Да. Семя новых технологий упало на подготовленную почву. Не стану пересказывать тебе всех перипетий борьбы, которая велась на протяжении десятилетий, но сейчас, по нашим данным, количество мнемоников превышает миллионный порог.

— Раули тоже мнемоник?

— Да, но он, как все жители Гефеста, — особый случай. Ты ведь помнишь о планете Зороастра?

— Естественно.

— Так получилось, что большинство жителей Гефеста — потомки беженцев из того преступного мира. Сразу после разгрома подпольных центров генной инженерии с планеты эмигрировали десятки тысяч человек, в основном люди, напрямую не замешанные в преступном бизнесе, а работавшие в сфере обслуживания. Если бы за разгромом Зороастры не последовал скорый развал первой Конфедерации, на них, без сомнения, обратили бы пристальное внимание, но все сложилось иначе: были схвачены и осуждены лишь крупные дельцы теневого бизнеса, а к беженцам вообще никто не проявил должного интереса. Лишь много позже выяснилось, что весь обслуживающий персонал, работавший на обеспечение преступных производств, подвергался обязательной генетической модификации. Вполне безобидной на первый взгляд — часть нейросетевых структур головного мозга видоизменялась, формируя, по

аналогии с некоторыми экзобиологическими видами животных, особые нервные центры, способные к приему и передаче информации посредством тепловых, радио — и ультразвуковых волн. Эти нервные центры замыкались на отдельный участок коры головного мозга, где методом генетического программирования были наследственно закреплены способности к восприятию универсального машинного кода.

— И какую цель преследовали генные инженеры Зороасты? — Илья Матвеевич был крайне заинтригован.

— На первый взгляд вполне безобидную — повысить эффективность труда наемных рабочих, — ответил Николай. — Человек, способный напрямую отдавать приказы кибернетическим устройствам, удаленным на десятки и даже сотни метров, прибегая лишь к мысленным усилиям, по определению имел большую производительность труда, чем оператор, вынужденный манипулировать сенсорными клавиатурами или привязанный к определенному терминалу шунтом нейросенсорного контакта, — пояснил он.

— То есть самая безобидная из технологий генных инженеров Зороастры по сути являлась прототипом… нет, скорее теоретическим обоснованием появления кибрайкеров и мнемоников? — высказал свое предположение Горкалов.

— Да, — согласился с ним Сокура. — Как нам удалось выяснить позже, за фактом появления первых кибрайкеров стояли немногие из специалистов, которым удалось избежать ареста после зачистки Зороастры. Они работали в подпольных клиниках Окраины, вынужденно используя грубую, по их мнению, технологию имплантации кибернетических компонентов. В их распоряжении уже не было того уникального оборудования, которое уничтожили силы Патруля на Зороастре.

— Я чувствую, Николай, ты подводишь меня к тому, что вторжение в логр вполне мог осуществить хорошо подготовленный кибрайкер?

— Не возьмусь утверждать, Илья. Пока что я лишь информирую тебя о имеющих место общеизвестных процессах, чтобы ты мог строить свои выводы на основе объективной информации. Твои аналитические способности мне известны. Ну, а кто конкретно находится в твоем логре, мы выясним, не сомневайся…

В этот момент в виртуальном пространстве Храма Логриса появилась фигура Раули.

— Приветствую, Кристофер. — Сокура пожал протянутую руку. — Почему так долго? Мы с Ильей Матвеевичем уже успели…

— Извините, адмирал, — прервал его Раули. — Дело принимает

серьезный оборот. — Он был мрачен и не пытался скрыть этого. — Не далее как сегодня утром с визитом на Гефест прибыл офицер мнемонического отдела флота. Он интересовался моей младшей дочерью, Эльзой. Вы можете пояснить, с чем это связано?

Сокура на миг задумался. Он искоса посмотрел на Илью, понимая, что тот не глухой и словосочетание «мнемонический отдел флота» расслышал со всей очевидностью.

Адмирал, несмотря на всю серьезность состоявшегося между ним и Горкаловым разговора, все еще пребывал в замешательстве от их внезапной встречи. Он хотел, но не мог абстрагироваться от прошлого, память чувств, все его существо нашептывало до абсурдного озноба: перед тобой Илья, ничуть не изменившийся, такой же логичный, сдержанный, преданный своим идеалам, понятиям чести, — тот самый человек, чей голос, пробившись сквозь помехи несущей частоты, прозвучал для лейтенанта Сокуры, как первый проблеск надежды в аду внезапного боестолкновения…

Дрожь прокралась вдоль позвоночника, пробежала мурашками по затылку.

«Здесь полковник Горкалов. Вызываю любого дружественного пилота в радиусе действия сенсоров…»

Адмирал вдруг явственно ощутил, как щекочет обоняние острый запах, прорвавшийся в рубку «Хоплита» через многочисленные пробоины.

Запах смерти. Флюиды пробитой гидравлики, смешивающиеся с запахом охлаждающей жидкости из поврежденного контура системы теплообменника бортового реактора.

Красные нули на датчиках боекомплекта.

Тени серв-машин неизвестного противника, надвигающиеся со всех сторон, и, как подтверждение только что прозвучавших слов, — далекие, стробоскопические вспышки тактовых залпов орудий «Фалангера» и объятый пламенем реактивных ускорителей контур «Ворона», совершившего прыжок через здания пар ковочных боксов…

Время не властно над подобной памятью.

«Мы слишком много узнали за последние годы, — внезапно подумалось ему, — сделали удивительные открытия и застыли у пограничной черты, топчемся на месте, не в силах переступить ее…»

Замешательство адмирала, длившееся всего несколько секунд, было вызвано тем обстоятельством, что вопрос Кристофера касался уже не общеизвестных фактов — он лежал в области, тесно связанной с секретными исследованиями. Раули был посвящен в суть производимых в

пространстве десятого энергоуровня экспериментов, а вот Илья Матвеевич — нет.

Имел ли он право открывать призраку человека, погибшего четыре десятилетия назад, государственные тайны Содружества Миров?

А разве не Конфедерацию в данный момент защищал Илья, поступившись своими бережно хранимыми в душе чувствами к Шейле?

Если у адмирала и оставались сомнения, то сейчас они исчезли. Он не ошибся в своем предвидении — полковник Горкалов остался прежним и мог очень многое сделать во благо Содружества миров…

— Кристофер, нас здесь трое, — нарушил недолгое молчание Сокура. — Илья Матвеевич, поймите меня: прежде чем продолжать обсуждение проблемы, мы должны определить ваш статус.

— Я понимаю, Николай, — кивнул Горкалов.

— Илье Матвеевичу придется некоторое время погостить на Гефесте, — внезапно сообщил Раули. — Его логр уничтожен при попытке Хранителей вторично войти в виртуальное пространство.

— Объясняйтесь конкретнее, Раули! Что значит — уничтожен?! — Реакция адмирала показалась Илье Матвеевичу чересчур эмоциональной.

«Уж не играет ли он?» — прокралась в рассудок предательская мысль.

— Логр уничтожен физически, — пояснил Раули. — У нас нет ни визуального канала, ни сведений о его точном местоположении в структуре Логриса, но группа, посланная туда, вернулась с потерями. Один из Хранителей погиб в момент разрушения логра. Попытка восстановить информационное пространство не увенчалась успехом, а это может означать лишь одно — кристалл разрушен.

— А как же Илья? — Сокура резко обернулся.

— Личность, покидающая логр, автоматически перемещается с носителя на носитель, — успокоил присутствующих Кристофер. В данный момент личность полковника Горкалова поддерживается выделенными логр-компонентами Храма. В самом Логрисе к этому моменту создана резервная копия виртуального мира, помещенная в чистый логр.

Илья молча выслушал страшное сообщение.

— Если бы я остался? — наконец спросил он.

— Вы бы погибли вместе с логром в момент его ликвидации.

— По-вашему, это входило в чьи-то планы?

— Да.

— В таком случае у нас появилось недостающее звено. Теперь можно предполагать мотив неизвестной силы. Как видишь, злая шутка обернулась далеко идущими последствиями. — Илья пристально посмотрел на

Николая и добавил: — Вторжение в мой логр преследовало единственную цель — пробудить мою память, прочитать *ее*, при этом образ Шейлы использовался как своеобразный код Доступа.

— Какого рода информация могла быть получена от тебя?

Горкалов прищурился.

— Сам не догадываешься, Ник?

— Извини. Нет.

— Мои знания в области человеческих технологий, как ты убедительно доказал минуту назад, устарели лет на сорок, не меньше. Остается определить, что с той поры осталось неизменным и сохранило исключительную важность?

— Психологическая карта личности Шейлы Норман, президента Конфедерации Солнц и верховного главнокомандующего военно-космическими силами содружества, — произнес Кристофер. — Илья Матвеевич прав. Кто-то пытается оценить свои шансы в противостоянии с Содружеством, причем неизвестная нам сила демонстрирует недюжинные аналитические способности. Противник, — Кристофер подчеркнул интонацией это слово, — прекрасно сознает роль личности в истории. Действия союзного флота в любой ситуации будут зависеть от кардинальных решений, которые примет ставка верховного командования во главе с Шейлой Норман.

— Я оказался наиболее доступным и одновременно самым достоверным источником информации, — невесело констатировал Горкалов. — Меня заставили раскрыться, вспомнить Шейлу, ее характер, все, что я знал и берег в своей душе. Теперь, сравнив полученные сведения с общеизвестными фактами, ее публичными выступлениями, проведя анализ принятых за время управления Содружеством кардинальных решений, ее реакцию на событие можно предсказать с вероятностью до девяноста девяти процентов.

Сокура встал с кресла и прошелся по фантомному пространству Храма.

Казалось, что он не готов принять подобные выводы, что-то мешало адмиралу подхватить сформулированную версию…

— Что мы имеем в итоге? — размышляя вслух, спросил он. — Гипотетический противник опередил нас на неизвестное количество ходов, он проницателен, способен к глубокому стратегическому планированию, обладает достаточными знаниями и ресурсами, чтобы обнаружить искомый логр среди миллионов подобных кристаллов, он нашел способ беспрепятственно проникнуть в закрытое фантомное пространство, а затем

уничтожил носитель, при этом благополучно ускользнув от преследования?

— Да, адмирал. И мне кажется, теперь стоит вернуться к заданному мной вопросу. Думаю, что статус Ильи Матвеевича определен самими обстоятельствами. — Раули обернулся к Горкалову и внезапно добавил: — С возвращением. Вы не только избежали гибели, но и принесли неоценимые сведения. С нашей стороны было бы глупо и бесчестно пренебрегать вашей помощью.

— Хорошо… — Сокура, смотревший на яркий сгусток скопления О’Хара, резко обернулся. — Не нужно убеждать меня, что у любого правила есть исключения. Вы сами тому живое свидетельство, Кристофер.

— Я говорил несколько о другом. Нет смысла скрывать от Ильи Матвеевича новые сведения об аномалии космоса. Тем более что речь в дальнейшем неизбежно пойдет о вертикалях.

— Это почему?

— Я повторю вопрос, адмирал: с чем связан повышенный интерес мнемонического отдела флота к моей дочери?

— Я не начальник мнемонического отдела. — Сокура посмотрел на Раули, а затем, махнув рукой, добавил: — Сейчас проверяют всех без исключения мнемоников. Наши специалисты фиксируют нестабильность вертикалей. С наблюдательных станций Ожерелья ежедневно приходят отчеты о новых импульсах возбуждений, которые невозможно соотнести с заранее запланированными акциями по мнемонической разведке иных звездных систем.

— Вы считаете, что кто-то из мнемоников осуществляет собственные изыскания, используя свойства вертикалей?

— По крайней мере, я так считал до сегодняшнего инцидента. Теперь приходится задуматься о худших вариантах. Воздействие на вертикали с таким же успехом может осуществляться с той стороны…

Илья молча слушал их диалог, ловя незнакомые термины. Он не вмешивался, считая, что задавать вопросы сейчас неуместно.

— Клубок запутывается, Николай Андреевич, — произнес Раули, создав для себя третье кресло. — Я попытался снестись с Эльзой, но она не отвечает. Я не могу с ней связаться ни по стандартными коммуникационным каналам, ни мнемонически.

— Я знаю, что она отказалась стать Хранителем Логриса и покинула Гефест, — заметил Сокура.

— Да, верно. Я уже объяснил вашему офицеру, что никто из жителей Гефеста не обязан идти по предопределенному пути. Теперь я сожалею, что отпустил Эльзу.

— Что-то случилось?

— Пока вы беседовали, группа Хранителей исследовала все коммуникационные каналы, сопряженные с миром Ильи Матвеевича. Они искали следы проводника, сумевшего обойти патрули.

— Есть результат?

— Да. Мой старший сын Андрей утверждает, что в районе виртуального пространства, сопряженного с разрушенным логром, остался слабый энергетический след. Как известно, каждый мнемоник или кибрайкер обладает неповторимой аурой биоэнергетического поля.

— Ну, Кристофер, не тяни.

— Энергетический след оставила Эльза.

Это утверждение, с трудом давшееся Раули, воздействовало на Сокуру самым неприятным образом.

— Эльза вторглась в мир Ильи?

— Нет. Она не пресекала границ виртуального пространства Логра.

— Значит, она являлась проводником?

— Да, — признал Раули. — У меня нет причин отрицать это.

— Мы должны отыскать ее!

— Этим уже занимаются. Остыньте, адмирал, я не меньше вашего заинтересован в разговоре с дочерью. В последний раз она выходила на связь со Стеллара. Сейчас туда отправился Андрей. Он найдет ее. Это вопрос ближайшего часа.

— Хорошо. — Сокура сел. — Надеюсь, вы предупредили сына о степени секретности?

— Он прекрасно знает условия нашего соглашения с Содружеством. На него можете положиться, как на меня.

— Что нам остается? Ждать?

— Да. Предлагаю провести время с пользой. Будет неплохо, если мы посвятим Илью Матвеевича в последние открытия, связанные с вертикалями гиперсферы и планетами Ожерелья.

— Согласен. Думаю, преждевременно беспокоить Шейлу, пока не будут получены пояснения от Эльзы. — Николай посмотрел на Горкалова и внезапно добавил: — Видишь, как все оборачивается, Илья…

Прошло больше часа, прежде чем в виртуальном пространстве Храма Логриса появился четвертый фантом.

Это был Андрей Раули.

Поздоровавшись с присутствующими, он вопросительно посмотрел на отца и, дождавшись утвердительного кивка, произнес:

— Я не нашел Эльзу. Но есть серьезные опасения, что она мертва. —

Слова давались ему с трудом.

— Подробнее. — Сокура понимал, что причиняет Кристоферу и Андрею боль, но обстоятельства требовали от него немедленных решительных действий. — Что удалось выяснить на Стелл аре?

— Эльза вела личные изыскания. Для выхода в сеть она использовала оборудование, оставшееся на заброшенных подземных уровнях форта. Там сегодня случился пожар, но, к счастью, среди прочей техники на нежилых горизонтах сохранились функциональные кибермеханизмы, запрограммированные на действия в нештатных ситуациях. Они ликвидировали очаг возгорания, в результате пострадала лишь камера поддержания жизни. Ею, несомненно, пользовались, — перехватив взгляд адмирала, добавил Раули-младший, — но на момент тушения она была пуста.

— Сопутствующая аппаратура?

— Уцелела. Сейчас там работают штатные мнемоники из отдела разведки флота.

— А ты, Андрей, можешь предположить, какого сорта изысканиями занималась твоя сестра?

Раули посмотрел на отца, а затем ответил:

— Боюсь, адмирал, она нарушила закон. Эльзе не нужна аппаратура поддержания жизни при обычном вхождении в сеть. Она достаточно хорошо подготовлена, чтобы отключаться от реальности лишь частично. Нас всех обучали этому.

— То есть, пребывая в виртуалке, она могла самостоятельно передвигаться, положим, по гостиничному номеру, есть, пить?

— Да, вы правы, адмирал. Это техника «двойного восприятия». Эльза владела ею в совершенстве.

— Тогда объясните мне, зачем ей понадобилась камера поддержания жизни?

— Для полной самоотдачи. Ей требовалась максимальная сосредоточенность.

— Для чего? Скажете вы наконец?

— Эльза исследовала вертикали. Самостоятельно…

Сокура кивнул. Он ожидал услышать нечто подобное.

— Запоминающие устройства уцелели? — осведомился он.

— Да. Терминалы, адаптированные к приему мнемонических данных, имеют высокую степень защиты.

— Я свяжусь со Стелларом, — произнес адмирал. — Андрей, ты должен дать точные указания для группы мнемоников.

Кристофер Раули решил, что настала пора вмешаться.

— Адмирал, остановите операцию. Ваши люди не справятся с защитой, которую устанавливала моя дочь. Все оборудование следует доставить сюда, на Гефест. Можете прислать любое количество наблюдателей, но уверяю: вскрыть защиту терминалов и снять информацию по силам только мне и Андрею.

— Согласен, — после недолгого размышления кивнул Сокура. — Но мы должны действовать немедленно. Возможно, информация с терминалов — наша единственная нить.

— Мы понимаем это, — ответил Андрей. — В виртуальном пространстве Стеллара осталась группа Хранителей из десяти человек. — Они проинструктируют ваших людей. Желательно не отключать комплекс аппаратуры от питания. Специалисты флота смогут соблюсти это условие?

— Смогут. Если потребуется, мы пробьем дополнительный тоннель для эвакуации.

— В таком случае я возвращаюсь в виртуальное пространство Стеллара. Мы будем обеспечивать безопасность на мнемоническом уровне.

— Действуй, Андрей.

Раули посмотрел на адмирала и добавил:

— Позвольте я провожу сына?

Николай кивнул. Взглянув на Илью, он достал коммуникатор и стал отдавать распоряжения.

Горкалов, молча наблюдавший за развитием событий, вдруг подумал, что мир, который он помнил, был гораздо проще открывшейся реальности второй половины тридцать девятого века.

«Все только начинается, Илья», — упрямо шептал внутренний голос.

Часть II

Глава 5

3842 год галактического календаря. Окраина шарового скопления О'Хара. Зона средней звездной плотности. Борт картографического крейсера Конфедерации Солнц

— Сэр, докладывает навигационная рубка. Пеленг сигнала семь градусов от оси курса.

Командир крейсера «Синапс» повернулся к панели связи.

В прозрачной сфере стек-голографа в данный момент отображались данные, снятые с систем локации.

— Рубка, кто на связи?

— Галактлейтенант Курбанов.

— А, Володя… не узнал по голосу. Богатым будешь. — Полковник Ничменов посмотрел на конфигурацию сигнала и тут же осведомился, одновременно высказывая свое мнение: — Какие-то обломки. Что показывают датчики энергосканирования?

— Сигнал есть. Слабый, но стабильный. Похоже на работу аварийных систем.

— Сколько до него? — Ничменов имел в виду объект.

— Миллион семьсот. Я поднял по тревоге группу быстрого реагирования.

— Добро. Контур не опознан?

— По отраженному сигналу аналогий нет. Через тридцать секунд будет видеоряд. Оптические умножители заканчивают маневр ориентации.

— Хорошо. Я сейчас поднимусь в рубку. — Ничменов понял, что экстренного торможения не избежать. Хотя, нет… Здесь, на противоположной от границ освоенного космоса окраине скопления О'Хара, приходилось постоянно быть начеку — зона средней звездной плотности предполагала наличие планет в тридцати процентах близко расположенных друг от друга систем. Все миры, сколько-нибудь пригодные для жизни, были заселены; среди многочисленных колоний инсектов преобладали так называемые «дикие семьи», не связанные с Конфедерацией договором о «дружбе и сотрудничестве». Учитывая, что кланы насекомоподобных существ начали осваивать космос три миллиона лет назад, приходилось быть вдвойне осторожным: семьи часто воевали между собой, к тому же, после долгого владычества харамминов, они не выносили гуманоидов. Все это, вместе взятое, сильно осложняло

картографические исследования. Космические корабли инсектов уже дважды пытались атаковать «Синапс», не утруждая себя переговорами.

— Есть оптическое изображение, командир, — прервал его мысли доклад лейтенанта. — Взгляните.

Ничменов обернулся.

Сфера голографического монитора действительно демонстрировала обломки: фрагменты космического корабля образовывали в пространстве подобие кометы с выраженным ядром и длинным шлейфом. Собственная скорость данного образования была невелика — порядка одного километра в секунду.

В нижней части виртуального монитора система опознавания целей вела тщетные попытки идентификации.

Присмотревшись к сменявшим друг друга фрагментам изображений, Ничменов вдруг понял, что узнает некоторые характерные узлы. Корабль явно принадлежал людям, но один космос ведал, какая прихоть судьбы занесла его в столь отдаленные и еще совсем недавно — абсолютно недоступные галактические пределы…

Хотя…

В оперативном окне поисковой системы на несколько секунд задержались оплавленные секции гипердрайва, и капитан «Синапса» вдруг ясно осознал — данный корабль не подвергался нападению — он лишь пытался «всплыть» из гиперсферы в метрику трехмерного континуума, причем, судя по следам плавления, которые носили все попавшие в поле зрения умножителей обломки, это происходило около полувека назад, в ту пору, когда скопление О’Хара еще было скрыто сетью логрианских устройств, искривляющих метрику ~ пространства.

Вполне естественно, что корабль подвергся воздействию блуждающих по кругу световых потоков, которые за миллионы лет гравитационного плена накопили энергию в сотни мегаватт, пришел к очевидному выводу Ничменов, подумав, что ни одно оружие современности не могло нанести крупному кораблю таких масштабных энергетических повреждений.

— Система распознавания целей не нашла аналогов в базах данных, — доложил галактлейтенант Курбанов.

— Не мудрено. — Командир «Синапса» уже вышел из каюты, направляясь к главной лифтовой шахте. — Группе немедленного реагирования — старт по готовности! — теперь он отдавал распоряжения в коммуникатор.

— Экстренное торможение?

— Отставить. Эти обломки могут оказаться ловушкой. Приманкой.

Переходим с крейсерской скорости на расчетную боевую. Курс по петле возвращения. Всему экипажу — боевая тревога.

— Принято. Исполняю.

По сети внутреннего космодрома «Синапса» шел обычный предстартовый монолог автоматической системы запуска.

— Вниманию экипажей, затворы стартовых катапульт закрыты, накачка ускорителей пятьдесят процентов. Завершить тестирование и доложить готовность.

Звено «Тайфунов» — многоцелевых разведывательных кораблей, которые в этом вылете прикрывала эскадрилья «Фантомов», стартовало за десять секунд до того момента, как крейсер «Синапс» озарился короткими вспышками корректирующих двигателей, начиная сложный пространственный маневр. Через три часа огромный корабль вернется в исходную точку для подбора группы немедленного реагирования, в задачу которой входило исследование обломков и выявление источников энергетической активности, обнаруженной сканерами базового корабля в сфероидальном скоплении бесформенных фрагментов.

— «Тайфун—один», лег на курс сближения.

— Здесь второй, есть навигационный захват оси курса.

— Третий, подтверждаю. Вхожу в строй. Бортовые системы в норме.

Доклада от истребителей не поступило — все «Фантомы» шли в полном автоматическом режиме под управлением реабилитированных в последние годы и значительно усовершенствованных модулей «Одиночка». Данная Модификация печально знаменитого пакета программ независимого поведения была создана на базе системы «Клименс-12».

— Пять минут, полет нормальный. Дистанция до объекта — двести тысяч. Носовая полусфера — никаких посторонних сигналов.

— Второй, подтверждаю, левый траверз сканирования, все чисто.

— Третий, правая полусфера свободна.

Фантомы начали перестроение. Три «Тайфуна» продолжали двигаться к цели, в то время как истребители, разделившись на звенья, совершили маневр, ложась на курс сферического патрулирования.

— «Маленькие» начали карусель. Данные телеметрии с их сканеров подтверждают: зона операции свободна.

— «Тайфун—один», до начала торможения пятнадцать секунд. Цель в оси курса. Синхронизируемся.

Скопление обломков приближалось.

Пилот первого «Тайфуна» чуть наклонил голову, удерживая плотное сферическое образование в прицеле сканирующих систем, отчет которых

постоянно выводился на проекционное забрало гермошлема.

Процедура сближения проходила в автоматическом режиме. Система кибернетического пилотирования «Тайфунов» считалась одной из самых надежных разработок, поэтому человек, как правило, брал управление на себя лишь при возникновении неординарных обстоятельств.

В данном случае проблем не возникло, окончательное маневрирование протекало, как обычный, сложный и рутинный процесс сближения с нестабильным скоплением крупных частиц.

— Первый, причаливаю. Масса объекта стыковки — сорок семь тонн. По данным энергосканирования, источник сигнала расположен внутри. Ведомым: расчистить зону сближения.

Коротко полыхнули генераторы короткоживущей плазмы, испаряя препятствия в оси курса ведущего «Тайфуна».

— Есть визуальный контакт с объектом. Ведомым — стоп. Включаю генератор суспензорного поля.[9]

Мягкая зеленоватая аура окутала обломки, ограничивающие расчищенный проход. Теперь ни один из бесформенных фрагментов корабля не сдвинется с места, прочно сцементированный силовыми линиями суспензорного поля.

Автопилот ввел «Тайфун» в мерцающий тоннель.

— Система идентификации отработала вхолостую, — доложил пилот второго «Тайфуна». Мы не можем опознать корабль.

— Да, непонятная конфигурация… — согласился с ним первый. — По массе обломков вроде бы крупный корабль, однако мои сканеры определили объект исследования, как стандартный аварийный модуль малого транспортного судна.

В этот момент мягкий толчок касания и точечные вспышки статики от работы электромагнитов удержания возвестили о стыковке.

Из носовой части «Тайфуна» выдвинулся манипулятор. Часть обшивки чудом уцелевшего отсека покрыл уплотнитель, затем микролазеры прожгли крохотные отверстия, через которые внутрь были выпущены наномашины.

Взгляду командира группы быстрого реагирования открылось сумеречное помещение, выполненное в форме шестигранной призмы. Две тусклые аварийные панели бросали зловещие красноватые блики на колпаки пяти криогенных камер, расположенных, словно лепестки фантастического бутона, вокруг центрального столба, в котором были скрыты механизмы и аппаратура поддержания жизни.

Жутковатое и одновременно завораживающее зрелище. Облако нанопыли быстро рассеивалось в затхлой остаточной атмосфере модуля, и взору открывались все новые подробности функционального интерьера небольшого отсека.

Впрочем, взгляд лишь мельком скользил по технологической оснастке, обнажившейся из-под расплавившихся от температуры декоративных кожухов — все внимание командира мобильной группы сейчас было сосредоточено на низкотемпературных саркофагах.

Два из них оказались пустыми, в трех других лежали люди — девушка лет двадцати пяти и два молодых человека приблизительно того же возраста.

Зеленые огни индикации на приборных панелях причудливо смешивались с красными и желтыми сигналами. Процессы криогенного сна во всех трех камерах дали сбой, но еще не вошли в необратимую фазу, когда модуль поддержания жизни начинает работать, как простая морозильная установка.

— Командир, мы не сможем их эвакуировать, — раздался по связи хриплый от волнения голос пилота второго «Тайфуна». — Я прогнал тест, система анализа подтверждает: при вскрытии камер риск летального исхода составляет 99 процентов.

— Да, я вижу. Нужно произвести идентификацию тел.

Мысленный приказ, отданный наномашинам, заставил часть из них внедриться внутрь камер, через полупрозрачный материал колпаков.

Идет анализ ДНК. Ждите. Результат поиска по унифицированным базам данных будет выведен на ваш монитор по окончании процесса.

Медленно текли томительные минуты.

Наконец на проекционном забрале гермошлема командира группы открылось новое оперативное окно.

Результат идентификации:

Лиза Морис Стриммер, 3760 года рождения, гражданство Конфедерации Солнц, планета Кассия.

Семен Дмитриевич Крайнов, 3775 года рождения, гражданство Конфедерации Солнц, планета Кассия.

Андрей Николаевич Лаптев,3777 года рождения, гражданство Конфедерации Солнц, планета Кассия.

Странно… А выглядят одинаково молодыми…

— Что там, командир?

— Они граждане первой Конфедерации. Уроженцы Кассии.

— И что будем делать? Мы не в состоянии их вытащить.

— Но и бросить тоже не можем, — вставил свое слово пилот третьего «Тайфуна».

Командир на несколько секунд задумался. Действительно, ситуация неприятная. Знать бы еще, как эти трое оказались тут… Впрочем, какая разница? Информационных носителей с вразумительными записями бортовой киберсистемы погибшего корабля в аварийном модуле точно нет, наномашины уже проверили все работающие приборы.

Они люди. Этим сказано все.

Командир мобильной группы протянул руку, коснувшись сенсора на приборной панели корабля.

Повинуясь приказу, с пульта ручного управления в специальный контейнер мягко скатились три колючих иссиня-черных кристалла.

Три логра.

— Начинаю процедуру логр-сканирования.[10] Это все, что мы можем сделать для них.

* * *

Она открыла глаза.

Над головой плавилось лазурью безоблачное небо. Свет шел отовсюду, но Лиза в первый момент не обратила внимания на отсутствие в ясных небесах такой важной детали, как наличие солнца.

Память кружилась в обрывочном калейдоскопе драматических воспоминаний.

— Генераторы защиты отказали!

Обзорные экраны ходовой рубки гасли один за другим, синхронно с выходом из строя внешних видеодатчиков. Вокруг был только свет, неистовый, всесжигающий, и даже без посредства приборов становилось ясно — им не уцелеть. Температура в отсеках росла с каждой минутой, дышать было невыносимо, едкий дым от плавящихся декоративных панелей клубами врывался в рубку сквозь вентиляционные шахты.

— Лайт, что делать?!

Она запомнила взгляд Андрея, когда тот повернулся. В его глазах была надежда. Безумная надежда. Он, как и Сэм, никогда не сдавался.

— Этот голубокожий скот отправил нас в преисподнюю. Он знал, что нам не прорваться к их планетам.

— Какая разница, Лайт!.. — задыхаясь от едкого дыма, выкрикнула Лиза. — Нужно что-то делать!

— Ничего не успеем. Повреждение обшивки — девяносто процентов. Но мощность светового потока слабеет!

— Скафандры!

— Нет. — Он остановил ее, схватив за запястье. — Лиза, ты ведь не хочешь медленной смерти? Корабль не выдержит, он развалится. Все несущие конструкции потеряли прочность!..

Да, в ту минуту она растерялась, позволила отчаянью завладеть разумом. Ее губы предательски дрогнули.

— Что делать… Лайт?

— Аварийный модуль, — отрывисто произнес Андрей. — Там двойная защита. Даже если корабль развалится, модуль, под прикрытием обломков, преодолеет барьер.

— Криогенный сон?

Он кивнул, подтолкнув ее к дверям ходовой рубки.

— Это еще не смерть, Лиза. Когда-нибудь нас найдут.

Возвращение в мир было совершенно безболезненным.

Никаких постэффектов после долгого криогенного сна, сознание очнулось, словно бы и не засыпало в ледяной тиши низкотемпературного саркофага.

Как будто в темной комнате внезапно включили свет.

«Где я?»

Хороший вопрос.

Лиза заставила себя отрыть глаза и осмотреться, но тут же зажмурилась, едва не вскрикнув. В животе похолодело, будто она падала в бездну.

Вокруг не было ничего, кроме лазурного сияния.

Бред.

«Или я еще сплю? Что происходит, в конце-то концов?»

За неполную минуту, что прошла с момента возвращения сознания, ее разум успел окунуться в воспоминания, и вот теперь, тщетно пытаясь осознать окружающую реальность, внезапно отказался реагировать на абсурдное проявления внешней среды.

Ее начало подташнивать. Полная дезориентация в пространстве, шок, щедро приправленный реакцией вестибулярного аппарата на отсутствие таких понятий, как «верх» и «низ».

«Господи… Где я?»

Она не ощущала ни сопротивления воздуха, ни каких-то иных признаков, сопутствующих падению, только холод в животе и груди да застрявший в горле комок удушья.

Шли гулкие, полные внезапного отчаянья секунды… но ничего не происходило.

Лихорадочные мысли начали понемногу успокаиваться.

В конце концов, в прошлом она была профессиональным космодесантником и понимала, что прыжок с орбиты в атмосферу планеты происходит совершенно иначе. Однако увиденная ею лазурь отсекала любую мысль об открытом космическом пространстве.

Так выглядит небо с поверхности, планеты, ну, на худой конец, с высоты в пару тысяч метров, значит, внизу должна быть какая-то твердь, иначе сама реальность теряла смысл…

«Давай… Открывай глаза… Делай что-нибудь!»

Внутренний окрик подействовал.

Хуже не будет. Нужно понять, что происходит.

Ее ресницы дрогнули, Лиза вновь, уже в третий раз, заставила себя взглянуть на окружающий мир и…

От этого действительно можно было легко сойти с ума.

Под ногами, там, где только что простиралась лазурная бездна, внезапно появились яркие, контрастные очертания земли. Все происходило на ее глазах: резко, из ниоткуда появилась ровная как стол бесконечная плоскость, и тут же с новой остротой пришло чувство падения, на периферии сознания промелькнула совершенно неуместная, вырванная из контекста прошлого опыта мысль о том, что нужно искать площадку приземления…

Какая к фрайгу площадка приземления? Откуда взялась эта бесконечная плоскость, которая не приближалась и не удалялась? Если это планета, то где рельеф?

Сумасшедшая ситуация.

Она наивно полагала, что хуже не будет, но в следующий момент поняла, что ошиблась.

Стоило подумать о рельефе, как ровная плоскость вдруг стала видоизменяться, — возникало бредовое ощущение, что кто-то демонстрирует ей сжатые в ничтожный отрезок времени процессы естественного формирования планетной коры…

Непонятная плоскость внезапно начала сминаться, образуя складки, а сознание Лизы невольно вбирало взглядом подробности совершенно нереального (с точки зрения здравого смысла) действа, отмечая, как образовавшиеся за несколько секунд горы и равнины принимают реалистичный, правдоподобный вид, — она смогла различить вполне достоверную фактуру бесплодной тверди… Если верить собственным

ощущениям, то выходило, что безликая плоскость в течение нескольких секунд трансформировалась в рельеф пустынного мира, никогда не ведавшего понятия «жизнь», но самым поразительным, вернее — противоестественным, сводящим с ума, оказалось продолжение процесса. Горы не остановили свой рост, они поднимались, разламывались трещинами ущелий, тянулись *к ней*, пока одно из каменистых плоскогорий не приблизилось настолько, что его края образовали новый горизонт.

Лиза уже не верила ни одному из чувств.

Все происходило стремительно, парадоксально, неправдоподобно, и она, сжавшись в ожидании удара, не почувствовала его.

Нет. Твердая поверхность коснулась ее ног и мгновенно остановила свои трансформации, словно едва ощутимое касание являлось ограничителем, выключателем процесса.

Несколько секунд Лиза стояла, тщетно пытаясь убедить себя, что это происходит именно с ней, а затем, будто сдавшись реальности, медленно опустилась на прохладный, шероховатый камень.

«С прибытием…»

Ошалевшая, абсурдная мысль шарахнулась в рассудке, но, как ни странно, принесла облегчение, словно ее сознание действительно сдалось, поверило, что твердь каменистого плоскогорья настоящая.

Кружилась голова. Во рту было сухо и противно. Мышцы мелко дрожали от перенапряжения.

Случившееся с ней не укладывалось ни в какие рамки логики. Такое может происходить во сне или в бреду, но куда девать явственные, острые ощущения реальности? Например, прохладу камня, его шероховатую поверхность… даже вдыхаемый воздух нес кристальную свежесть высокогорья.

Еще один нонсенс. Безжизненная планета с кислородной атмосферой?

Лучше бы она придержала свои мысли.

Взгляд Лизы был направлен вниз, и она увидела, как долины предгорий, смутно угадывающиеся с такой высоты, вдруг подернулись характерной зеленью растительности, будто там в одно мгновенье выросли лесные массивы, зазеленели поляны, по склонам с тихим переливчатым журчанием побежали ручьи и речушки, воздух вдруг утратил неправдоподобную прозрачность, подергиваясь дымкой испарений, которые тут же потянулись вверх, образуя перистые полосы облаков.

Она машинально осмотрелась, подняла небольшой камушек и слабым движением бросила его в пропасть.

Крохотная точка пролетела по крутой дуге, ударилась об отвесную

стену скалы, отскочила и канула в сумеречных глубинах ущелья.

«Ну, что тебе еще нужно для полного счастья?»

«Хотела тверди — получи ее. Живи и радуйся».

«Живи?»

Это слово внезапно отдалось в сознании фальшивой нотой.

«Нет. Так не пойдет. Либо я сумасшедшая, либо…»

Какой выбор был у нее? Признать себя невменяемой?

Пожалуй, следовало подождать с категоричными суждениями. Она уже испытывала нечто подобное в своей жизни… и ничего, справилась.

«Ладно. Будем считать, что я бредила. А теперь очнулась».

Мыслить иначе — означало подписать себе приговор.

Неизвестное пространство. Некоторое время спустя…

Человеческий рассудок способен адаптироваться к самым невероятным ситуациям. Конечно, не все люди обладают достаточной устойчивостью психики, само понятие «адаптация» несет двоякую трактовку, как положительную, так и отрицательную, но Лиза, преодолев первый барьер ужаса, неприятия, постепенно и ненавязчиво загнала мысли о парадоксальных явлениях в глубь своего сознания, сосредоточившись на вполне конкретных, реальных мелочах, которые несли требуемую степень правдоподобности, чтобы разум не начал вновь впадать в ступор.

Выдавала ли она таким образом желаемое за действительное?

Нет.

Она лишь защищала себя от необъяснимых противоречий, возникших в первые минуты осознания окружающего.

Нервы постепенно отпускало, непроизвольная дрожь уже не гуляла по телу.

Лиза не стала задерживаться на высокогорном плато — немного придя в себя, она тщательно осмотрела обрывистые склоны, пока не нашла приемлемого спуска: с одной стороны скалы были разрушены, отвесная стена превратилась в пологую, но ненадежную осыпь, однако выбирать не приходилось, и она начала спуск, сначала осторожно, а потом все увереннее.

Вместе с усилиями, которые приходилось прилагать, продвигаясь по грозящему внезапным обвалом склону, к ней постепенно возвращалось ощущение реальности.

Она не хотела сейчас думать об обстоятельствах, предшествующих ее странному появлению в этом мире.

Вспоминать прошлое — значит сформулировать для себя целый список безответных вопросов.

«Нет. Нужно сосредоточиться на главном: выяснить, куда я попала, отыскать людей — ведь кто-то спас меня из обломков космического корабля…»

С такими мыслями Лиза продолжала спуск, искренне надеясь, что алогичные проделки пространства — лишь следствие временного помутнения рассудка, вывих сознания, порожденный постэффектами после долгого низкотемпературного сна.

Но даже при такой трактовке чувство подспудной тревоги не отпускало. Было совершенно непонятно, почему после пробуждения она оказалась совершенно одна, не в больничной палате, а на открытом всем ветрам плоскогорье?

Думать о том, что она все еще спит в ледяных объятиях криогенной камеры, а окружающую реальность формирует ее воображение, не хотелось.

Спускаясь с очередной угловатой глыбы, она в кровь содрала пальцы.

«Нет, — думала Лиза, глядя на выступившие капельки крови, — это не сон. Странное, можно сказать, роковое стечение обстоятельств, которому рано или поздно найдется логичное объяснение, но только не сон».

Логрис. Личная вселенная Горкалова…

Сутки без сна.

Ранящий калейдоскоп мыслей возродил внутреннее ощущение времени, Илья, привыкший к определенному укладу своего существования в фантомном мире, понимал: с ним происходят необратимые перемены. Жесткий, концентрированный вброс информации заставил очнуться от стасиса душу, вернул острое, чувственное восприятие событий.

«Что же ты сделал, Ник?.. — с укором думал Горка-лов. — Зачем пересек допустимую информационную границу? Неужели ты не понимал, что даешь доступ к данным, которые не позволят мне вернуться в состояние насильно культивированного покоя?»

Существование закончилось. К осмыслению последних событий примешивались эмоции, но прогнать их — значит вновь перешагнуть через себя, замкнуться в коконе безразличия. Этого Илья сделать не мог. Да и не хотел.

Проблема не пришла из прошлого, реальная угроза существовала в

настоящем, а Илья Матвеевич никогда не игнорировал данность. Закрыть глаза, мысленно сказать: «не мое дело» — означало перестать быть самим собой, совершить акт осознанного морального суицида, растоптать, стереть все, что составляло личность.

Говорят, в одну реку невозможно войти дважды.

Ложь…

Горкалов уже испытывал подобные сомнения, толкающие к действию, требующие немедленной, адекватной реакции, но в прошлом, очнувшись после погасившего сознание смертельного удара, он, заново осознавая себя, находил поддержку в неведении и надежде. После атаки харамминов на Элио и битвы в Сфере Дайсона положение человечества оставалось незавидным. Горкалов погиб в критический момент, когда победа могла обернуться жестоким поражением, но, осознав себя как фантомную личность, он понял — его планы были осуществлены, древняя машина логриан возрождена, с Логрисом установлен конструктивный двухсторонний контакт, иначе как бы его личность попала на уникальный носитель?

Подобные мысли поддерживали Илью, они помогли ему не только адаптироваться в абсолютно новом для человека пространстве, но и пережить шоковые воспоминания, не дать им шанса возобладать над рассудком.

К счастью, его знания о Логрисе сводились на тот момент к расшифрованной записи с древнего кристалла, растолковывавшей истинное предназначение логрианской сети, да некоторым догадкам, получившим обоснованное подтверждение в ходе осторожных опытов.

Он ни на миг не забывал то, о чем предупреждал в своих размышлениях один из создателей Логриса: не пытайся вырваться в мир живых, иначе твои действия принесут лишь горе. Справедливость предостережения не требовала дополнительных доказательств — пример харамминов, получивших бессмертие в бесчисленных реинкарнациях, их постепенная деградация, вырождение целой расы в горстку циничных существ с одряхлевшей душой, служили ярким, назидательным примером справедливости законов, которые вывели логриане для своего детища.

Что же изменилось теперь?

«Ты принесешь горе и горек будешь сам…»

Фраза въедалась в рассудок, словно кислота, сжигающая мысли.

«Право на поступок… Почему я считаю, что получил его?»

Илья сидел на террасе, погрузившись в мрачные размышления. Его взгляд был устремлен вдаль, туда, где дорога, по которой пришла к нему

мнимая Шейла, сливалась с далекой, клубящейся грозовыми облаками линией горизонта.

Резервный логр, куда были скопированы данные созданной им реальности, ничем не отличался от оригинала. Проблема заключалась в изменившемся восприятии Ильи Матвеевича.

Вспоминая прошлое и сравнивая его с настоящим, картину которого скупо, но доходчиво обрисовал ему адмирал Сокура, Илья понимал: он опять стоит на краю стремнины, как несколько десятилетий назад. Его жизнь после распада первой Конфедерации Солнц в чем-то была похожа на существование в Логрисе. Сознательно культивированный стасис души при полной самоотдаче рассудка. Да, именно так он жил, наблюдая, обобщая факты, осознавая, что пестрый конгломерат независимых миров, потеряв единую власть, медленно, но неуклонно движется по гибельному пути.

И вот, когда казалось, что он — не более чем песчинка, затерявшаяся в ледяной бездне бесконечности, к нему попала информация о Логрисе, и почти сразу, буквально вслед за расшифровкой записи с древнего кристалла, пришло понимание: те расы, от которых, по общему мнению, остались лишь артефакты, не исчезли бесследно, они рядом, буквально в двух шагах, по меркам космических расстояний, и…

Тогда он нашел в себе силы пойти против течения, бросить свою жизнь на чашу весов, принимать решения не только за себя, но, по сути, за человечество в целом.

Очнувшись здесь, в Логрисе, он полагал, что сам факт реанимации его сознания на носителе древней машины есть прямое доказательство победы…

Победы ли?

Единство, купленное ценой виртуального бессмертия… Если вдуматься в смысл фразы, становилось жутко.

Люди — не логриане. Личности человека противопоказан стасис. Большинство из попавших в Логрис не сможет смириться с невозможностью вернуться, оставаясь один на один с абсолютной памятью. Не вполне понимая законы, которым подчинено фантомное пространство любого логра, они, вольно или невольно, окажутся между жерновами тяжелейшего морального испытания.

Разве среди нас есть святые?

Нет. В каждом человеке незримо присутствует две личности, вся жизнь — это борьба противоположностей, поступки — следствие подавления одной из половин сущности, а добрые они, злые или вперемешку, какие придется, зависит оттого, что за чувства, порывы или же

рассудочные побуждения берут верх.

Здесь, в Логрисе, все иначе.

Чуждое киберпространство, принимая личность человека, не учитывает полутонов, черное здесь выглядит истинно черным, а белое — безукоризненно белым. Память утрачивает спасительное свойство избирательности, ты вдруг вспоминаешь все до мелочей, каждый свой поступок, начиная с того момента, как в далеком детстве осознал факт собственного бытия, и на поверхности сознания внезапно проявляются образы, которые, казалось, были навек спрятаны в тайниках души.

От этого нельзя спастись, некуда бежать, абсолютную память не заставишь забыть неугодное.

С этим можно лишь примириться.

Размышляя, Илья не замечал, как небо над головой наливается свинцовой тяжестью грозовых облаков, воздух стал жарким, душным, казалось, что он загустел, даже листва многочисленных растений оазиса поникла от непривычного зноя.

Сейчас должны ударить первые крупные капли проливного дождя, вслед которым темнеющие небеса разорвет ветвистая вспышка молнии…

Знойное предгрозовое марево струилось над прямой как стрела дорогой.

Илья перевел взгляд на «Гранд-Элиот».

Почему машина и дорога остались невредимыми после исчезновения таинственной воли, вторгшейся в его мир?

Создавалось ощущение, что упомянутая сила не исчезла вовсе, она продолжает незримо присутствовать тут, подталкивая его мысли в нужном направлении.

Машина и дорога.

В последний раз он сидел за рулем «Гранд-Элиота» в день атаки хmajority

Теперь он знал с точностью, что в реальном мире минуло сорок лет.

Те, кого он знал молодыми, состарились, иные, ровесники Ильи, уже ушли в Логрис, и их обретшие бессмертие души ищут мира с собой, пытаясь адаптироваться к совершенно новому и крайне дискомфортному для человека фантомному пространству.

Они где-то здесь, рядом.

Мысль беспокоила, как заноза.

Массовый исход в Логрис неизбежно, рано или поздно, но приведет к взрыву, который вызовет потрясение не только в виртуальной среде бесчисленных «личных пространств», — он встряхнет сотни планет

обитаемого космоса, потому что Логрис, на мощностях которого базируется современная сеть Интерстар, связан с реальным космосом миллиардами информационных каналов общечеловеческой межзвездной сети.

Учитывая новые факторы, существенно повлиявшие на развитие человечества, Илья с предельной ясностью понимал: запертые в личных вселенных сущности людей непременно вырвутся из узилищ, где нет спасения от себя самого, и тогда межзвездная сеть вновь сыграет роковую роль, став торной дорогой для вырвавшихся на свободу фантомов.

Как поведут они себя, что станут делать, предсказать нетрудно.

Решение зрело, оно уже прошло через этап трудного морального осмысления, и, словно в подтверждение этой мысли, первые капли проливного дождя хлестнули по иссушенной земле.

Яркая вспышка молнии озарила потемневшую реальность, вслед громыхнул оглушительный раскат грома, и Илья, будто очнувшись, наконец посмотрел вокруг, удивляясь мрачной красоте стихии, сформированной под напором его душевного состояния.

Он принял мысль о том, что не сможет более существовать, — он вновь хотел жить, этого требовали очнувшиеся чувства, которые, как ни старайся, уже не загнать назад.

Да и ни к чему.

Он встал и вышел под дождь.

Прими себя таким, каков ты есть… Вот главная заповедь для любого человека, чье сознание попало в Логрис.

Стоя под проливным дождем, Илья испытывал облегчение.

Он снова хотел жить, действовать, словно очнулся от долгого летаргического сна.

Гроза все еще бушевала над оазисом, когда «Гранд-Элиот» медленно развернулся, вырулил на аллею и покатил к дороге, соединяющей прибежище Горкалова с берегами многоцветной реки.

Илья сделал нелегкий выбор и больше не возвращался к вопросу моральной оценки предполагаемых действий.

Теперь он сосредоточился на другом: прежде чем шагнуть навстречу неведомому, следовало до конца переосмыслить знания о Логрисе в свете той информации, которую передал ему Николай.

Итак, что такое логр?

Илья машинально достал сигареты, прикурил и откинулся в кресле, позволив автопилоту взять управление машиной.

Дождь рушился стеной, полоска электростатического дворника едва

успевала справляться с низвергающимися потоками воды, сумрак то и дело продолжали рвать ветвистые вспышки молний, но Илья, как никто другой, понимал: бушующая стихия — суть отражение его душевного состояния.

Он не зря сформулировал для себя вполне конкретный мысленный вопрос.

«Адаптивная, нейроподобная сеть». — Он глубоко затянулся, глядя, как сизый дымок втягивается в щель приспущенного ветрового стекла. — Адаптивная — значит самонастраивающаяся, гибко реагирующая на малейшие, даже самые незначительные изменения.

Илья при жизни не являлся профессиональным программистом, он был боевым офицером, пилотом серв-машин, но опыт прямого нейросенсорного контакта с изобретенными людьми кибернетическими системами и последующее существование в логре вкупе с развитыми способностями логического мышления давали ему определенный шанс в поиске правильных ответов.

В конечном итоге истина, которую он искал, заключалась не в детализации конкретной технологии — важно понять саму концепцию, которая позволит сформировать правильный подход к возникшей проблеме.

«Нейроподобная сеть, — продолжал размышлять он. — Логично предположить, что в основе структуры логра лежит принцип передачи и хранения данных, основанный на использовании миллиардов искусственно созданных нейронов, иначе личность человека никогда не нашла бы адекватного отражения в фантомных вселенных, созданных порядка трех миллионов лет назад абсолютно чуждой расой.

Отсюда следовал важный вывод: строение исходных биологических клеток, отвечающих за высшую нервную деятельность, у различных рас, развившихся в условиях нетождественных эволюции, одинаково в принципе. Подтверждением такого вывода служили знания о телепатических способностях расы инсектов.

Мы пусть не сразу, но сумели вступить в контакт с ними именно на уровне передачи мысленных образов, значит, при всех различиях в строении тела и метаболизме, функциональность высших отделов коры головного мозга у всех известных разумных существ основана на одном и том же принципе получения, хранения и передачи информации — природа вышлифовывала его миллиарды лет, приходя к закономерной унификации…

Смелое, но оправданное допущение, которому (при определенных исследованиях) гарантирован статус истины…»

Мысль Ильи скользнула дальше. Он понимал, что Природа и

техническая мысль суть не одно и то же. Да, логры вследствие своей уникальной структуры способны воспринимать матрицу человеческого сознания, но это вовсе не означает, что люди до конца поняли все функциональные особенности древних микромашин.

Мы — пользователи. Никто, даже современные поколения логриан, судя по всему, не могут прояснить всех функций и конструктивных особенностей логров. А ведь ни одна система не возникает в одночасье, и прежде чем стать комфортным (для логриан) вместилищем разума, микрокомпьютеры расы двухголовых ксеноморфов должны были пройти определенный путь технологического совершенствования.

К счастью, теперь знания Ильи о312 лограх не ограничивались лишь одной памятной записью, в которой прямо указывалось на основное предназначение микромашин. Существовали и другие свидетельства, связанные с более древними исследованиями Рукава Пустоты, в частности, отчеты экипажа рудодобывающего комплекса «Спейсстоун», который, собственно, и обнаружил массовое скопление кристаллов, оставшееся на месте разрушенных хfamminами космических поселений логриан, три миллиона лет назад окружавших первозданный Логрис.

Вкратце, зерно истины, скрытое среди плевел домыслов и страхов, заключалось в следующем: помимо основополагающей функции хранения записи личности, каждый логр был способен к взаимодействию с себе подобными — данная особенность служила для построения временных структур, собранных из десятков, а иногда и сотен отдельных кристаллов. Существовали конкретные, проверенные данные о различных конфигурациях, специализированных для выполнения часто возникающих, можно сказать — стандартных задач, таких, как запись аудио — и видеоряда, сканирование, накопление энергии, самостоятельное перемещение в пространстве.

Проводя аналогии, нетрудно понять, что изначально основная функция логров лежала в чисто практической, материальной плоскости злободневных задач и лишь постепенно, по мере совершенствования и развития технологий, на носителях микромашин были размещены универсальные нейросетевые структуры.

Значит, каждый логр и по сей день хранит определенный набор функций, обеспечивающих его самодостаточность. Кристаллы, несмотря на явную специализацию, способны выполнять ряд других не менее важных функций. Остается узнать, как правильно управлять ими, найти, как говорят программисты, точки входа в систему…

Наши знания здесь не годятся. Все, что не относится к нейросетевым

структурам, наверняка запрограммировано с применением недоступных для интуитивного понимания приемов. Знать их может только логрианин…

Что ж… На данном этапе Илья не имел возможности задать интересующие вопросы компетентному представителю расы двухголовых ксеноморфов. Но при случае он уже не упустит представившегося шанса выяснить все об автономных возможностях микромашин.

Адаптивность.

Он вновь вернулся к термину, с которого начал.

Здесь подразумевалась высокая степень гибкости внутренних систем логра. Тот факт, что по периферии Логриса удалось провести информационные потоки человеческой сети Интерстар, лишь подтверждал предположение о небывалой адаптивности структуры любого, произвольно выбранного логра. Он принимает и свободно, без искажений, передает информацию, активно реагируя лишь на запись нейросетевых структур.

Стоп.

Если допустить, что каждый логр неизбежно реагирует на появление нейросетевой структуры, значит, постулат о незыблемости фантомных вселенных не выдерживает критики?

Действительно, если рассуждать здраво, понятия «незыблемость» и «адаптивность» не просто не сочетаются — они противоречат друг другу.

И тем не менее… У каждого логра есть доминирующая матрица личности, на поддержку которой отданы все ресурсы, но означает ли это, что кристалл не примет еще один или даже несколько рассудков?

Примет.

Появление мнимой Шейлы не оставляло сомнений: логр, в принципе, неспособен игнорировать запись нейросетевой структуры. Он действительно адаптивен — при появлении новых личностей логр автоматически примет их…

«Гранд-Элиот» мягко притормозил и остановился.

Только сейчас осмотревшись, Илья заметил, что гроза осталась позади.

Отдав распоряжение автопилоту на обратный путь к оазису, Горкалов вышел на отлогий берег сформированного его волей залива, который заметно обмельчал, но не исчез вовсе.

«Зачем я приехал сюда?»

Хороший вопрос, который следовало бы задать себе еще в начале пути, прежде чем сесть в уютный, комфортабельный салон «Гранд-Элиота».

«Мною пытались манипулировать».

Не знай Илья о существовании мнемоников и кибрайкеров, он бы остался в логре, продолжая мысленно искать виновников происшествия «на стороне».

«Зачем Николай рассказал мне о них? Зачем раскрыл информацию о вертикалях гиперсферы? Почему позволил присутствовать при разговоре, относящемся к разряду государственных тайн? Дань уважения к прошлому? Смешно. Человек на государственной службе должен понимать, что существует грань дозволенного, он не *разбрасывается информацией*.

Значит, я оружие в твоих руках, верно, Ник? Моя потревоженная душа, мысли о Шейле, новые знания плюс известная тебе решительность — идеальное сочетание для поиска недоброжелателя, но не среди мифических иных рас или машинных разумов, как это наивно полагалось мной поначалу, а здесь, в Логрисе, среди человеческих миров, куда после физической кончины попало немало людей, отдавших свою жизнь виртуалке…»

Сказать, что Илья не испытывал страха или сомнений, означало бы солгать.

Он рисковал. Прежде всего — целостностью своей личности, поскольку не мог прогнозировать, примет ли поток сети Интерстар его сознание, не раздробит ли матрицу на множество отдельных информационных пакетов, которые будут унесены стремниной каналов гиперсферной частоты по разным адресам?

Казалось бы — менее суток назад (по реальному времени) он уже передвигался среди радужных потоков, но рядом постоянно находились фантомы Хранителей, наверняка владеющих специфическими приемами для перемещения в рамках сети Интерстар.

Илья не любил оглядываться назад, но сейчас на какое-то время замер, прежде чем сделать решающий шаг.

«Что я найду, вернувшись?»

Лишь гложущую пустоту безответных вопросов. Вечность без сна, покоя, чувство неудовлетворенности и постоянные рассуждения: «а что было бы, если б я решился?»

Нет. Не только история не терпит сослагательного наклонения.

Николай сказал: «Ты был первым из людей, кто попал в Логрис».

Илья подошел к самой кромке радужных волн.

Мир вокруг внезапно начал меняться. Он стоял на границе двух пространств, напряженно думая о том, как сохранить целостность своей личности, и вдруг боковым зрением заметил, что отовсюду — из глубины небес, от капризных, непостоянных песчаных дюн, из самого воздуха к

нему потянулись тонкие, напряженно мерцающие нити, их прикосновение не осязалось, однако с каждой секундой вокруг Горкалова все четче, все явственнее проявлялась аура, будто его фантом оказался облит неведомым флюоресцирующим составом.

Это логр преданно реагировал на четко сформулированное, осмысленное желание хозяина.

Илья шагнул вперед.

Легкое сопротивление, и его ноги по колено скрылись в радужном сиянии информационных потоков, но он уже и сам выглядел сродни им: окружившая его аура вспыхнула, переливаясь всеми мыслимыми оттенками…

Еще один шаг.

Затем еще… и Илья вдруг понял — он полностью погрузился в информационный поток и движется, подхваченный течением.

Что-то оборвалось в груди, фантомные ощущения на миг вернули рассудку чувство неприятного холода, окатившего тело волной бесконтрольной дрожи, но он быстро справился с ней, понимая, что сейчас не самое подходящее время для подобного всплеска эмоций.

Фантом Ильи вынесло за пределы залива, и он вдруг с головой погрузился в радужное мерцание. Берега исчезли, пространство его логра уже осталось позади, а стремительное течение несло его по темному тоннелю.

Дрожь вернулась.

Он понимал, если в ближайшие секунды поток не выйдет в пространство сопряженного кристалла, ему несдобровать.

Сознание внезапно начало тускнеть, мысли казались нечеткими, размытыми, он совершенно потерял ориентацию, не воспринимая ничего, кроме радужного сияния, поглотившего его сущность.

Неужели вот так приходит окончательная информационная смерть?

Глава 6

Неизвестная реальность…

Лиза находилась на грани нервного срыва.

За пологими холмами, обозначающими выход из долины, сплошной стеной темнел лес.

Она не знала, в какую сторону двигаться и есть ли вообще смысл в ее попытках сориентироваться на местности.

Червячок сомнений глодал изнутри, воображение. живо рисовало картины ее нереального с точки зрения здравого смысла появления здесь, словно все окружающее являлось причудливой материализацией ее собственного представления о том, как должна выглядеть планета кислородного типа.

Больше всего Лизу добивало отсутствие смены дня и ночи. Она совершенно потеряла всякое представление о времени, сознание не могло найти никаких, пусть даже субъективных эталонов, — не ощущалось голода, не было усталости, — скверные симптомы, учитывая все то, что пришлось пережить ей в прошлом.

Вспоминать о том, что ее тело по-прежнему киборгизировано, было неприятно, но внутренние ощущения — упрямая вещь.

Попытки рассудка объяснить окружающее находили лишь один вариант ответа: она не чувствует усталости, потребности в сне и пище из-за включения внутренних систем поддержания жизни. Говоря проще: заработали дремавшие до поры устройства, имплантированные ей на далеком Воргейзе. Что касается окружающего мира, то постоянный, ровный свет так же мог найти объяснение и вполне имел право на существование. Она понятия не имела, какие параметры орбиты у приютившей ее планеты, возможно, время обращения вокруг Оси очень велико и измеряется не часами, а неделями или даже месяцами.

При желании все можно объяснить, но легче от этого не становилось.

Что-то тут было не так. Ощущение морального дискомфорта лишь усиливалось от постоянных попыток найти разумное обоснование данности.

Не зная, как поступить, куда идти, Лиза присела на замшелый валун.

Отсюда хорошо просматривалась опушка леса, растительность которого подозрительно напоминала флору Воргейза (последней планеты, где ступала ее нога).

«Такого не может быть. Господи, молю, пусть это будет что угодно, но только не проклятый Воргейз…»

Лиза запаниковала. С потерянной человеческой колонией, население которой цинично и беспощадно уничтожили хараммины, были связаны самые жуткие, горестные воспоминания. Там она дважды теряла все: в первый раз жизнь и свободу, а во второй — любимого человека и последнюю надежду…

В груди появился неприятный холодок.

Немые сцены, услужливо поставляемые беспощадной памятью, казались реальными до дрожи.

Лиза всегда считала, что умеет контролировать свой рассудок, но в этот раз не могла ничего поделать, будто разум перестал подчиняться ей. Воспоминания, на которые был наложен жесткий запрет, вырвались на свободу, хуже того — они внезапно и необъяснимо начали *материализовываться* в окружающей обстановке.

Лиза резко поднялась на ноги, не понимая, как такое вообще возможно?

Сердце бешено колотилось в груди, призраки, нарисованные воображением, самым неправдоподобным, противоестественным образом находили свое отражение *в реальности*.

Она попятилась, дико озираясь вокруг.

Валун, на котором Лиза только что сидела, утратил свои физические свойства, его поверхность змеилась непонятными искажениями, будто камень превратился в аморфную массу, и вдруг…

На серой поверхности начало проступать объемное, барельефное изображение.

Лиза хотела бы, но не могла остановить этот дикий кошмар. В ледяном оцепенении она смотрела, как валун принимает знакомые формы бронескафандра, а почва под ним становится податливой, мягкой, как грязь в том заброшенном поселке, где лейтенант ВКС Конфедерации Лиза Стриммер приняла свой последний бой.

Память окончательно прорвало…

Планета Воргейз. 3800 год галактического календаря…

…Она стояла, не в силах сделать вдох.

В двух шагах от нее, распластавшись на куче щебня, лежала снабженная сервоприводами бронированная оболочка. Рядом, наполовину утопленный в луже, валялся еще один боевой скафандр.

Все было точно таким, как запечатлела ее посттравматическая память.

С хмурых небес накрапывал нудный осенний дождь. Капли влаги стекали по забралу гермошлема, почва под ногами раскисла, превратившись в липкую грязь…

Просто стоять и смотреть было невыносимо, и Лиза сделала шаг навстречу собственному ужасу, чувствуя, как крупная бесконтрольная дрожь гуляет по телу…

От Судьбы не уйдешь. Нужно узнать правду…

Опустившись на колени, она долго смотрела на посеченные осколками сервомоторные приводы, не решаясь прикоснуться к бронированной оболочке, потом все же не выдержала и, закусив губу, содрогаясь от страха и леденящего душу предчувствия, взялась за ромбовидный сегмент брони и рывком перевернула боевой скафандр.

В немом ужасе она не смогла даже отшатнуться, когда из-за разбитого забрала на нее уставились пустые глазницы заключенного внутри гермошлема черепа.

Мамочка…

Лиза все же отшатнулась, отползла в сторону, судорожно царапая непослушными пальцами замки своего гражданского скафандра.

Раздался сухой щелчок, и ее гермошлем раскололся на две половины, одна из которых глухо стукнулась о грудь, другая шлепнула по спине.

Судорожно глотая загустевший, холодный, горьковатый и влажный воздух Воргейза, Лиза вскинула руки, зажимая ими рот.

Это была она!.. Там, внутри боевого скафандра, была она!..

Невозможно передать весь ужас этого откровения. Лизе казалось, что она все же сойдет с ума и никогда больше не сможет встать с кучи бетонного щебня, а ее новая, придуманная кем-то жизнь закончится в этом месте, под нескончаемым проливным дождем.

Там лежала мертвая Лиза Стриммер.

Бездонный взгляд пустых глазниц… Клок волос, прилипший к голому черепу… Хруст костей внутри нетленной боевой брони…

Это было жутко. Она готовила себя к чему-то подобному, но не смогла вынести последнего откровения.

Лизы Стриммер нет. Она умерла. Ее жизнь оборвалась двадцать лет назад, а инопланетные твари, уничтожившие колонию, воспользовались ее генетическим материалом, чтобы создать послушную копию — куклу, которая должна была выполнить разовую акцию и ликвидироваться.

* * *

Но я живая… Я дышу… Я чувствую…

Сознание меркло, отказываясь принимать данность.

Думалось ли ей, что придется во второй раз пережить те страшные минуты?

Нет. Она обещала, клялась себе, что больше никогда не станет вспоминать тот день.

«Что со мной происходит?! Где я, в конце-то концов?!»

Реальность дрожала, струилась миражами: куда-то исчезла опушка леса, а вместо нее образовался пологий, мокрый от дождя склон с двумя выгоревшими остовами бронемашин.

«Воргейз».

Она резко обернулась.

Улица. Полуразрушенные здания рокового поселка, стены, мокрые от дождя, с крупными выщербинами в местах попаданий снарядов автоматических орудий…

Она отшатнулась.

Как и в тот дождливый день, слух внезапно уловил приближающийся, неравномерный гул, и вдруг с болезненной остротой заработали рефлексы, которые не смогла убить лживая, имплантированная память. Эти выродки ошиблись, недооценивая возможности человеческого разума. Они не полагали, что клон, щедро оснащенный кибернетическими компонентами, сможет вспомнить и осознать себя.

«Но я смогла. Смогла и вернулась».

Пальцы коснулись липкой грязи, но сейчас все происходило немного не так, как это предполагала память.

На ней не было скафандра, и Лизе некуда, незачем было бежать — подняв «ИМ-200», она не развернулась к далекому лесу, а, машинальным движением активировав оружие, осталась стоять.

«Хорошо. Пусть будет Воргейз».

Только теперь я знаю, кто вы…

Нервно взвизгнул привод, досылая в под ствольный гранатомет реактивный заряд.

«Что я делаю?! Нужно бежать…»

Она лишь скрипнула зубами в ответ на мысленный вскрик.

«Будешь воевать с собственными кошмарами?» — не унимался внутренний голос.

«Буду…»

Палец уверенно соскользнул на сенсор вторичной системы вооружения.

Возможно, внутренний голос прав, и она просто сошла с ума, не выдержав ударов судьбы, но приближающийся звук нарастал в сторожкой тишине, он был слишком реален для бредового кошмара.

Она не ошиблась.

Из-за пологого склона (который минуту назад был лесом), внезапно появился контур совершенно незнакомого ей летательного аппарата.

«Я знаю, кто вы и зачем вы здесь…»

Мысль повторилась одновременно с выстрелом.

Реактивная граната ударила в борт каплевидного, обтекаемого аппарата, с неожиданной легкостью вырвав в бледно-оранжевом сполохе разрыва изрядную часть обшивки, так что в корпусе образовалась безобразная пробоина, из которой тут же вырвалось пламя и повалил дым.

Звук работавшего двигателя оборвался, в наступившей после выстрела и взрыва тишине было отчетливо слышно, как фрагменты обшивки ударились о землю, но Лиза даже не посмотрела в ту сторону, ее взгляд был прикован к поврежденной машине, которая резко пошла на снижение.

Удар пришелся на руины крайнего строения поселка.

Поврежденная машина не задействовала никаких средств аварийной посадки — обтекаемый аппарат, оставляя за собой жирный шлейф дыма, резко потерял высоту, снижаясь по убийственной траектории.

Глухой удар взметнул к дождливым небесам облако белесой бетонной пыли, было слышно, как по крышам соседних зданий барабанят мелкие фрагменты щебня от рухнувшей стены.

Лиза переключила оружие в режим автоматического огня и шагнула к месту крушения незнакомого аппарата.

Взметнувшуюся на окраине поселка бетонную пыль быстро прибило к земле моросящим дождем, из-за проломленной стены полуразрушенного здания не доносилось ни звука, но Лиза давно не доверяла обманчивой тишине.

Прижавшись спиной к иззубренному огрызку бетонной конструкции, она осторожно заглянула в сумеречный пролом.

Сбитый летательный аппарат лежал на боку, сочащаяся дымом пробоина теперь располагалась сверху, но странное дело — обшивка в носовой части совершенно не пострадала от удара, проломившего бетонную стену.

Тишину внезапно нарушил характерный звук: шипение пневмоуплотнителя и тихий всхлип моторов подачи возвестили о начале работы механизмов шлюзовой камеры.

Лиза убрала голову, вновь прижавшись к огрызку стены.

Пусть выходят…

Вслед за шипением раздался скрежет металла — видимо, шлюзовой отсек все же деформировало при падении, и теперь внешний люк открывался с надрывным воем перегруженных приводов.

Прошло не меньше минуты, прежде чем стих вой моторов и она услышала, как тихо звякнула раскладная лесенка, в аварийных ситуациях заменяющая выдвижной трап.

Шаги.

Какая-то непонятная возня, сопровождаемая бряцанием металла.

Она медленно, глубоко вдохнула и резко поднялась из-за укрытия, готовая разрядить магазин импульсной винтовки в инопланетных тварей.

Лиза едва не завершила роковое движение, каким-то чудом в последний миг удержав палец на сенсоре огня.

В теснине меж обшивкой корабля и огрызками рухнувших стен стоял человек.

Вот этого на Воргейзе происходить попросту не могло.

На планете не было людей, лишь голубокожие гуманоиды, уничтожившие колонию, да полностью подчиненные их воле ксеноморфы из числа инсектов и логриан.

Лиза медленно выдохнула, стараясь успокоиться, унять дрожь, ненароком не сорваться, — у импульсных винтовок нет предохранителя, для безопасности сенсор огня заглублен в основание приклада, но если указательный палец уже лежит в углублении, очередь может последовать в любую секунду, стоит лишь усилить давление на податливый бугорок…

Она поднялась из-за укрытия без шума, и человек, озирающийся вокруг во вполне понятной прострации, не сразу заметил ее, дав возможность понаблюдать.

Он выглядел вполне мирно: никакого оружия или специальной экипировки, рост средний, лицо полное, с пухлыми, бледными в данный момент щеками. Темные волосы незнакомца были растрепаны, однако внешние признаки растерянности, сквозящие в поведении и облике, быстро трансформировались в более конкретное ощущение злого недоумения, как только Лиза увидела его серые, холодные глаза и резкие складки вокруг плотно поджатых губ.

Мгновение спустя их взгляды встретились.

Лиза не ошиблась — внешний вид был обманчив. На лице незнакомца не отразилось и тени испуга, лишь черты стали резче, исчезло ощущение безобидности, которое невольно возникает при виде полноватого

низкорослого человека.

— Ну и какого фрайга? — зло осведомился он, без страха, даже с некоторой долей облегчения рассматривая Лизу.

— Что ты делаешь на Воргейзе? — холодно спросила она, дополнив фразу красноречивым движением ствола. — Отвечай быстро и по существу, иначе…

— Разнесешь мне башку? — с непонятной иронией осведомился незнакомец.

— Да.

Он с досадой покачал головой, затем исподлобья взглянул на Лизу и раздраженно пнул обломок бетонного щебня.

— Девочка, ты тут воюешь со своими глюками, это понятно, но зачем так жестко конфликтовать? Да, я вторгся в твое пространство, но это не повод для драки, верно?

— Я задала вопрос. Отвечай.

— Я не могу ответить на него! — неожиданно взъярился незнакомец. — Какой Воргейз? Где он? Я понятия не имею, о чем ты меня спрашиваешь!

— Ты лжешь.

— Ну да… — Он покосился на импульсную винтовку и добавил: — Воргейз у тебя вот тут… — он выразительно постучал себе пальцем по лбу. — Думаю, не ошибусь, предположив, что ты сама не понимаешь, где очутилась и что за идиотизм творится вокруг, верно?

В первый момент Лиза не нашлась что ответить на лаконичную, но верную констатацию ее состояния.

— Значит, ты умный, а я дура? Незнакомец пожал плечами.

— Думай, что хочешь. У нас нет повода для драки. Я всего лишь транзитом пересекал пространство твоего логра. Да, я знаю, следовало спросить разрешения, но… Эй, что с тобой? — Он в изумлении и замешательстве посмотрел на смертельно побледневшую Лизу.

Ее лицо исказила гримаса ужаса и отвращения.

— Что ты сказал про логр? — сделав усилие, хрипло спросила она. — Повтори…

В ее памяти прозвучавший термин ассоциировался с самыми страшными минутами жизни, когда она узнала правду о себе, поняла, что погибла и была возрождена, а всеми ее действиями управлял имплантированный артефакт, так называемый логр, который в конкретном случае с Лизой исполнял функцию, аналогичную генератору нейронных импульсов, — то есть полностью управлял ее поведением… до тех пор,

пока ее собственный разум не перехватил управление, отторгая чужеродный имплант.

— Спокойнее. — Незнакомец поднял обе руки. — Спокойнее, девочка, иначе натворишь бед. Ну что мне за наказание такое…

Его фразу прервал характерный шелест активированного электромагнитного затвора.

На Лизу было страшно смотреть. В ее искаженном мукой лице не осталось ни кровинки, глаза лихорадочно блестели, дрожь внезапно улеглась, и она твердо держала оружие, нацелив двухсотый «ИМ» в лоб собеседнику.

— Либо ты говоришь, либо я…

— Ладно. Только прошу — успокойся. Ты действительно не понимаешь, куда попала?

— Нет.

— Я объясню тебе. Давай договоримся — ты перестаешь психовать, а я отвечаю на любые вопросы. Кстати, меня зовут Анри. Анри Криган.

Лиза медленно опустила оружие, но это не произвело должного впечатления, и до нее вдруг дошло — Криган… или как там его, боится вовсе не оружия.

Мельком взглянув вокруг, она сама ужаснулась.

Горы, поселок, лес — все исчезло, теперь их окружала черная пустыня, засыпанная шлаком. Небо над головой клубилось свинцовыми облаками.

— Видишь, что ты наделала…

— Заткнись. Хватит. Отвечай по существу.

— А ты возьми себя в руки. Иначе лишишься собеседника, — мрачно предостерег Криган, глядя, как вдали, у горизонта, зарождается тугой смерч. — Данным пространством управляют твои мысли и эмоции. — Анри, несмотря на предупреждение, вел себя достаточно вольно: избегая смотреть в глаза Лизе, он постоянно озирался вокруг, но не видел ничего утешительного, по крайней мере для себя лично.

Смерч уже был не один — десятки темных мутных столбов приближались к ним с разных сторон.

Глядя на горизонт, Анри, обеспокоенный приближающейся стихией, не заметил главного — одинокой фигуры человека, двигавшейся средь разбушевавшихся темных вихрей.

Тоннель, через который проносился радужный поток сети Интерстар, оборвался внезапно, до помутившегося рассудка Ильи Матвеевича не сразу дошел тот факт, что течение стало спокойнее, а по правую руку от него

простирается пологий спасительный берег.

Он изо всех сил рванулся к нему, с неимоверным трудом пересекая стремнину, страшась лишь одного: не успеть добраться до границы логра, прежде чем поток нырнет в очередной тоннель.

Окружавшее его сияние истончилось, поблекло и уже не могло служить защитой. Каким чудом ему удавалось удерживать в сознании ощущение целостности личности, наверное, не знал никто, но, преодолев упругое сопротивление на границе между пространством логра и радужными информационными потоками Интерстара, Илья понял — ему удалось.

Удалось не только пройти барьер между фантомными вселенными, но и уцелеть в стремительных информационных потоках.

Что он выиграл от рискованного, смертельно опасного предприятия и решится ли еще раз войти в радужные воды, Горкалов не знал. Сейчас, выбравшись «на берег», он, совершенно обессиленный, с трудом приподнял голову, чтобы оглядеться вокруг.

Чистая, опрятная реальность.

К неширокой полоске песчаного пляжа вплотную подступал лес. Никогда не виданные ранее породы древовидных растений образовывали густой, переплетающийся шатер крон, под сенью которого оставалось достаточно места для свободного передвижения.

Небо над головой источало ровный свет.

Реальность, скорее всего, принадлежала человеку. Илья Матвеевич практически не сомневался в этом: насколько он понимал, специфика мышления у логриан радикально отличается от мировоззрения людей, значит, в Мирах, принадлежащих ксеноморфам, вряд ли найдут отражение такие близкие человеку образы, как зелень лесов и лазурь небес.

Хотя что он мог знать наверняка?

Сознание постепенно начало проясняться, мысли уже не путались, и это был верный признак того, что логр принял его личность, выделив для ее поддержания часть своего ресурса. Илья предполагал, что логрианские системы должны обладать и оперировать понятием иерархии. Личность, которой принадлежит логр, первична, ей отдается максимум ресурса, все остальные нейросетевые структуры, воспринимаемые системой логра, получают статус вторичных, они не отторгаются, но ресурс, выделенный для их поддержания, весьма скромен, что существенно ограничивает возможности фантомов-посетителей.

Лежа на берегу, он вывел для себя еще одну закономерность, попутно удивившись, как все-таки нивелирована психика человека, попавшего в

пространство Лог-риса.

Происходи подобное перемещение в условиях реального мира, к примеру, проплыви он пару километров среди стремительного и коварного горного потока, сейчас, наверное, лежал бы, сотрясаясь от дрожи, не зная, как и кого благодарить за чудесное спасение от неминуемой гибели…

По крайней мере, не философствовал бы о структуре окружающего пространства.

Илья мысленно усмехнулся.

Несмотря ни на что, к нему понемногу возвращались ощущения настоящей жизни. Казалось бы — почему не устроить пару экстремальных аттракционов в своей реальности?

Нет. Илья понимал — для чего-то подобного необходима цель. Что толку в захватывающих дух виражах, когда ты по определению не сможешь сломать себе шею? Вот в чем скрыто одно из качеств человеческой натуры — без риска нет и вкуса к жизни.

Ладно…

Хватит валяться. Он сел, вновь оглядевшись вокруг… и очередной вдох вдруг застрял в груди.

Хотел экстрима, Илья Матвеевич?

Он смотрел на лес. Деревья, которые минуту назад образовывали бескрайний лесной массив, вдруг, прямо на глазах, начали видоизменяться, причем далеко не в лучшую сторону.

Их стволы чернели, листва закручивалась, опадая огромными хлопьями сажи; еще секунда — и сами стволы потеряли форму, они вдруг начали распадаться, осыпаясь коническими горками шлака.

Небо над головой утратило лазурную чистоту и стремительно наливалось мрачными красками, предвещавшими бурю.

Илья, потрясенный увиденным, понимал, что его появление в чужом мире не могло вызвать таких глобальных, катастрофических перемен. То, что он видел, являлось прямым следствием скверного морального состояния исконного хозяина реальности.

Пока он осматривался, лес исчез, теперь перед ним лежала унылая, покрытая шлаком равнина, над которой, по мановению неведомой силы, зарождались, закручиваясь в тугие воронки, десятки, если не сотни смерчей.

Вид надвигающейся стихии вовсе не порадовал Горкалова.

«Нужно искать хозяина реальности, пока катаклизм не зашел слишком далеко». — С такой мыслью он повернулся и почти бегом направился в глубь образовавшейся на его глазах пустыни.

Эпицентр возмущений находился где-то там, среди мутных облаков пепла, которые поднимал усиливающийся ветер.

Увидев одинокую фигуру, упрямо шагающую среди клубов пыли, наперекор ветру, Лиза внезапно почувствовала облегчение. Она не могла объяснить истоков этого чувства, да и доверять интуиции более не входило в ее привычки — слишком много непоправимых ошибок, совершенных в прошлом, основывались именно на первом, зачастую ложном впечатлении.

Анри, в свою очередь, наоборот, испытал беспокойство. Мало ему проблем со взбесившейся, ничего не понимающей, но на редкость строптивой девчонкой, так тут еще и негаданный гость пожаловал…

Илья Матвеевич появился на окраине полуразрушенного поселка, когда тугие воронки смерчей уже замкнули в плотное кольцо фрагмент реальности.

Ветер среди руин отсутствовал вообще.

Горкалов сбавил шаг, затем остановился, внимательно осматриваясь по сторонам.

Картину, представшую его взгляду, нельзя было назвать отрадной. Среди непонятных руин, на стенах которых виднелись явственные выщербины от снарядов и пуль, косо вонзившись в почву, застыл обтекаемый летательный аппарат. Рядом, с раздражением разглядывая Горкалова, стоял невысокий, полноватый человек, в его глазах прятались злые холодные искорки, не предвещавшие ничего доброго. В нескольких метрах от незнакомца в напряженной позе застыла молодая женщина лет двадцати пяти, облаченная в гражданский скафандр. Ее гермошлем был раскрыт, в руках она сжимала «ИМ-200». Ствол импульсной винтовки в данный момент смотрел в землю, но по положению рук незнакомки, ее позе, взгляду Горкалов понял — она готова открыть огонь в любую секунду по любой из двух целей.

Итак, перед ним, вернее всего, находилась хозяйка данной реальности.

В таком случае следовало попытаться узнать, чем вызван ее гнев, и, по возможности, унять его, ибо угрожающее соседство гудящих смерчей, плотным кольцом окруживших развалины, пришлось Илье Матвеевичу совсем не по вкусу.

Коммуникабельность… К сожалению, данное качество не входило в список достоинств полковника Горкалова. Он всегда был сдержан, даже скуп в общении, трудно шел на контакт, особенно с представительницами противоположного пола, за исключением тех редких случаев, когда женщины являлись его подчиненными.

Впору было дать волю своей памяти, воспользоваться небогатым опытом бесшабашной кадетской юности, но Илья Матвеевич воздержался от рискованного эксперимента — незнакомка держала двухсотый «ИМ» с непринужденностью профессионала, способного за доли секунды поразить несколько разноплановых целей…

Мысль стремительно скользнула дальше, оценивая короткую стрижку, чуть согнутые в коленях ноги, взгляд, не затравленный, а фиксирующий потенциальных противников, и на душе вдруг полегчало, хотя вид двух наполовину утонувших в уличной грязи боевых скафандров с лейтенантскими знаками различия дополнял картину немого противостояния далеко не приятным штрихом.

Она офицер.

Без сомнения… Возраст? Лет двадцать пять, не больше… Звание? Лейтенант. В ее годы выше не подняться…

— В чем дело, галактлейтенант? — Горкалов задал вопрос твердым, не терпящим возражений тоном, одновременно мысленным усилием видоизменяя фактуру ткани своей пропыленной одежды.

Лиза медленно повернула голову, только сейчас, после требовательного вопроса, уделив должное внимание второму незваному гостю…

На нем была пропыленная полевая униформа. Голо-графические знаки различия полковника, командира серв-соединения, проступали сквозь осевшую на них сажу.

Господи…

Промелькнувшее на периферии сознания чувство облегчения вдруг обрело материальное воплощение — наконец-то рядом с ней находился человек, пусть незнакомый, но понятный, завоевавший доверие одной требовательно произнесенной фразой…

— Галактлейтенант Лиза Стриммер, командир отдельного десантного взвода, борт временной приписки разведывательно-картографический крейсер «Орфей»! — машинально отчеканила она.

— Полковник Горкалов, Седьмой серв-батальон ВКС Конфедерации, — ответил Илья Матвеевич, ощущая себя так, словно невидимый титан саданул ему кувалдой в грудь, выбив вместе с ответной фразой весь воздух.

Галактлейтенант Стриммер…

В совпадения он не верил. В мистику — тоже.

— Лиза Стриммер? — уточнил он, временно разрешив себе не дышать.

— Да.

— Вашим именем было подписано экстренное сообщение, отправленное по секретным частотам гиперсферной связи. Назовите планету, о которой говорилось в нем.

— С какой стати? — Ей явно не понравился вопрос, но Горкалов, верно поймав смысловую нить и тональность разговора, не собирался упускать инициативу.

— Я должен быть уверен, что разговариваю именно с галактлейтенантом Лизой Стриммер. Итак, планета?

— Воргейз… — выдохнула она.

«Таких совпадений не бывает, Илья», — шепнул внутренний голос.

Логрис — это неисчислимое множество фантомных миров. Да и лейтенант Стриммер, сообщившая об оккупации потерянной человеческой колонии расой харамминов и их вероятных планах нанесения удара по Элио, пропала без вести в ту пору, когда о Логрисе знали только по обрывочным легендам, сохранившимся среди инсектов…

И, тем не менее, Горкалов был склонен верить ей.

— Кто этот человек? — обратился он к Лизе, стараясь постоянно концентрировать ее внимание на себе. Он видел, как нервная усмешка исказила лицо низкорослого полноватого мужчины. «Явно непростой тип», — подумалось Горкалову, но сейчас для него была во сто крат важнее лейтенант Стриммер и ее моральное состояние, в частности. Смерчи, остановившиеся у незримой границы, продолжали угрожающе гудеть, засасывая в себя тонны шлака.

— Я не знаю его. Назвался Анри Криганом. — ответила Лиза. — Значит, вы получили мое сообщение? — тут же переключилась она на важную для себя тему.

— Получили. Причем — своевременно. — Горкалов говорил, теперь не спуская глаз с Кригана, который медленно, думая, что делает это незаметно, пятился к открытому люку искалеченного летательного аппарата. — Благодаря полученной информации нам удалось отбить внезапную атаку харамминов на Элио.

— Полковник, вы можете пояснить, где мы находимся?

— Чуть позже, Лиза… — Илья Матвеевич предостерегающе поднял руку, в которой мгновенно материализовалась «гюрза». — Не советую, — обратился он к Крига-ну, который уже вплотную подошел к ведущей в шлюз лесенке.

— Будем ломать комедию, полковник? — зловеще усмехнулся тот. — Может, мне стоит напомнить: тут вам не плац и не тир. Фантомная

реальность.

— А ты, должно быть, кибрайкер, раз так уверенно чувствуешь себя? — Горкалов по привычке повернул тяжелый импульсный пистолет ребром так, чтобы минимальная отдача при стрельбе не уводила ствол вверх.

Криган откровенно опешил, хотя быстро справился с эмоциями, лишь на долю секунды отразившимися в чертах его лица.

— Илья Матвеевич, не стоит конфликтовать, — внезапно произнес он, обратившись к Горкалову по имени.

— Откуда ты меня знаешь?

— А кто не знает полковника Горкалова? Я бывал на Элио, видел памятник защитникам Раворграда. Ваше имя — это история, которую преподают в школе. Лестно было познакомиться с вами обоими, но мне пора. И не очень уповайте на свое оружие, думаю, оно не станет стрелять, — предупредил Анри, осторожно ставя ногу на первую ступеньку раздвижной лесенки.

— Криган, не делайте глупостей.

— Это почему?

— Потому, что у меня есть ряд вопросов ко всем мнемоникам либо кибрайкерам, обитающим в Логрисе, — ответил Илья Матвеевич. — Особенно к тем, кто ошивается по соседству с моим логром.

— Я просто пролетал мимо. — Криган явно готовился к неожиданному рывку внутрь своего корабля.

— Способы перемещения между реальностями меня тоже интересуют. — С этими словами Илья Матвеевич рванулся вперед, расчетливо сократив дистанцию; Криган не успел ничего предпринять — он сконцентрировался на электромагнитных схемах оружия, не ожидая, что Горкалов вместо выстрела заученным движением ударит его рукоятью «гюрзы» чуть пониже затылка.

Издав невнятный стон, кибрайкер кулем осел на землю подле трапа.

— Пусть отдохнет пару минут. — Илья Матвеевич обернулся к Лизе и ободряюще улыбнулся ей. — А мы с тобой пока решим насущные проблемы, ладно?

Она смотрела на него полными ужаса и непонимания глазами.

— Почему вы…

— Почему я говорю о фантомных реальностях? — Чтобы не смущать ее тривиальным исчезновением ненужного теперь оружия, Горкалов вложил «гюрзу» в захваты плечевой кобуры, которую он создал, пока ощупывал затылок Кригана, проверяя, не слишком ли много силы

сконцентрировал в ударе. — Это я и называю насущными проблемами, Лиза. Ты ведь склонна верить мне?

— Больше, чем ему… — невесело улыбнулась она, взглядом указав на бесчувственное тело. — Откровенно говоря, я хочу узнать только одно: где нахожусь и куда делись двое близких мне людей, которых должны были спасти вместе со мной.

— Думаю, я в состоянии ответить на твои вопросы. — Горкалов посмотрел вокруг.

Смерчи медленно отступали.

«Хороший знак», — подумалось ему.

Глава 7

Логрис. Личная реальность Лизы Стриммер…

— Значит, мы все мертвы?

Илья Матвеевич кивнул.

— Да, Лиза, и с этим фактом придется смириться. Хотя теперь древняя истина обрела новый смысл.

— Мыслю — следовательно, существую?

— Да. По-моему, это звучит именно так.

— Я никогда не увлекалась виртуалкой… — Лиза села на камень и тихо добавила: — При жизни.

Илья Матвеевич присел рядом на корточки.

— Существование в Логрисе — еще не смерть. Ты долго проспала. Достаточно долго, чтобы на корабле, который нашел ваш спасательный модуль, оказалось необходимое оборудование для трансляции матрицы рассудка в логр. Тот факт, что хараммины использовали логры в корыстных, преступных целях, не должен тяготеть над твоим сознанием. Теперь ты свободна. Больше никто и ничто не властно над твоим рассудком.

— А как же Сэм и Лайт? — Подбородок Лизы предательски дрогнул. — Выходит, я больше никогда не встречусь с ними?

— Думаю, наоборот, — обязательно встретишься.

— Почему вы так уверены, Илья Матвеевич?

— Простая логика, Лиза. Я знаю структуру Логриса. Он состоит из отдельных кристаллов, образующих нити. Ты попала сюда не так давно, верно?

— Я не могу сориентироваться во времени, — призналась она.

— Ну а что говорят субъективные ощущения?

— Ничего. Нет ни голода, ни усталости, ни потребности в сне.

— Это нормально, — успокоил ее Горкалов. — Тогда попробуем оценить время логра иначе: ты ведь совершала определенные действия, попав сюда?

— Конечно.

— Постарайся соотнести их с реальными величинами мира физического.

— Я поняла… Сейчас… — Лиза нахмурилась. — Думаю суток двое, не больше.

— Отлично. Значит, все сходится…

— Что именно?

— Наше соседство вызвано объективными обстоятельствами. Примерно сутки назад мне потребовался новый логр. Как известно, кристаллы, образующие цепочку, соединяются определенными гранями. По всей вероятности, наши носители стыковались с основной массой Логриса в одно и то же время.

— То есть велика вероятность, что моими «соседями» окажутся Сэм и Лайт?

— Ты все схватываешь на лету.

— А он? Что за странное слово «кибрайкер»?

— Лиза, давай поступим так. Парадокс, но у нас с тобой мало времени. В виртуальном пространстве есть быстрый способ передачи информации. Я думаю, ты сможешь воспринять адресованные тебе мысли. Такой способ общения похож на телепатию, но осуществляется исключительно за счет аппаратных средств логра.

— Закачка данных?

— Ну, вроде того, если подобный термин тебе сейчас понятнее и ближе. Вскоре ты во всем разберешься сама. Я искренне рад, что встретил именно тебя. Причину ты поймешь. А сейчас постарайся расслабиться и «услышать» адресованные тебе мысли, хорошо?

— Я попробую.

— Вот и чудно. — Горкалов склонился над Криганом. Он не переставал удивляться той гибкости, с которой система логра моделировала физические явления и их последствия. Анри до сих пор оставался без сознания, как и положено после полученного удара.

Илья Матвеевич не стал мудрствовать — он связал кибрайкера, предварительно попросив Лизу, чтобы та *создала* для него прочный синтетический шнур.

Почему он не воспользовался собственными способностями к манипуляциям с окружающим пространством?

Да потому, что шнур, созданный хозяйкой данной реальности, не порвет ни один фантом, пусть он хоть сто раз кибрайкер. Хотя Илья Матвеевич имел и некоторые сомнения на этот счет. Неизвестно, каких способностей можно ожидать от личности, свободно перемещающейся между лограми. Фраза Кригана: «Я просто пролетал мимо» — говорила о многом.

«Разберемся». — С такой мыслью Горкалов подошел к трапу, продолжая транслировать для Лизы всю информацию, касающуюся

кибрайкеров, мнемоников, а также тех событий, что произошли в Обитаемой Галактике за время ее вынужденного «отсутствия».

В любом случае Горкалову был необходим союзник. Илья чувствовал — ему навязывают предопределенный путь — и не желал следовать ему, хотя должен был признаться самому себе, что первые предпринятые шаги, в частности — бегство из собственной реальности, скорее всего, соответствовали планам той силы, что пыталась манипулировать им.

Его мысли вольно или невольно возвращались к образу Шейлы.

Несмотря на кажущуюся обоснованность высказанных Сокурой и Раули предположений, он в душе не разделял их мнения. Если кто-то собирался воздействовать на президента Конфедерации, то Илья Матвеевич автоматически становился сильным козырем в игре. Однако его логр был уничтожен. Задержись он в личном виртуальном пространстве — матрицу его личности постигла бы та же участь.

«Нет», — думал он, открывая внутренний люк шлюза. — «Мою реакцию предугадали, а логр уничтожили, заметая следы, прекрасно зная, что я нахожусь на Гефесте, в полной безопасности».

Внутри летательного аппарата горел тусклый свет, освещая два смежных отсека — пилотажный и… пассажирский, если таким термином можно обозначить помещение с *клеткой*, внутри которой был заключен логрианин!

Горкалов никогда не сталкивался с представителями этой древней расы, по крайней мере, вот так, лицом к лицу, и в первый момент ему потребовалось определенное усилие воли, чтобы не отвести взгляд.

Представьте себе странный гибрид кальмара, щупальца которого предназначены для ходьбы по суше, и двух генетически изуродованных удавов, чьи треугольные головы казались непропорционально большими относительно поддерживающих их гибких шей. Глаза логрианина прятались среди мощных кожистых складок век, дыхательные отверстия располагались ниже рта. Зрелище в первый момент складывалось неприятное, отталкивающее. Немногие космополиты нашли бы эстетику в сплетении четырех мозолистых, покрытых серыми чешуйками ногощупалец, которые к тому же были лишены костей и оканчивались ороговевшими пятками, закругленными, словно культи инвалида. По их окружности располагались острые, изогнутые когти пятисантиметровой длины, нездорового желтовато-коричневого цвета. Существо сидело, забившись в угол просторной клетки, прикованное к переборке прочной, длинной металлической цепью. Свои ногощупальца логрианин прихотливо

обвил вокруг туловища, словно обнимая ими самого себя. Две шеи ксеноморфа при этом находились в постоянном движении — они то сплетались между собой, образуя подобие витого каната, то расплетались… При этом треугольные головы не смотрели друг на друга, их глаза были направлены в разные стороны…

— Проклятье!.. — раздался за спиной Горкалова возмущенный голос Лизы. — Я сразу почувствовала, что этот ублюдок занимается чем-то преступным.

Илья Матвеевич обернулся.

— Ты раньше встречала логриан, Лиза?

— На Воргейзе, — скупо ответила она. — Хараммины использовали их в качестве подневольного научного персонала.

В этот момент мнемоническую тишину нарушил вполне понятный голос, произносивший слова человеческого языка с легким шипящим акцентом:

— Наконец-то я вижу нормальных представителей человеческой расы.

— Кто ты? — спросила Лиза, соображая, как вскрыть прочные металлические прутья узилища.

— Меня зовут Амрак. По понятиям человека, который сейчас лежит у трапа, я животное, экземпляр чуждой расы, предназначенный для зоопарка.

— Даже так?.. — В голосе Горкалова прозвучали металлические нотки. — Должно быть, Кригана следует познакомить с параграфами Закона «О правах разумных существ».

— Можно я растолкую ему, что к чему? Логрианин, повернув обе головы, посмотрел на Лизу.

— Ты хочешь его ударить… Я чувствую.

Горкалов усмехнулся краешком губ. Небольшая взбучка кибрайкеру не помешает. Слишком много мнит о себе.

— Поговори с ним, Лиза. А я пока освобожу Амрака.

Она не ответила, лишь по ступенькам выдвижной лесенки отчетливо пророкотали шаги, а затем послышался звук переворачиваемого тела.

Через минуту в проеме шлюза показался Криган. Путы с него исчезли, зато из уголка разбитых губ часто капала кровь.

— Что, не справиться с решеткой, полковник? — Несмотря на произведенное Лизой «внушение», он не утратил своей мрачной иронии.

— Открой клетку, Анри. А потом нам придется с тобой побеседовать. Отдельно.

— Без проблем, — пожал плечами кибрайкер. — Только вряд ли у нас получится конструктивный диалог, — предупредил он, без усилия вынимая

прутья решетки.

— Посмотрим, — хмуро обронил Горкалов.

Илья Матвеевич смотрел на все происходящее со своей точки зрения. И чем больше он размышлял над внезапно открывающимися фактами, тем меньше ему нравилась вся ситуация в целом.

— О чем будем говорить, полковник? — В голосе Кригана по-прежнему звучала неистребимая насмешка, однако Горкалова нисколько не задевал его тон.

— Присядь, Анри. — Илья Матвеевич указал на две глыбы бетона, отколовшиеся от разрушенной стены здания. Фрагмент покинутого поселения далекой колонии Воргейз сохранял завидную устойчивость, несмотря на все изменения, происходившие в личном пространстве Лизы Стриммер.

— Вы серьезно настроены меня перевоспитывать? — Криган присел на край бетонной глыбы и закурил, достав из нагрудного кармана початую пачку сигарет.

— Думаю, перевоспитывать тебя поздно и бесполезно, — в тон ему ответил Горкалов. — А вот прояснить некоторые аспекты твоей деятельности не просто нужно, а важно для нас обоих.

— Ну, так заинтересуйте меня. Может быть, я и поделюсь опытом.

— Хорошо. Тебе надоело существование в Логрисе? — спокойно осведомился Горкалов.

Криган глубоко затянулся.

— Не нужно меня пугать. Ни вы, ни эта девчонка, ни наш драгоценный двухголовый «брат по разуму» не сможете причинить мне ни малейшего вреда. Побить — пожалуйста — это не моя реальность, согласен. Я терпелив. Но прекратить мое существование в Логрисе — совсем другое дело. Вы явно переоцениваете свои возможности, полковник.

— Тогда слушай внимательно. Сейчас я расскажу тебе одну историю, произошедшую со мной накануне, а ты сам сделаешь выводы — доберутся до твоего логра заинтересованные люди, — он подчеркнул интонацией это слово, — или нет.

— Ну-ну… Валяйте. Я готов.

Минуту спустя после мнемонической передачи данных, которые Илья Матвеевич тщательно отфильтровал, убрав из общей ткани событий информацию, излишнюю для кибрайкера, усмешка сползла с лица Кригана, а сигарета, зажатая между пальцев, вдруг начала мелко подрагивать.

— Я не причастен к вторжению, — наконец выдавил он. Было

нетрудно догадаться, что Анри со всей очевидностью понял — мнемонический отдел флота Конфедерации раздавит его, как букашку. Если понадобится, спецы из отдела информационной безопасности не только «вычистят» матрицу сознания Кригана, но и физически аннулируют его логр, удалив кристалл из общей структуры виртуальных вселенных.

— Твою непричастность придется доказывать, — резонно заметил Илья Матвеевич. — Пожалуй, я смогу замолвить за тебя слово, при одном условии, конечно.

— Каком?

— Ты выкладываешь все как на духу. Мне важно знать, как и почему ты оказался тут, на кого работаешь, какие есть для этого причины и что вообще происходит в человеческой части Логриса в целом. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Вполне, — хмыкнул Криган. — Сдается мне, Илья Матвеевич, вы сами не очень-то ориентируетесь в обстановке, верно?

— Твое дело — отвечать, — грубо оборвал его Горка-лов. — Остальное обсудим позже.

— Что ж… Не возражаете против языка мыслеобразов? Так будет понятнее…

— Не возражаю. — Горкалов жестом подозвал Лизу и, склонившись к ней, шепнул на ухо: — Я сейчас буду беседовать с Криганом на уровне передачи мысленных данных. Проследи за ним, чтобы не выкинул какой-нибудь пакости, ладно?

Она согласно кивнула.

— Можете начинать, Илья Матвеевич. Ничего не бойтесь.

Картины, увиденные Горкаловым, потрясли его.

«Сколько же я пропустил, запершись в собственном пространстве и свято соблюдая закон, придуманный логрианами для самих же логриан?» — невольно думал Илья Матвеевич, наблюдая за бесконечной вереницей ярких мысленных образов, что передавал ему Анри Криган.

Было чему поразиться и над чем задуматься.

Человеческая часть Логриса.

Илья Матвеевич подозревал, что память Анри Кригана вряд ли покажет ему цепь изолированных друг от друга реальностей, но то, что он увидел на самом деле, превзошло все самые смелые и худшие предположения.

Длинная, нескончаемая череда впечатляющих образов несла информацию о тысячах фантомных миров, где довелось побывать кибрайкеру.

Он не пытался скрыть того факта, что его первые экскурсы в Логрис относятся к разряду «прижизненных» впечатлений, то есть Анри бывал тут задолго до собственной кончины в мире физическом.

Взгляду Горкалова предстал пока еще не окрепший, не успевший объять все реальности *хаос*, который мы называем повседневной жизнью, с той лишь разницей, что в мире физическом определенные действия характеризовались термином «рутина», а тут принимали значение основополагающих поступков, определяющих статус той или иной личности в нарождающемся конгломерате смежных миров.

Только незначительная часть увиденных Ильей реальностей сохраняла статичность, вторая, более многочисленная и неприятно поразившая воображение категория фантомных миров, попросту пустовала — хозяева либо покинули их, либо матрицы личностей самоуничтожились в процессе трудной, а порой и попросту невозможной адаптации к абсолютной памяти и ограниченным возможностям общения.

Третий тип виртуальных реальностей, наиболее многочисленный, отражал полнейшее пренебрежение к историческим законам: люди не желали подчиняться придуманным логрианами догмам, тем более что нарушить пресловутые законы оказалось достаточно просто — к услугам людей, хорошо знающих специфику сети Интерстар, были, как нарочно, предоставлены информационные потоки, которые проводил едва ли не каждый второй логр. Однако для перемещения между виртуальными вселенными использовалась не только сеть Интерстар, — Горкалов видел различные вариации проходов, начиная от рваных, безобразных дыр, сквозь которые сочилась серая хмарь межмирья, до оформленных архитектурными изысками тоннелей, соединяющих между собой пограничные логры.

Там, где по определению должен существовать стасис, на самом деле кипела «жизнь».

Илья Матвеевич мысленно заключил последний термин в кавычки, поскольку виртуальное существование основывалось на совершенно иных ценностях, придающих всем целенаправленным действиям особую окраску и смысл.

По понятным причинам, люди, попав в Логрис, испытывали два неодолимых стремления: во-первых, освободиться от неугодной части собственной памяти и, во-вторых, воплотить в виртуальном пространстве те потаенные мечты, нереализованные амбиции, которые не удалось осуществить в мире реальном.

Однако, помимо личных желаний людей, в пространстве логров

продолжали функционировать законы, на основе которых формировалось любое виртуальное пространство. Несмотря на уникальную адаптивность логров, их безропотную «отзывчивость», человек, попавший в логр, мог испытывать лишь те эмоции, которые он уже вкусил при жизни. Что касается предметов или устройств, то тут дело обстояло еще более плачевно: логр безропотно формировал их облик, но для того чтобы наполнить форму истинным функциональным содержанием, системе требовались четкие инструкции, описывающие не только внешний вид, но и *устройство* желаемой модели.

В отличие от логриан, которые довольствовались малым и могли веками размышлять над правильным воплощением какой-либо модели, представители рода человеческого хотели получить многое и обладать предметом вожделения немедленно.

Горкалов наблюдал результат таких «воплощений» и невольно ужасался им.

Среди миллионов обитателей человеческой части Логриса лишь немногие обладали достаточной полнотой знаний, чтобы по-настоящему творить, у подавляющей же части личностей оставался небогатый выбор: либо сжаться, загнать свои амбиции, свою память в узкие рамки волевых запретов, либо биться в тенетах собственных мыслей, позывов, желаний, не имея возможности нормально реализовать их.

Илья Матвеевич понимал: не люди плохи или неумны — это логрианская концепция киберпространства, рассчитанная под психологию ксеноморфов, не подходит для подавляющего большинства новых обитателей Логриса.

Оставалось дополнить картину влиянием извне — появлением кибрайкеров, которым был крайне интересен Логрис: не считаясь с запретами, они проникали сюда, оставляя после своих вояжей проходы между отдельными пространствами, и личности, запертые в лограх, получили свободу перемещения.

Так возникли реальности, напоминающие отстойники памяти, — люди приходили в логры, лишившиеся своих хозяев, и оставляли в них часть собственного «я» — ту самую неугодную, потаенную память, которую держали под запретом при жизни.

Негативные воспоминания многих людей, собранные в одном месте, формировали жуткие пространства, которые, из-за адаптивности логров, постепенно оживали, образуя нечто кошмарное… А личности, сбросившие со своих плеч тяжкий груз, уходили дальше, но теперь уже в поисках мечты.

Логрис постепенно закипал, одни миры оказались густо заселены или вовсе — оккупированы, иные стояли брошенными, в третьих ворочалось нечто страшное, неизведанное, и все это продолжало строить иллюзию жизни, искало, требовало выхода, и не за горами был тот час, когда верный путь будет найден…

Нужно сказать: Горкалов был потрясен.

Желал ли хоть один человек подобного бессмертия?

Приспособлен ли наш разум к такой форме бытия?

Ответ не вызывал сомнений, а на фоне всего увиденного личность Анри Кригана уже не казалась Илье Матвеевичу такой отвратительной, как поначалу.

Он вышел из мнемонического контакта с кибрайкером так, словно очнулся от тяжкого, кошмарного сна.

Усмешка Кригана некоторое время двоилась перед глазами, пока мир вокруг не обрел былую четкость восприятия.

— Как вам понравился экскурс, полковник?

— Хуже, чем я ожидал…

— Рассчитывали увидеть опрятную зелень и уютные Домики под черепичными крышами? — насмешливо спросил Анри и, зачерпнув горсть праха, в который на глазах Горкалова рассыпался лес, добавил: — Человеческая душа — потемки. Всю жизнь мы мним себя кем-то и теряем иллюзии, оказавшись здесь. Остается лишь память, с которой очень трудно примириться, потому что нет больше обратной связи, нам не дано ни загладить ошибки, ни исправить сделанное при жизни.

— И где же выход?

Криган пожал плечами:

— Каждый приспосабливается, как может. Я, конечно, несколько сгустил краски, показав наиболее впечатляющие фрагменты человеческой части Логриса, но основная суть процессов сводится к постепенному формированию нового типа человеческих личностей. Знаете, что является основным мерилом ценностей в Логрисе? Правдивая, проверенная информация. Возможно, из нынешнего бардака через пару сотен лет выкристаллизуется нечто иное — люди очистят свои души от скверны: те, кто не станет искать истинных знаний и сильных чувств, просто погибнут, самоуничтожатся, а те, кто выживут, уподобятся логрианам — философам и мыслителям, но это уже будут не люди, а нечто другое…

Горкалов не ответил. В словах Анри была истина, но, кроме тех, кто, обмениваясь чувствами и знаниями на уровне мыслеобразов, станет искать гармонии, совершенства, найдется немало других личностей, которые

пойдут по пути наименьшего сопротивления, не утруждаясь поиском, а *силой отбирая* необходимые знания, *высасывая* неведомые для себя чувства из рассудка иных личностей…

Здесь разгорится извечная борьба между добром и злом, которая рано или поздно выплеснется за рамки Логриса.

На поверку выходило, что инцидент, произошедший в его реальности, мог быть спланирован и осуществлен отсюда?

— Очень много противоречий, полковник, — произнес Криган, присаживаясь рядом с Горкаловым. Очевидно, после мнемонического контакта они уже не могли смотреть друг на друга как антиподы. — Будь вы фигурой незаметной, я бы не стал и голову ломать, но мне доподлинно известно: Хранители контролируют лишь часть фантомных миров, оберегая их от посягательств как извне, так и изнутри Логриса. Думаете, мнемонический отдел флота не ведет собственный анализ или не осведомлен о творящемся тут?

— Тогда почему они не остановят приток личностей в Логрис? Хотя бы до тех пор, пока не будет наведен порядок в уже существующих мирах?

— Думаю, что адмирал Сокура не был полностью откровенен с вами. Например, он забыл упомянуть, что после реанимации Логриса и восстановления сети Интерстар вопрос создания новой Конфедерации, которая вернула бы единый закон Обитаемой Галактике, не рассматривался как реальная, *насущная* необходимость. Многие миры не желали расставаться со своим суверенитетом, особенно звездные системы сектора Окраины, где, как известно, правят корпорации.

— Да, но Конфедерация была создана! — возразил Горкалов.

— Ценой обещанного бессмертия ее граждан, — усмехнувшись, ответил Криган.

— Откуда тебе знать, Анри, как в действительности развивался процесс нового объединения миров? — высказал сомнение Илья Матвеевич.

Кибрайкер лишь пожал плечами.

— Я не слеп и не глух. К тому же я мог наблюдать процесс по мере его развития. Правда, мой стаж в Логрисе не так уж велик — от силы пара лет по реальному времени, — пояснил он. — Не нужно находиться на вершине власти, чтобы понимать — останови сейчас заводы по производству логров, и Обитаемая Галактика попросту взбунтуется. Кому охота умирать? Лживость и порочность существующей политики заключена в том, что люди, в своем большинстве, не представляют, что на самом деле ожидает их за чертой виртуального бессмертия.

Илья Матвеевич лишь сокрушенно кивнул. Утверждения Анри многое проясняли, но часть возникшего клубка вопросов и противоречий, наоборот, затягивалась еще туже.

— Криган, ты упомянул, что часть виртуальных миров обособлена и охраняется как Хранителями Логриса, так и мнемоническим отделом флота. Я верно истолковал твои слова?

— Это истина, — кивнул Анри. — Я пару раз нарывался на их защиту. Могу сказать, что мало не показалось.

— Значит, на твой взгляд, атака моего мира *изнутри Логриса* исключена?

— Думаю, да. Хотите совет, полковник?

— Ну? — Илья Матвеевич хмуро посмотрел на Кри-ана.

— Я знаком с большинством типов киберпространственных атак. Да, не удивляйтесь, целью кибрайкеров часто становились не виртуальные системы, а люди, — просто воздействие на них осуществлялось через фантомную среду. У меня имеется определенный опыт в данной области, и, исходя из него, я бы сказал, что Шейла Норман не цель атаки, а лишь образ, способный выбить вас из равновесия. Все достаточно грубо срежиссировано, даже мне удалось бы лучше. Вас попросту *разбудили*, спровоцировав на определенные шаги, и сделал это человек из реального мира, хорошо знающий полковника Горкалова. Ищите среди своих друзей и попадете в точку.

Илья Матвеевич долго молчал, а затем кивнул.

— Я подумаю над этим. Спасибо за откровенность.

На душе Горкалова было тяжело. Мысли, высказанные Криганом, оказались созвучны его собственным выводам, но легче от этого не становилось. Он по-прежнему не понимал конечной цели этой провокации.

— Последний вопрос, Анри. Вернее, два.

— Валяйте. — Криган щелчком выбил сигарету из пачки.

— Кто «заказал» тебе логрианина?

— Это человек из «реала». Я не знаю его настоящего имени.

— Личность логрианина значения не имела?

— Имела. Мне указали на определенный логр, даже предоставили маршрут. Туда и обратно.

— Обратно — через данный мир?

— Да.

— А что взамен? Деньги ведь тут не имеют ценности, верно?

— Верно. — Криган чуть помедлил, но потом все же ответил: — Мне обещали новую жизнь.

— И ты поверил?

— А почему нет? Что фантастичного в камере биологической реконструкции? Реальная технология.

— Ну а твое молчание?

— Был разговор. Мне поставили условие — реинкарнация разума в новое тело должна была произойти на одной из молодых колоний, куда легко попасть, но сложно выбраться.

— Считаешь, твой работодатель выполнил бы условия сделки?

— Не знаю, — пожал плечами Анри. — Попытаться все равно стоило. Хотя я не очень удивился, когда меня сбили над этой реальностью.

Разговор с Криганом сильно повлиял на Илью Матвеевича.

Не обсуждая рода деятельности Анри, следовало отдать должное его уму, хладнокровию и трезвости суждений.

Горкалов был аналитиком «от бога» и намек кибрайкера истолковал верно. Смотреть правде в глаза, либо находя ей прямое подтверждение, либо опровергая *фактами*, являлось одной из принципиальных жизненных позиций полковника.

— Никуда не уходи… — попросил он кибрайкера.

Тот вскинул взгляд и спросил:

— Думаешь, мы глубоко повязаны, полковник?

Горкалов, который уже успел сделать пару шагов в направлении Лизы и Амрака, медленно оглянулся.

— Думаю, да. Так что не дергайся, ладно?

— Как скажешь… — тот развел руками, полностью соглашаясь с правом Ильи Матвеевича на главенство в сложившейся ситуации.

«Повязаны…» — Жаргонное словечко, сорвавшееся с губ Кригана, стало для Горкалова едва ли не важнее всей остальной информации, полученной от кибрайкера.

Да, на проблему нужно смотреть в комплексе и именно под тем углом зрения, который одним словом обозначил Анри. — С такой мыслью Илья Матвеевич остановился перед Лизой и ксеноморфом.

Логрианин вел себя совершенно спокойно, так, словно ему ежедневно приходилось попадать в плен. Похоже, он мог выпутаться из свалившейся на него передряги в любую минуту. По крайней мере, потенциальным экспонатом виртуального зоопарка он себя не считал — это Горкалов мог утверждать с уверенностью.

Итак, Криган — талантливый кибрайкер, Лиза — личность загадочная, но явно неординарная, рядом по соседству, в сопредельных лограх, заключены два молодых человека, которые, по определению,

должны обладать спецподготовкой и высокими человеческими качествами, если они вместе с галактлейтенантом смогли распутать клубок загадок Воргейза и рискнули пойти по следу Квоты Бессмертных, понимая, что, по сути, бросают вызов целой расе.

«Неплохая подбирается боевая группа», — мысль, как заноза, засела в рассудке и уже не отпускала.

Оставалось выяснить, кем является Амрак?

Не в смысле расовой принадлежности, конечно… Если и он — личность среди логриан неординарная, известная, то ответ на все накопившиеся вопросы следует искать уже не в Логрисе. — Мысль уже давно топталась на пороге сознания, но Илья никак не хотел пускать ее, понимая, что определенные выводы повлекут за собой необратимые последствия.

«В чем заключается наша жизнь?» — спрашивал он себя, глядя на подвижные головы ксеноморфа, пытаясь поймать его взгляд и удержать… Так Илье было проще вызвать логрианина на откровенный разговор.

«Мы ставим перед собой цели и намечаем способы их достижения», — ответил внутренний голос на мысленный вопрос, который Горкалов адресовал самому себе. — «Неважно, насколько велика поставленная цель. Важны средства, которые использует человек для получения конечного результата. Каковы способы, таков и он сам…»

— И ты не допускаешь наличия ситуаций, когда выбора средств практически не существует? — раздался в рассудке Ильи мнемонический голос логрианина. — Ты судишь человека по поступкам, еще не узнав ни названной цены, ни конечной цели…

Горкалов невольно вздрогнул. Логриане не являлись телепатами, в отличие от инсектов.

— Ты прав, — ответил мыслью на мысль Амрак. — Однако Логрис един, несмотря на кажущуюся изоляцию отдельных пространств. По крайней мере, наша его часть. Мы видим если не все, то многое. А раз видим, значит, анализируем.

— Почему в таком случае ты попал в плен? Разве единство Логриса не гарантирует совместных усилий по обеспечению безопасности?

— Можешь считать меня добровольцем, Илья. Я исследователь, а отнюдь не игрушка самонадеянного кибрайкера.

— Даже так? — усмехнулся Горкалов. — Признаться, я подозревал нечто подобное.

— Ты прав во многих своих мыслях. Они слышны б твоей мнемонической ауре, а я умею читать энергии. Моя раса создавала Логрис,

исходя из особенностей нашей психологии. Для меня логр — комфортное, понятное пространство, где потенции разума находят свое дальнейшее развитие в осмыслении важных философских вопросов. На фоне этого жизнь в мире физическом представляется суетой, недостойной сожаления. Для логрианина переход в эту вселенную — освобождение от материальных уз.

— С людьми все иначе, — вздохнул Илья, присаживаясь на ступеньку выдвижного трапа.

— Абсолютно. Ты сам пришел к выводу, что вам противопоказан стасис. Это значит, люди, попавшие в Логрис, никогда не обретут гармонии и покоя. Смысл вашей жизни в поступках, а не в рассуждениях. Если оставить все, как есть, то пройдет немного времени, и человеческая часть фантомных миров изменится до полной неузнаваемости. Вы сотрете извечные границы и установите новые, присущие твоей расе градации, где одни личности окажутся в подчинении у других, окончательно потеряют индивидуальность: из сотен, тысяч пространств будет создана модель реального мира со всеми его недостатками, ибо только они дают существам твоей расы понятие полноценного бытия.

— Борьба?

— Да. — Две головы логрианина сошлись вплотную, соприкоснувшись лбами. — Конечно, я говорю об общей тенденции, из которой существуют исключения, но они — редкость. Для большинства людей существование в Логрисе превращается в тоскливое бесконечное испытание. Вы страдаете, оставаясь наедине с собственными мыслями. Недаром одиночное заключение являлось одной из самых суровых мер наказания у ваших предков.

Горкалов кивнул. Трудно возражать, когда тебе приводят в пример очевидные факты. Да он и не собирался оспаривать позицию логрианина.

— Подумай, Илья, — спокойным, менторским тоном продолжал Амрак, — разве не странно с твоей точки зрения, что, покинув свой логр, ты выбрался «на берег» реальности, где оказалась заключена сущность Лизы Стриммер — человека, чье послание во многом предопределило твои прежние поступки?

Мысль уже не топталась на пороге сознания. Она вошла в разум, приобретая статус истины. Оставалось, как справедливо заметил Амрак, назвать цену поступкам и выяснить конечную цель, ибо она, в данном случае, являлась определяющим критерием.

— Ты слышишь мои мысли, Амрак?

— Да.

— Тогда ответь, нам действительно нет места в Логрисе?

— Логрис един. Он универсален, как универсальна и самодостаточна каждая его частица. Но люди не понимают этого в силу особенного склада мышления. Барьеры между мирами созданы не как препятствие, и их вовсе необязательно пробивать или разрушать для общения друг с другом.

— Значит, нам не дано стать гармоничной частью виртуальной вселенной… Взять, к примеру, меня… Вместо того чтобы сидеть и размышлять над сутью вещей, я предпочел броситься в информационный поток…

— Вот видишь. — Шеи логрианина вытянулись вдоль земли. — Даже ты, далеко не самый эмоциональный представитель рода человеческого, пошел по пути сопротивления, преодолевая препятствия, которых не существует…

— Я искал выход.

— Выход из Логриса?

— Нет. Так далеко мои планы не распространялись. Выход из ситуации.

— Ответь, а если бы к тебе пришел кибрайкер, ты воспользовался бы его способностью преодолевать преграды межмирья?

— Нет.

— Почему ты дал ответ, не задумываясь?

— Потому, что он очевиден. Анри не так плох, как это кажется на первый взгляд, но он человек определенного склада мышления. У него свои моральные ценности. Мы бы не договорились по простой причине: в ответ на предоставление услуг он потребовал бы адекватной платы, к примеру, содействия при поимке очередного логрианина. Такие условия неприемлемы для меня.

— Вот видишь. Мы вернулись к тому, с чего начали. Нет такой цели, которая оправдывала бы любые средства для ее достижения. Это твоя философия. У Анри она иная, он, в принципе, может пойти на любой компромисс с совестью, лишь бы добиться желаемого результата. Вы загадочные существа. Даже призраки харамминов бледнеют перед вашей экспансивностью, непредсказуемостью, гениальностью и эгоизмом.

— Возможно, ты прав. Со стороны виднее. Меня в данный момент интересует не столько мнение логриан о людях, сколько проблема, назревшая, как ты выразился, в человеческой части Логриса. Я не хочу его взрыва. Это не устранит противоречие, а лишь причинит неисчислимый вред как фантомным мирам, так и реальности физической.

— У тебя есть идеи на этот счет? — осведомился Амрак.

— Да. Собственно, они зарождаются именно сейчас… — Горкалов действительно размышлял над тем, что он узнал и увидел, и его рассудок поневоле искал выход из сложившейся в Логрисе ситуации.

«Знать бы еще изначальную структуру и функции логров…» — невольно подумалось ему.

— Спрашивай. — Мнемонический голос Амрака заставил Илью Матвеевича вздрогнуть.

Он недоверчиво покосился на логрианина.

— Ты?!

— А почему бы и нет? — Логрианин внимательно посмотрел на Горкалова с двух диаметрально противоположных точек. — Я осознаю проблему и заинтересован в ее решении. Если у меня не найдется готового ответа на какой-то из твоих вопросов — в моих силах обратиться к любому из обитателей Логриса.

— Хорошо. — Теперь Илья Матвеевич был окончательно уверен — их встреча неслучайна. Больше того он мог бы сейчас назвать Кригану имя истинного заказчика, который предложил кибрайкеру выкрасть определенного логрианина в обмен на бессмертие…

Все складывалось одно к одному.

«Таких совпадений не бывает», — в который раз повторил себе Илья. Значит, как и много лет назад, перед ним сейчас стоял выбор. Выбор жизненного пути, который, оказывается, возможен и тут, среди фантомных пространств.

«Впрочем, я уже сделал его… когда шагнул в поток Интерстар».

— Амрак, мне необходима точная, исчерпывающая информация о том, какими автономными системами оснащены логры, как управлять ими и есть ли возможность объединения части кристаллов в устойчивые функциональные формации, способные существовать *вне Логриса*.

— Зачем тебе это?

Горкалов недобро прищурился.

— Я должен еще раз снестись с внешним миром, прежде чем смогу откровенно ответить тебе. Только там мне назовут истинную цену и цель происходящего… Но я не хочу играть роль марионетки. Никто из нас больше не дернется на ниточках «таинственных» сил, — в тоне Ильи проскользнула горечь. — Но для этого мне нужны истинные знания, чтобы еще раз не пойти по ложному пути иллюзий.

Логрианин задумался.

Илья не знал, взвешивает ли ксеноморф какие-то «за» и «против» или в данный момент он общается с другими сущностями своей расы, в

принципе, неважно, главное, что он понял его, поскольку не задал встречного вопроса.

— Анри, — позвал Горкалов кибрайкера.

Тот обернулся и вопросительно посмотрел на полковника.

— Ты сможешь взломать виртуальную защиту штаба флота? Мне нужен канал связи с реальным миром.

Глава 8

Штаб флота Конфедерации Солнц…

Человек сидел спиной ко входу.

Он работал, изучая поступающие на голографический монитор документы.

За его спиной, отделившись от панорамного псевдоокна, куда транслировалось изображение ночного Раворграда, снятое с высоты птичьего полета, в дрожащем воздухе появилась призрачная фигура.

Явление незаурядное, учитывая то, что кабинет адмирала Сокуры располагался на минус десятом уровне защищенного бункера, где дислоцировался генеральный штаб флота Конфедерации Солнц.

Попасть сюда было практически невозможно.

Кому, как не Илье Матвеевичу Горкалову, было знать об этом.

Он негромко откашлялся, привлекая внимание адмирала, и произнес:

— Здравствуй, Ник.

Сокура резко повернулся, заставив кресло жалобно взвизгнуть сервомоторами.

— Илья?! — Он не смог скрыть замешательства, в первую секунду не сумев распознать, кто перед ним, — фантом или все же человек во плоти, — настолько детальной оказалась голографическая проекция.

— Каким образом?! — наконец выдохнул адмирал.

— Вижу, что ты не ожидал столь раннего визита. — Илья прошел в полуметре от Николая и сел в пустующее кресло. — Мнемонический отдел флота на этот раз отработал не так четко, как во время *провокации*, не находишь?

Сокура побледнел.

— Субъективное время логра невозможно оценить. Ты ждал, что я запутаюсь в противоречиях, не смогу сделать верный вывод из хаоса, который открылся моему рассудку. Ты *вытолкнул* меня из логра и ждал, когда я созрею для запланированной тобой операции? Ошибся, Ник. Следовало действовать тоньше… По крайней мере, собрать в одном логре меня, Кригана, Амрака и Лизу было с твоей стороны слишком самонадеянно. Теперь я сам пришел в *твой мир*, чтобы получить вразумительные объяснения. Если ты станешь все отрицать, скажешь, что непричастен к появлению фантома Шейлы, я просто уйду.

Адмирал подавленно молчал. Меньше всего он хотел видеть в

Горкалове противника. Его душу жег стыд, но рассудок Сокуры не сдавался напору нахлынувших чувств, — он по-прежнему оставался тверд в осознании целей содеянного.

— Ник, не темни. — Илья не был склонен к долгим и мучительным поискам правды. — Мы можем найти общий язык только в одном случае — если ты выложишь карты на стол, дашь мне наконец понять, ради чего была проведена эта жестокая акция, ведь ты убил ни в чем не повинную девушку-мнемоника…

— Стоп. — Адмирал с досадой хлопнул ладонями по коленям. — Все не так, Илья. Не так, как ты думаешь…

— А как? — Горкалов с трудом сдерживал свои чувства. — Шейла знает об этом?

— Нет.

— Уже хорошо. — Взгляд Ильи Матвеевича, казалось, прожигает адмирала насквозь. — Теперь, если у тебя действительно имеется конечная цель, которая хоть отчасти оправдывает предпринятые действия, говори. Я постараюсь тебя понять.

— Хорошо, Илья. Я скажу. Но прежде ты должен знать — никто не пострадал, по крайней мере тут, в физическом мире. Эльза, которую я использовал для проникновения в Логрис, жива. Сейчас она уже находится на Гефесте, в кругу семьи. Ты не прав, утверждая, что я изменился. Нет! — он порывисто встал. — Я все тот же лейтенант, которого ты спас от смерти на базе РТВ Элио. И в моих действиях нет личной выгоды или циничного, расчетливого умысла прожженного политика. Я… — он запнулся, — вернее, все мы столкнулись с проблемой, по сравнению с которой взрыв виртуальных вселенных Логриса выглядит как праздничный фейерверк, не более… Да, я поступил нехорошо, воспользовавшись твоими чувствами к Шейле, но иначе ничего бы не вышло.

— Что ты имеешь ввиду?

— Мне нужен ты, Илья. Нужен даже больше, чем тогда, во время атаки харамминов.

— Почему ты не пришел и не рассказал мне все начистоту?

— Ты находился в состоянии стасиса. В фантомных мирах уже началось брожение, и я, пытаясь осмыслить две глобальные проблемы, внезапно понял, что у них есть единое решение. План сформировался спонтанно, скорее на эмоциях, и не без участия памяти, конечно… Памяти о тебе, Илья!.. Я остро нуждаюсь в человеке, который сможет стать во главе обитающих в Логрисе личностей, кто не понаслышке знает все оборотные стороны виртуального существования. Но просить тебя — означало

инициировать долгий процесс убеждения, приведения неоспоримых доказательств, ведь я понимал — ты свято веришь в постулаты, сформулированные создателями древней машины. К сожалению, у меня не было… да и нет времени на «медленные танцы».

Знакомая фраза, которую в критических ситуациях не раз произносил Илья Матвеевич, больно резанула по нервам обоим.

— И ты решил, что проще и эффективнее дать мне самому прочувствовать всю противоестественность существования в логре?

— Да. Ты должен был сделать собственный выбор, нырнуть в поток Интерстар, лично встретиться с обитателями других сопредельных миров. Только так.

— Что ж… Ты добился своего, Ник. Рад, что при этом обошлось без жертв. Непонятно лишь, кто смог столь искусно сыграть роль Шейлы?..

— Никто. Ее личность поддерживал ты сам, питая образ своими воспоминаниями. Мы просто подключили еще один логр к твоему пространству. Он был настроен на восприятие твоих мыслей и генерацию образа Шейлы, который создавался тобою.

— Ее сон в моей реальности тоже был частью плана?

— Нет. Это явилось неожиданностью. Логры чересчур адаптивны. Тот, что поддерживал образ Шейлы, создал из генерации твоих мыслей фактически ее копию, но при этом перехватил и часть твоих устоявшихся привычек, в частности — волевую установку на сон.

— А Раули? Он тоже принимал участие в этом?

— Нет.

На время в кабинете адмирала воцарилась гулкая тишина, которую нарушали лишь тонкие, едва слышные сигналы от работы многочисленных кибернетических систем.

— Я жду, Николай. Зачем тебе понадобился Амрак? Хотел узнать больше о возможностях логров?

— Да… Информация о дополнительных функциях кристаллов, о которых мы до сих пор не имеем ни малейшего понятия, исключительно важна. — Сокура все же сумел взять себя в руки, хотя, несмотря на его решимость говорить с Ильей откровенно, в глазах адмирала по-прежнему прятался затаенный, тлеющий огонек боли, какой-то страх перед фатальной неизбежностью…

— Ник, неужели ты не понимал, что о последствиях размещения человеческих личностей на *чуждых носителях* следовало задуматься раньше? Сразу после реанимации Логриса нужно было спросить себя: не станут ли фантомные вселенные ушедших из физического мира людей

более опасны, чем существующие в реальности?

— Над проблемой Логриса думали постоянно, — ответил Сокура. — Мы провели не один десяток экспериментов, прежде чем началось массовое производство кристаллов. Между прочим, Илья, реанимация Логриса состоялась лишь благодаря информации, которую ты передал Шейле накануне боя в Сфере Дайсона. Мы только реализовали твой замысел на практике — отыскали в Рукаве Пустоты разрушенные космические станции и воссоединили миллиарды логров… В те дни мы думали прежде всего о восстановлении сети Интерстар, а виртуальное продолжение жизни поначалу казалось лишь прикладной перспективой…

— На этом следовало остановиться, Ник, — сурово заметил Илья. — Я понимаю: «Нет ничего более постоянного, чем временное», — процитировал он древнее изречение, — но почему за четыре десятилетия никто не удосужился продублировать сеть Интерстар на иных, более безопасных, специализированных носителях?

— Такие работы ведутся…

— Слишком поздно. Торопливость в одних вопросах и недопустимое промедление в других — как такая политика согласуется с элементарными нормами общечеловеческой безопасности?

— Илья, ты можешь судить меня, но не в вопросах большой политики. По-твоему, когда информация об истинном предназначении Логриса стала достоянием масс, мы не должны были дать людям шанс на бессмертие? Как мы могли скрыть существование технологии логров, если о ее сути повествует множество древних источников? Кстати, не забывай, — ты стал первым, чей разум возродился после физической смерти!..

— Не перегибай, Ник. — Горкалов вел себя совершенно естественно, нисколько не смущаясь тем, что являлся лишь проекцией, набором байт, получивших несанкционированный доступ в соединенный со стек-голографом компьютерный терминал. — Накануне боя я разговаривал с Шейлой совсем о другом. Предположения относительно Логриса являлись лишь частью того разговора. Ну а что касается моего возрождения… — Илья укоризненно взглянул на адмирала, — ты ведь прекрасно понимаешь, Ник, я не думал ни о чем подобном. Даже не полагал. *Вы* приняли такое решение, и, можешь мне поверить, я оценил дарованный шанс.

— Мне показалось, что ты осуждаешь нашу политику.

— Николай, я меньше всего склонен к бесполезным словопрениям. Вижу, ты постарел, набрался опыта, изменился, так давай говорить о деле. Если бы я не понимал сути происходящего, ты дождался бы не меня, а

какого-нибудь обозленного, доведенного до полнейшего исступления кибрайкера, которому обрыдло прозябание в Логрисе. Вы обещали людям вечную жизнь, но обрекли большинство личностей на вечную муку в аду далеко не приятных воспоминаний. Или ты скажешь мне, что только сейчас узнал об этом?

— Нет. Не скажу. Мы знали, что на носителях Логриса медленно, но верно вызревает глобальная проблема, однако остановить или повернуть вспять процесс, получивший статус официальной программы, не представлялось возможным. Понимаешь? Мы очутились в ловушке. Технология логров была рассекречена практически сразу после образования новой Конфедерации. Бессмертие всегда являлось сокровенной, но недостижимой мечтой многих поколений, так ответь: каким образом мы могли сделать Логрис доступным лишь для избранных? Дано ли здесь третье? Либо все, либо ничего — такова позиция большинства населения Обитаемых Миров. Мы не можем произвести эффективный отсев — права на обладание личным логром, по современному законодательству, лишаются лишь откровенные рецидивисты, преступники, явно доказавшие свою античеловечную сущность.

— Звучит красиво, — кивнул Горкалов. — Только официальная статистика никогда не принимала в расчет миллиарды *непойманных* преступников, таких, как кибрайкеры, к примеру. Ты в состоянии представить, что может натворить один-единственный хакер, попавший в Логрис? Обладая абсолютной памятью, не утратив ни наработанного опыта, ни навыков, разве он останется сидеть в логре?

Адмирал досадливо поморщился:

— Илья, я прекрасно осведомлен обо всем, что творится в фантомных мирах. Но я не могу остановить производство логров, не могу даже вынести на рассмотрение Совета Безопасности вопрос о замораживании программы «виртуальная жизнь». Обитаемые Миры взорвутся…

— А если взорвется Логрис?

В глазах Сокуры промелькнул и погас злой огонек.

— Ты ждешь этого, как панацеи, адмирал? — возмущенно спросил Горкалов, по-своему истолковав реакцию Николая. — Породив проблему и не в состоянии обуздать ее, ты ждешь взрыва, атаки, направленной из виртуальных миров, чтобы вздохнуть с облегчением, вторично разрушив Логрис?! Выходит, у тебя есть резервные мощности, способные поддерживать сеть Интерстар?!

— Илья, ты не прав. Мощности, конечно же, есть, как существует и

программа постепенной изоляции Логриса от общечеловеческой сети. Но проблему человеческих миров изоляцией не решишь…

— У проблемы человеческой части Логриса существует только одно решение, — мрачно, но решительно подытожил Илья. — Люди не могут существовать там…

Адмирал Сокура хотел что-то возразить, но Горкалов остановил его жестом:

— Я знаю, что ты можешь сказать в ответ, Ник. Нельзя возвращаться туда, где ты жил. Здесь я полностью согласен и с тобой, и с создателями Логриса. Но использовать свой опыт и снова родиться, чтобы создать новый очаг цивилизации, — это уже не нарушение древних постулатов и не путь Квоты Бессмертных, не находишь?

— Ты понимаешь, о чем говоришь, Илья?

— Понимаю.

— Открыть путь для реинкарнаций? А кто выйдет из камер биологической реконструкции?

— Не все, — спокойно парировал Горкалов. — Логрис — это чистилище, Ник. Не нужно искать надуманные градации. Любая личность, оставшись наедине с абсолютной памятью, проходит мучительный путь самооценки. Если душа и разум индивида не примирятся, а личность не переоценит жизненные поступки — вселенная такого человека автоматически превращается в АД. Это и есть единственный критерий отбора.

Сокура слушал Горкалова, и на его бледном лице постепенно проступали пунцовые пятна.

— Я не ошибся в тебе, Илья… — наконец с усилием произнес Николай. — Ты увидел тот же самый выход из положения, просто пока еще не представляешь, насколько он актуален. — Сокура встал, в волнении прошелся по кабинету, затем остановился и продолжил: — Наша Галактика необъятна. За полторы тысячи лет Экспансии мы не освоили и миллиардной ее части. Сейчас, после открытия свойств вертикалей, нам доступно неисчислимое множество неисследованных звездных систем. Решение проблемы человеческой части Логриса я, как и ты, вижу в предоставлении фантомным личностям шанса на новую жизнь.

— Я не ослышался?

— Нет. Ты не ослышался. Мы инициируем новую волну Экспансии, основанную на иных принципах и масштабах. Больше не будет колониальных транспортов — небольшие корабли с набором планетопреобразующей техники, камерами биологической реконструкции

и лограми, хранящими запись личности и генетический код человека. Хараммины выродились в Квоту Бессмертных из-за того, что безнаказанно возрождались после совершения откровенных злодеяний, они владычествовали, а не созидали, не вели борьбу за выживание, осваивая новые миры.

— Думаешь, разгадал смысл вечной жизни, Ник?

— Движение вперед к недостижимым целям, преодоление трудностей всегда являлось смыслом существования тысяч поколений. Ты имел возможность пообщаться с Кристофером Раули. Как он тебе показался?

— Здравомыслящий человек. Я заметил в нем особую волю к жизни. Мне кажется, у него твердые моральные принципы и он ценит их, любит свою планету, дорожит семьей.

Сокура усмехнулся.

— Логрис действительно похож на библейское чистилище, Илья. Ты подобрал самый емкий термин и не ошибся в сути. Можешь представить, что «в прошлой жизни», до того как он попал в Логрис, а после нашел способ реинкарнации, Раули был наемным убийцей?

— Нет. Даже подумать не мог.

— А, тем не менее, это так. Ты абсолютно прав: Логрис полезен человеку, до определенного момента, конечно. Познать глубины собственного «я», вспомнить все, пройти через чистилище собственной памяти, переосмыслить жизненные поступки и, как следствие — получить шанс на новую жизнь, — разве такой подход не приведет к решению проблемы, назревающей в Логрисе?

— Ты не боишься, что, узнав о перспективе, кто-то попросту затаится, дожидаясь, когда наступит его очередь на реинкарнацию?

— Никто не будет осведомлен о возможности покинуть Логрис.

— Логично, — согласился с ним Илья. — Возможно, ты действительно нашел выход, Ник. Новые колонии будут оторваны от человечества, ведь, насколько я понимаю, точки выхода вертикалей в трехмерный континуум практически не поддаются счислению, и новым цивилизациям придется пройти долгий самостоятельный путь развития, прежде чем обитаемые миры Конфедерации решат пойти на повторный контакт с ними, верно?

— Не знаю, — честно признал Сокура. — Ты сейчас пытаешься заглянуть за горизонт.

— Ладно, — согласился Горкалов. — Оставим пока аспекты далекого будущего. Вернемся к проблематике лог-ров. Я хочу до конца понять, что ты надеешься получить от меня лично? Я знаю: что-то случилось. Не зря

ты дал мне исчерпывающую информацию о новых открытиях в гиперсфере. Две проблемы, имеющие одно решение, — я запомнил твою фразу. Одна из них мне теперь известна и понятна. В чем заключается вторая?

— Мы *уже* шагнули за вертикали, Илья, — ответил адмирал. — И столкнулись с действующей защитной структурой неизвестной нам расы, которая, даже по предварительным оценкам, на миллиард лет старше логриан и инсектов. Лучший разведывательный корабль нашего флота потерпел крушение, и сейчас его экипаж блокирован на поверхности планеты, в неизвестной нам звездной системе, по ту сторону вертикали. Их блокируют защитные сооружения, которые не прорвать обычными способами атаки… В данном случае боевые корабли Конфедерации бессильны что-либо предпринять, а счет для экипажа фрегата «Аргон» идет уже не на месяцы, как то предполагало оборудование автономного поддержания жизни, а на недели, если не дни…

— Ты сказал, что флот Конфедерации не может прорваться к планете? Почему? — Илья сразу переключился на обозначенную Николаем проблему.

— Сейчас я тебе продемонстрирую данные, полученные при крушении «Аргона». — Сокура извлек из сейфа кристаллодиск и вставил его в считывающее устройство ближайшего терминала.

Посреди кабинета возникла проекционная сфера, внутри которой проступило изображение багряного диска угасающей звезды и скользящего на ее фоне темного шарика планеты, окруженного необычными для человеческого взгляда орбитальными конструкциями.

Когда трансляция завершилась, Николай исподлобья взглянул на Горкалова.

— Теперь ты понимаешь, Илья, с какой проблемой мы столкнулись?

— Сколько прошло времени?

— Неделя.

— Насколько я понял, мнемоники, находившиеся на борту «Аргона», вели телеметрию данных через вертикаль? Удалось что-нибудь выяснить после обработки информации?

— Не так уж много, — покачал головой адмирал. — Мы повторно посылали капсулу с наномашинами. Планета молчит. Гравитационная воронка исчезла, брешь в орбитальных конструкциях затянулась. Электромагнитные поля приняли прежнюю конфигурацию.

— То есть на орбите планеты продолжает функционировать некий защитный комплекс, связанный с неизвестным количеством стационарных

устройств планетарной обороны?

— Верно. Мы находимся в патовой ситуации, Илья. «Аргон» был лучшим кораблем флота. На данный момент ВКС располагают тремя боевыми единицами класса «крейсер», способными осуществлять восхождение по вертикалям. Автономные модули «Аргона» обладают месячным запасом живучести. Но мы не знаем, что на самом деле происходит на поверхности планеты. Логично предположить: там также сохранились механизмы загадочной расы. Очевидно, они давно функционируют в режиме автономии, и если я прав, то экипаж «Аргона» попал в двойную ловушку — они не могут стартовать с планеты и вынуждены защищаться от охраняющих данный мир древних кибернетических форм.

Горкалов встал и прошелся по кабинету — скорее в силу привычки, чем вследствие необходимости совершать какие-либо движения.

— Допустим, ты прав. — Он становился напротив заменяющего окно экрана, глядя на панораму ночного мегаполиса.

Вид города, который он любил и защищал, пробудил дремлющие струнки души, и они наполнили разум чувством тревоги.

— Ник, я так и не понял, каким образом мое существование в Логрисе связано с последними событиями?

— Все предельно просто, Илья. Повторный запуск наномашин подтвердил — защитные устройства планеты не реагируют на небольшие объекты. Периметр орбитальных конструкций защищен электромагнитными полями высокой напряженности, которые перефокусируются в направленные потоки излучения только при противодействии крупному объекту. Очевидно, раса, создавшая планетарную оборону, не сумела или же не успела развиться до уровня эффективных нанотехнологий. Теперь подумай: что мы можем противопоставить древним машинам, не зная ни принципов, на которых они построены, ни степени их программной свободы, ни основного набора функций? Поднять по вертикали тяжелые крейсера и смести обломки орбитальных сооружений, применив аннигиляционные установки «Свет»?

— Рискованно, неразумно… Граничит с вандализмом.

— Но там люди.

— Понимаю. Скажи, а мнемоники не пытались провести атаку на древние системы?

— Для эффективной работы мнемоников недостаточно нескольких минут, которые предоставляет в наше распоряжение вертикаль…

Горкалов уже понял, куда клонит адмирал, но все же спросил:

— Так какой же выход, Ник?

— Логры. Они компактны, не подвержены воздействию электромагнитных полей, но главное — нам известно, что микромашины логриан проектировались не только для виртуального существования личностей, но и для возрождения жизни после остывания основной массы звездного вещества в Галактике. Если следовать данной информации, Логрис должен иметь эффективный механизм эвакуации в иные, молодые и горячие звездные сообщества, где раса его создателей возродится спустя миллиарды лет. Я понятно излагаю?

— Да.

— В таком случае, любой из логров должен обладать набором встроенных программных и аппаратных средств, позволяющих кристаллам перемещаться в пространстве, образовывать единения для коллективного решения сложных технических задач, верно?

Илья Матвеевич лишь пожал плечами в ответ. Он задавался подобными вопросами и, в принципе, знал часть ответов на них, но становилось непонятно — почему специалисты флота не могут получить информацию непосредственно от коллективного сознания Логриса?

В кабинете адмирала наступила неловкая пауза.

Сокуру злило спокойствие Горкалова. Да, он ожидал услышать справедливые упреки, готовился к тяжелому эмоциональному разговору, и вот Илья сидит напротив, с завидным хладнокровием, даже отрешенностью, выслушивает государственные тайны. Да что тайны… Волнует ли его судьба людей, попавших в безвыходную ситуацию на далекой планете?

— Ник, почему ты задаешь подобные вопросы мне? — первым нарушил затянувшееся молчание Горкалов. — Разве руководство Конфедерации неспособно вступить в непосредственный контакт с коллективным разумом многих поколений логриан, олицетворяющих собой понятие «Логрис»?

— Можем, Илья. И не сомневайся — пробовали. Но «Голос Логриса» — так мы называем собеседника, — это собирательное мнение большинства обитателей фантомной вселенной. Опыт показывает, что такое общение, в принципе, не может выйти за рамки общих ответов на общие вопросы. Нам же нужны конкретные знания, причем в наикратчайшие сроки. Здесь возникает проблема. Мы не знаем, к кому именно следует обратиться, ведь подавляющая часть логриан понятия не имеет, как устроены логры. Среди ксеноморфов также есть градации: «разработчик», «пользователь»…

— Подожди. Каким образом людям была передана технология логров?

Сокура невесело усмехнулся:

— По образцу, Илья. Логриане миллионы лет находились под гнетом хfamminов, древние знания для современных поколений ксеноморфов такая же загадка, как и для нас. Скрупулезно воспроизвести кристалл по образцу — не такая сложная задача. Но мы до сих пор не знаем, какими потенциальными возможностями обладают логры, помимо реализации основной функции. По большому счету на данный момент известно десять последовательностей, — соединяя логры в определенном порядке, варьируя их количество от трех до пятнадцати кристаллов, мы получаем устройства записи и воспроизведения видеоинформации, несколько достаточно примитивных сканеров, недавно, по аналогии с сохранившимися кораблями логриан, мы смогли создать вполне удовлетворительный контролер синхронизации двигательных установок. Но, если следовать обрывочным историческим свидетельствам, возможности логров в тысячи раз шире. По сути, логр с заключенным внутри сознанием разумного существа — это космический корабль в миниатюре. Все управление реализовано на уровне передачи команд-мыслеобразов. Но наши программисты до сих пор не сумели найти точку входа в систему логра.

— Поясни. Что в данном случае подразумевается под «точкой входа»?

— Любая система умеет работать с самыми разнообразными устройствами, расширяющими ее возможности, — пояснил Николай. — Здесь я привожу пример по аналогии наших кибернетических устройств. Допустим, ты навесил на старый бронескафандр продвинутый, недавно разработанный сканирующий комплекс. Что произойдет после подключения? Система обнаружит его и использует на минимуме возможностей, с которыми умеет работать. Чтобы прибор выдал полную мощность со всеми присущими ему специфическими «наворотами», нужен специально написанный драйвер, который, взаимодействуя с операционной системой, позволит ей реализовать все функции прибора. Подобное взаимодействие и есть «точка входа».

— Для этого ты дал задание Кригану выкрасть Амрака?

— Да.

— Но почему такой способ?

— Ты все еще не понимаешь мотивы моих поступков? — Николай перестал расхаживать по кабинету, вернувшись в кресло за терминалами. — Ни я, ни мнемоники флота, а ты должен был вступить с ним в контакт. Я не пытаюсь загребать жар чужими руками, и провокации

мне не по вкусу, просто, кроме тебя, в Логрисе нет иного человека, кому я могу доверять. Ты нужен не только мне, но всем человеческим сущностям, прозябающим в фантомных вселенных. Нужен живым, злым, пытливым — только эти соображения вкупе с цейтнотом заставили меня пойти на провокацию. Пойми это, прошу.

Горкалов некоторое время молчал.

— Ладно, Ник, останемся друзьями. Нужно сказать, ты меня здорово встряхнул. Давай вернемся к нашим вопросам.

— Теперь ты знаешь все, Илья. Идея такова: мы планируем создать фантомную группу спасения. Иного выхода из сложившейся ситуации нет. Мы отправим по вертикали логры, которые достаточно малы, чтобы не провоцировать активации генераторов искусственной гравитации. Кристаллы свободно пройдут через заслон электромагнитных полей, потому что на них не воздействует данная форма волнового излучения. Оказавшись в непосредственной близости от орбитальных конструкций, логры смогут исследовать их. И тогда мы получим информацию для дальнейшего анализа, а также возобновим связь с экипажем «Аргона».

— Вопрос заключается в том, как задействовать все программные и аппаратные ресурсы логров, верно?

— Не только. Лограми нужно управлять, и делать это должны люди…

— Вернее — фантомы? — уточнил Горкалов. — Такие, как я, к примеру?

— Да, — кивнул Николай. — Возглавить миссию предложено тебе. Нам необходимо еще как минимум пять—шесть личностей, желательно бывших мнемоников или кибрайкеров.

— Мне казалось, что команда уже собрана. Лиза Стриммер — отличный офицер, Семен Крайнов и Андрей Лайтев выросли в виртуалке, к тому же прошли курс спецподготовки диверсионных групп, Криган — кибрайкер со стажем, Амрак разбирается в устройстве и принципах управления лограми.

— Да, это так, но желательно, чтобы группу поддерживал не один кибрайкер. Он все еще темная лошадка, для меня лично.

— Сколько человек ты собираешься задействовать?

— Максимум — десять. С Крайневым и Лаптевым еще предстоит побеседовать, но эту миссию я возложу на тебя.

— Разумно. Думаю, они согласятся. Итак, у нас есть шесть кандидатов, учитывая логрианина.

— Да, осталось четверо, и я настаиваю — они должны обладать мнемонической подготовкой. Три кандидатуры у меня есть, четвертая под

сомнением.

— В смысле?

— Четвертый предполагаемый мнемоник — Эльза Раули. Она вызвалась добровольно.

— Хорошо, побеседую и с ней, — кивнул Горкалов. — Что касается сбалансированности группы, думаю, нам нужен еще один проверенный боевой офицер.

— Кто?

— Лерватов. Он в Логрисе?

— Да.

— Тогда это мое условие.

— Согласен. — Сокура не видел смысла возражать, в конечном итоге формировать окончательный состав группы — дело Горкалова.

— Илья… — Чувствуя, что деловая часть разговора начинает себя исчерпывать, адмирал вернулся к личным проблемам: — Я бы хотел…

— Ник, не нужно, — мягко прервал его Горкалов, зная, что хочет сказать ему Николай. — Ты действовал жестко, может быть, даже жестоко, но игра стоит свеч. Если мы пройдем испытание, из Логриса откроется путь для миллионов людей, которые стремятся, но не могут *жить* там. Для меня это достаточный мотив к тому, чтобы отбросить личное и заняться подготовкой операции спасения.

— Ты веришь мне, Илья?

— Верю. Хотя, на будущее, Ник, советую не забывать — благими намерениями вымощена дорога в ад. Помни об этом. И не рассказывай Шейле, что ты сделал ради моего пробуждения. Договорились?

Николай встал.

Они не могли пожать друг другу руки, как сорок лет назад, среди разбитых ангаров базы РТВ, поэтому адмирал лишь низко склонил седую голову перед истончающимся, тающим в воздухе фантомом полковника Горкалова.

Часть III

Глава 9

Неизвестная точка пространства

Разделившиеся сегменты «Аргона», сопровождаемые пламенем автономных двигателей, стремительно приближались к поверхности планеты.

Датчики сенсорных систем работали на пределе мощности, но, несмотря на полную самоотдачу автоматики, совершить управляемую посадку удалось Лишь одному модулю из четырнадцати.

Боевой сегмент «Аргона», на борту которого дислоцировалось десантное подразделение, при сложившейся ситуации играл ключевую роль в спасении остальных членов экипажа.

На это имелись две причины: во-первых, грузовые модули боевого сегмента содержали необходимые механизмы и конструктивные элементы для возведения временного лагеря и защитного периметра. Во-вторых, на борту в специальных ангарах были запаркованы четыре вездехода, обладающие приспособлениями для буксировки остальных сегментов к точке сбора.

Капитан Латышев только что разгерметизировал защитные оболочки ложемента, встал и перешел за пульт локационного контроля.

— Парни, все по местам, — произнес он в коммуникатор.

Необходимости в окриках или дополнительных инструкциях не было — отделение космодесанта в составе десяти человек представляло собой единый, слаженный организм. Для прыжка по вертикали отбирали лучших специалистов и соответственно лучшее десантное подразделение, уже зарекомендовавшее себя в различных боевых и нештатных ситуациях.

В жизни они, конечно, были разными, но сейчас, после жесткой аварийной посадки, когда на экранах обзора бесновалась оранжевая мгла, а впереди ожидала полная неопределенность, десантники вели себя адекватно: покинув противоперегрузочные ложементы, они молча, без обычного обмена репликами, разошлись по боевым постам.

Через некоторое время в недрах модуля прокатилась вибрация — начался тест механизмов десантной рампы, и, почти одновременно с этим, стали поступать первые доклады:

— Локационный контроль, сержант Хорошев. Зафиксированы аварийные маяки девяти сегментов. Радиус рассеивания — пятьдесят километров.

— Сенсорные системы, лейтенант Роган. Источник гравитационной аномалии не обнаружен. Вероятно, генератор искусственного тяготения выключился, пока мы падали.

— Его точное местоположение можно интерполировать[11] по данным, полученным при сближении с планетой. Займись этим, Дик. Нам в любом случае необходимо нейтрализовать генератор для успешного старта.

— Принято.

— На связи техническое обеспечение, сержант Ортега. Рампа исправна. Приступаю к дистанционному выводу тяжелой техники.

— Группа прикрытия?

— Мы у шлюза. На связи лейтенант Готлауз. Готовы к выходу. Системы боевых скафандров проверены, тест успешен.

— Разворачивайте периметр, Алан. Мы следим за подступами, работайте спокойно.

— Да, сэр.

— Пост артиллерийского контроля, сержант Иверзев, подтверждаю, башенные орудия развернуты, активация успешна. Обеспечен трехсотшестидесятиградусный сектор обстрела по верхней и боковым полусферам. Целевые мониторы получают данные сканирования с дистанции пятисотметрового рубежа.

— Хорошо, парни, за дело. — Капитан Латышев переключился на аварийную частоту связи: — Боевой модуль вызывает сегменты один тире тринадцать. Старшим подразделений — приказываю обеспечить устойчивую связь. У вас есть пять минут до пробного включения сетевых соединений.

Боевой модуль «Аргона», похожий на полузарывшуюся в оранжевый песок дольку апельсина, выдвинул из диафрагменных люков комплексы компьютерной связи. Несмотря на беснующуюся в районе посадки пылевую бурю, Латышев не сомневался, что им удастся установить контакт с остальными сегментами. Аппаратура планетарной связи была рассчитана на куда более экстремальные условия, нежели шквалистый ветер и мятущаяся в воздухе пылевая взвесь.

Взглянув на мониторы, он удовлетворенно кивнул. Автоматика ближайших семи сегментов отреагировала на вызов, сейчас кибернетические комплексы обменяются полномочиями доступа, и сигнал будет ретранслирован дальше, к тем сегментам, что оказались вне зоны прямой связи с боевым модулем.

Так и вышло. Спустя минуту общая картина начала проясняться.

Радиус рассеивания оказался чуть больше, чем предполагал Латышев, и составил окружность диаметром в семьдесят километров, но были и приятные новости — секции гипердрайва, силовые установки и главные посты управления не пострадали от жесткой посадки. Более всего досталось четвертому сегменту, в котором находились модули двигателей планетарной тяги, однако, по отчету компьютерной системы, серьезные повреждения касались целостности обшивки, все жизненно важные узлы и агрегаты требовали лишь мелкого ремонта.

С личным составом дело обстояло хуже — в каждом сегменте имелось по два-три раненых, в том числе серьезную травму получил адмирал Снегов, которого пришлось изолировать в камере поддержания жизни.

В такой ситуации командование «Аргоном» автоматически переходило к капитану Латышеву.

— На борту сегментов сохранять спокойствие, — произнес он, когда к сети подключились все старшие офицеры корабля. — Наша первостепенная задача — восстановить целостность «Аргона». Десантная группа уже начала возведение защитного периметра, сейчас наружу выдвигаются транспортировщики. Порядок эвакуации сегментов на сборную площадку определяется по номерам, начиная от кормовой части. В первую очередь мы должны защитить гиперпривод и силовую установку. Всем включить телеметрию данных со сканеров. При появлении признаков внешней опасности или возникновения нештатных ситуаций докладывать без промедления.

Закончив первый инструктаж, Александр Латышев откинулся в кресле и посмотрел на руки.

Пальцы мелко, едва заметно подрагивали.

«Ничего… — подумал он, глядя, как в клубах едкой оранжевой пыли продвигается контур тяжелого буксировщика. — Мы справимся. Только бы собрать модули под защиту периметра, а там поглядим, так ли страшен Шиист, как его малюют…»

Сегмент «Аргона». Модуль исследований

Фрагмент крейсера лежал на боку в конце длинной, пропаханной во время аварийной посадки борозды.

В отсеках было тихо, два человека, не пострадавшие при столкновении с поверхностью, сидели подле голографических мониторов сканирующего комплекса. Один, длинноволосый, молодой, худощавый

мужчина с постоянно дергающимся кадыком, нервно курил, несмотря на строгий запрет, второй — средних лет, подтянутый, с широким скуластым лицом и свежей ссадиной на лбу, внимательно смотрел на мониторы, пытаясь что-то разглядеть в оранжевой мути.

— Посмотри, Серж… Хватит дымить, взгляни! — Он повернулся, встряхнув за плечо молодого коллегу. — У меня в глазах рябит или это контуры каких-то построек?

Сергей Моранов нехотя повернулся.

Его заметно трясло.

«Дернуло меня польститься на заработки в ВКС», — с иррациональной обидой подумал он. Шок после жесткой посадки и от вида пострадавших членов экипажа, чьи ложементы не выдержали перегрузки в момент динамического удара, вызывал у него чувство обреченности. Хотелось просто закрыть глаза и сидеть, ни о чем не думая, будто таким образом действительно возможно отгородиться от реальности…

Он жадно затянулся, выбросил окурок в утилизатор и взглянул на ту часть экрана, куда указывал Джон Пекмен.

Действительно, на фоне оранжевой мути сканирующие системы прорисовывали контуры построек, наполовину погребенных под песком и пылью.

— Джон, нам ведь сказано сидеть и не дергаться. — Он обернулся, посмотрел на напарника. — Ты ведь не собираешься лезть туда?

— Послушай, Серж, а что толку в нашем бездействии? В конце концов, исследования — наша работа.

— Но Латышев ведь ясно распорядился: ждать прибытия транспортировщика!

Джон Пекмен сделал несколько переключений на панели управления сканирующими комплексами. Изображение построек стало четче.

— Если будем сидеть сложа руки — никогда не выберемся отсюда. Десантники сделают свое дело, не сомневайся, они соберут «Аргон», но, чтобы стартовать, нам понадобится как минимум нейтрализовать генератор искусственной гравитации. Давай проверим его местоположение. Если оно поблизости, попробуем выпустить дополнительные зонды.

— Джон, опомнись. Мы в полной заднице. Проводить исследования будем потом, когда нас эвакуируют под защиту периметра…

— Да пошел ты. — Пекмен раздраженно отвернулся. Включив панель связи, он коснулся сенсора вызова:

— Сегмент-12 вызывает боевой модуль. На связи научный сотрудник Джон Пекмен.

— Боевой модуль, капитан Латышев. Слушаю.

— Наши сенсоры указывают наличие построек. Это комплекс зданий, одно шпилеобразное, остальные имеют форму куполов, расположенных по периметру окружности относительно «шпиля». Дистанция семьсот метров. — Он взглянул на монитор, куда выводились данные сравнительного анализа, и добавил: — Похоже, источник искусственной гравитации расположен в этом же районе. Система анализа выдает семьдесят процентов вероятности, что он находится непосредственно в этих зданиях или под ними.

— Что показывают сканеры, Джон?

— Пылевую бурю. Никаких аномалий, кроме сильного ветра и песчано-пылевой взвеси, не фиксируется.

— Энергоактивность?

— По нулям. Я прошу разрешения на запуск МаРЗа.[12]

— Хорошо, действуй. Я сейчас отправлю к вам транспортировщик. Бойцы заберут пострадавших при посадке, мы уже развернули временный защитный купол.

— Спасибо, капитан. Буду держать вас в курсе.

Сергей Моранов, слышавший весь разговор, демонстративно отошел в глубь отсека, усевшись в кресло за неработающим в данный момент компьютерным терминалом. Он не одобрял инициативу Джона. Герой хренов…

Пекмен посмотрел на единственного напарника, но комментировать его действия не стал, лишь понимающе усмехнулся.

Лучше уж действовать одному, чем в компании с трусоватым коллегой.

В отличие от Сергея, Джон отчетливо понимал: малодушие и бездействие в сложившейся ситуации равносильны самоубийству. Перед стартом «Аргона» никто не утверждал, что миссия разведывательного крейсера будет легкой и безопасной.

«Мы обязательно выберемся отсюда…» — подумал он, запуская зонд.

Логрис…

Горкалова встретил теплый, ласковый ветер. В его дуновениях еще ощущались порывы, но небо уже разъяснилось, и вместо покрытой шлаком пустыни вновь зеленел лес.

Ощущение жизни возвращалось к нему стремительно, необратимо.

Стоило представить изумление и радость Лизы, когда она узнает, что

встреча с Сэмом вовсе не несбыточная надежда, как на душе у Илья Матвеевича становилось тепло.

Дарить людям потерянное счастье порой приятнее, чем получать подарки судьбы для себя лично.

Они ждали его возвращения на берегу многоцветной реки.

Илья не торопясь прошел вдоль кромки обрыва, невольно всматриваясь в бледные лица Лизы и Кригана.

— Ну что, полковник? — Встретил его Анри усталой, но неизменно-ироничной улыбкой. — Как дела у большого босса? Покаялся в совершенных грехах?

— Будто ты не слышал, — беззлобно поддел его Горкалов, присаживаясь на песчаный бугор. — Лиза, этот хакер что-нибудь рассказал тебе?

Криган впервые по-настоящему улыбнулся. Похоже, его нисколько не смущали, а уж тем более не пугали грядущие испытания.

— Как я мог, Илья Матвеевич. Все самое вкусное — в качестве десерта…

— Что? — Лиза вопросительно посмотрела на Горкалова.

— В двух словах не расскажешь, Лизонька. — Илья сощурился. — Давай присядь, поговорим. А ты, — он обернулся к Кригану, который с невозмутимым видом швырял мелкие камушки в информационный поток Интерстар, — ты будь добр, отыщи нашего двухголового друга. И позаботься, чтобы он чувствовал себя достойно, как представитель древней расы. Зоопарк, как ты понял, отменяется.

— Да понял уже. Думаю теперь, как к нему подходить?

— По-человечески, — усмехнулся Горкалов. — Не забыл, как это делается?

Криган не ответил.

— Что произошло, Илья Матвеевич? — спросила Лиза, когда фигура Анри скрылась за пологой дюной. — У нас появилась надежда выбраться отсюда?

— Да. Скажу больше: в ближайшее время ты снова встретишься с Сэмом и Лайтом.

У Лизы перехватило дыхание.

— Только ничего в этом мире не приходит просто так, — продолжил развивать свою мысль Горкалов. — Мы возвращаемся в строй, Лиза.

— Каким образом, Илья Матвеевич?

— Сейчас объясню. Надеюсь, ты правильно воспримешь принятое мной решение.

Неизвестная точка пространства

Джон Пекмен внимательно следил за поступающим с камер зонда видеоизображением.

Ветер снаружи неистовствовал, вокруг, кроме постоянно меняющих свой рисунок наносов оранжевого песка, не наблюдалось никаких форм рельефа. О признаках растительной либо животной жизни не приходилось и думать, создавалось полное ощущение, что жизнь покинула эту планету миллионы лет назад, отдав ее пространства во власть капризных ветров, по своей прихоти то обнажающих из-под песка, то погребающих вновь архитектурные свидетельства былого расцвета цивилизации.

О том, что под защитой древних стен все еще действуют некие автоматические системы, принадлежавшие в далеком прошлом к комплексу планетарной обороны, думалось с долей сомнения.

Небольшой аппарат размером с футбольный мяч медленно двигался в сторону построек, преодолевая напор встречного ветра.

Наконец контуры сооружений на экране стали четче, теперь Джон явственно различал, что комплекс зданий действительно является единой постройкой, расположенной в небольшой впадине.

Центр комплекса, несомненно, образовывала шпилевидная конструкция, от которой к куполообразным зданиям тянулись наполовину засыпанные песком мощные трубы тоннельных переходов.

Джон коснулся джойстика ручного управления, разворачивая аппарат, — следовало отсканировать внутреннюю структуру каждого элемента постройки.

Поворачивая МаРЗ, он заметил, что в небе над небольшим кратером висит, не реагируя на порывистый ветер, скопление темных точек, и данное явление тут же заинтриговало исследователя, показавшись Пекмену более удивительным, чем факт обнаружения самих построек.

Что могло сопротивляться ураганному ветру, порывы которого достигали скорости двухсот километров в час?

Он, не задумываясь, изменил траекторию движения зонда, поднимая его над котловиной, попутно заметив, что подобное углубление выглядит несколько нереально на фоне струящегося вокруг песка и пыли.

И вдруг его осенило: воронка, на дне которой обнажились древние постройки, является не чем иным, как следствием работы злополучного генератора гравитационных волн, едва не уничтожившего «Аргон».

Ошеломляющие открытия следовали одно за другим, и Джон, не

надеясь на адекватную работу устройств телеметрии, машинально включил связь, комментируя происходящее для капитана Латышева:

— Я обнаружил генератор искусственного тяготения… Над ним наблюдаю скопление неопознанных объектов. Поднимаю зонд, чтобы рассмотреть их поближе и по возможности просканировать… Бог мой, это какие-то аппараты, форма каплевидная, нет… скорее яйцеобразная…

* * *

Ответ Лизы прозвучал неожиданно:

— Я устала, Илья Матвеевич… Не осуждайте меня. Но я не верю. Я наделала кучу ошибок, умудрилась дважды умереть за свои неполные тридцать лет. — Она подняла на Горкалова тоскливый взгляд. — После этого… — Лиза обвела рукой окружающее пространство, — разве я могу верить хотя бы одному слову или чувству?

— Это предрассудок. Страх. Мы все, кроме Кригана, пропустили изрядный кусок реальной истории. Хочешь, расскажу тебе, как было со мной? Не здесь, а в настоящем мире?

Лиза посмотрела на него умоляюще, но Горкалов будто не заметил ее взгляда.

— После распада Первой Конфедерации я, как и многие офицеры флота, оказался не у дел. Стал аналитиком, историком, но больше для себя, чтобы убить ненавистное время, приглушить бессмысленность существования, заполнить хоть чем-то пустоту будней. Я обозлился и перестал верить во что-либо. Потерял конкретную цель, и жизнь вдруг начала проходить мимо, но только я не замечал этого, существуя на пенсию, копаясь в архивах, зачем-то вызывая призраки прошлого.

Я много узнал о древних расах. Думая, что убиваю скуку, прочел и проанализировал почти все свидетельства о находках артефактов в Рукаве Пустоты. Потом мне в руки случайно попал логр. Настоящий древний логр с записью. Два года ушло, чтобы распознать значение записанных на нем образов, а когда криптологические программы наконец выдали связный текст, я понял, что передо мной уникальный документ, фрагмент записи, сделанной одним из создателей Логриса.

Понимаешь? Логры не несут зла. Зло исходит от тех, кто использует древние микромашины в дурных целях. Тебе не повезло, я же, напротив, получив новую информацию, вдруг лихорадочно ускорил свои поиски. Будто пелена упала с моих глаз… Я начал искать свидетельства существования древней компьютерной сети и вдруг понял — они не исчезли, ни логриане, ни инсекты, — они где-то рядом, совсем близко.

— А потом… — Илья Матвеевич тепло посмотрел на Лизу. — Потом в архивах уже несуществующего флота мне попалось на глаза твое сообщение, переданное с Воргейза, и в голове все встало на свои места. От тебя я узнал о харамминах, о том, что они следили за нами, изучали технологии, пользуясь анонимностью сети Интерстар.

— Да, но в сообщении не все оказалось правдой, — произнесла Лиза. — У нас с Лайтом не оставалось времени на анализ… Опасность была так близка и очевидна…

— Зато у меня было время поразмыслить. Я догадался, что голубокожий гуманоид обманул тебя и навигационный блок захваченного тобою корабля, скорее всего, был запрограммирован на гибельный курс. И еще я понял главное — удар последует скоро, события на Воргейзе должны были подстегнуть харамминов.

— Но вы же разгадали их планы?

— Почти. По совести говоря, удар, обрушившийся на Элио, оказался неожиданностью даже для меня. Просто повезло, я успел собрать команду из бывших офицеров, и мы оказались в нужное время в нужном месте… Смогли дать им бой. Но смысл не в этом. Все сложилось бы иначе, не ощути я в определенный миг, что жизнь проходит мимо, а душевная пустота и озлобленность не приносят, ничего, кроме раннего старения.

— Знаешь, Илья… — Лиза не заметила, как перешла на «ты». — Я боюсь встречи с Сэмом. Он ведь знал, кто я такая, и, тем не менее, полюбил меня. А я испугалась, бежала, предала…

— Милая, — Горкалов отечески обнял Лизу за плечи. — Любовь сложное чувство. Не ошибается только тот, кто ничего не делает в жизни. Думаю, Семен знает эту истину не хуже, чем ты или я, иначе он не бросился бы вслед за тобой на Воргейз. Подумай, у нас есть шанс спасти много отличных парней, таких же солдат, какими были и остаемся мы с тобой. Разве это не повод, чтобы рискнуть, пойти против собственного страха, против пустоты?

— Нас снова ждет враг?

Илья Матвеевич пожал плечами.

— Не факт, Лиза. Мне думается, от той цивилизации остались лишь механизмы, а их трудно разделить по категориям друзей и врагов. Они, скорее всего, исполняют программный долг. И вряд ли кто-то, кроме нас, сможет остановить их малой кровью.

— А потом, Илья? Нас снова вернут в это чудовищное пространство?

— Нет. Мы получим новый шанс родиться и жить. Только уже не в нашей Галактике, а там… среди неизведанных миров.

Щеки Лизы вдруг вспыхнули румянцем.

Она подумала о Сэме.

В эту секунду ей было все равно, что ждет впереди, — слова Горкалова прорвались сквозь пустоту, образовавшуюся в душе девушки, и вдруг наполнили ее надеждой.

— Я справлюсь, — тихо произнесла Лиза. — Вот только гожусь ли я для дела… без современных знаний?

— Мы офицеры. Мы все прошли через смерть, не предав своего понимания справедливости, ненависти и милосердия. Это главное, Лиза. Все остальное — преходяще.

Неизвестная точка пространства…

— Пекмен, на связи Латышев. Данные телеметрии идут стабильно. Я выслал к тебе дополнительную группу поддержки. Людей мало, но мы должны исследовать постройку. Ты сможешь спуститься в кратер?

— Да… Капитан, вы видите эти аппараты?

— Вижу. Похоже на те устройства, что пытались войти в соприкосновение с «Аргоном» в зоне низких орбит. Сканеры берут их внутреннюю структуру?

— Я опасаюсь подводить зонд ближе. Данные на вашем мониторе, капитан. Видите три сегмента? Они образуют дополнительный корпус, который может открываться, — три лепестка, если вы меня понимаете, под защитой которых находится сам аппарат.

— Откуда такая уверенность? Данных проникающего сканирования нет.

— Это логичная конструкция.

— Логичная для чего? — уточнил Латышев.

— Для пребывания в агрессивной среде, наверное…

— Или для атаки, — дополнил его предположение капитан.

— Возможно.

— Так, Джон, раненых мы эвакуируем через пару минут. Вездеход уже в трехстах метрах от сегмента. Когда он уйдет к периметру, попробуй подвести МаРЗ ближе. Прежде чем спускаться в кратер к постройкам, нужно разобраться с этими «лепестками».

— Мне спровоцировать их?

— Просто подведи зонд на минимально допустимую дистанцию и попробуй отсканировать внутреннюю структуру. Если они не отреагируют на проникающее излучение — пусть себе висят.

— А если нет? — В голосе Пекмена просквозила дрожь.

— Рядом с тобой будут два бойца в боевых скафандрах. Все «если» — их забота. Ты делаешь свое дело, они свое, обеспечивая твою безопасность.

— Я понял.

— Пошли кого-нибудь встретить вездеход. Он уже у шлюза сегмента.

Пекмен обернулся.

— Серж, у шлюза вездеход. Он прибыл за пострадавшими. Обеспечь транспортировку камер поддержания жизни и уезжай сам.

— А ты?

— Я остаюсь. У меня задание.

— Как хочешь.

Спустя двадцать минут, когда эвакуационный модуль исчез среди клубов оранжевой пыли, Пекмен понял — пора начинать.

— Ник, вы готовы?

Галактлейтенант Курт Никольсон и его напарник Хоук Райси в данный момент находились снаружи, заняв позиции подле полузасыпанного песком сегмента «Аргона».

— Готовы, Джон. Начинай.

Малый разведывательный зонд медленно начал набирать высоту, постоянно отрабатывая двигателями коррекции, чтобы порывы ветра не сбили его с намеченного курса сближения.

Неопознанные объекты не двигались, они как будто игнорировали ураганный ветер.

— Пятьсот метров… Четыреста пятьдесят… Триста… — Голос Пекмена звучал глухо, Джон заметно нервничал и не мог скрыть своего волнения. — Все, вышел на эффективную дистанцию ска…

Его фраза оборвалась на полуслове — десять объектов, которые Пекмен условно называл «лепестками», внезапно пришли в движение: как и предполагал Джон, сегменты их брони начали раскрываться, расходясь в стороны. Под ними обнажился еще один обтекаемый цилиндрический корпус, на котором были закреплены системы привода внешней брони и еще какие-то непонятные устройства.

— Внимание, у «лепестков» зафиксированы системы вооружений! — вторгся на частоту связи голос Курта. — Боевой сопроцессор идентифицирует их с ракетными установками…

— Мне начинать сканирование? — Рука Джона онемела на управляющем джойстике.

— Подожди. Они раскрылись. Системы боевого скафандра ведут пассивный прием данных. Не будем их провоцировать… Командир, — Курт

переключился на командную частоту. — Нам грозит потеря зонда.

— Вижу. Непонятно, почему аналог ракетных установок? Не слишком ли примитивно для высокоразвитой цивилизации?

— Это предположительно сборка пусковых тубусов. Пассивное сканирование определило наличие внутри полых труб цилиндрических объектов, проявляющих энергоактивность. Не факт, что ракеты, но похоже…

— Да, я вижу… Они раскрыли внешние сегменты. Это угроза? Предупреждение?

— Не узнаем, пока не сместим зонд.

— Верно… — согласился Латышев. — Джон, — обратился он к Пекмену, — попробуй отработать двигателями с таким расчетом, чтобы зонд отошел на исходную позицию. Посмотрим, закупорятся они снова или нет. В нашем положении лишняя конфронтация ни к чему.

— Понял, начинаю движение.

В мутном багрянце полудня работа двигателей зонда была видна разве что специальным приборам, но, тем не менее, «лепестки» отреагировали незамедлительно еще до того, как зонд успел покинуть точку, в которой включил режим автопарения.

Курт был прав в своих сомнениях — системы вооружений у чужеродных аппаратов имелись, но принцип их работы не определялся по аналогии форм: в зонд внезапно ударили десять разрядов плазмы, исторгнутые равным количеством «лепестков».

— Дьяволы Элио! — Джон невольно отшатнулся от экранов, будто удар был нацелен на него лично.

— Командир, мы под атакой! «Лепестки» снижаются!

— Джон, экстренную защиту! Держи поле до последнего эрга в накопителях! Повреждения сегмента недопустимы!

— Уже включил! Что мне делать?!

— Сиди тихо. Курт?

— Мы с Хоуком отступаем. Попробуем отвлечь их внимание от сегмента.

— Действовать осторожно. Джон, ты успел снять данные со сканеров зонда?

— Да. Это стопроцентные механизмы. Внутри имеется полость, которую можно определить как пилотажный отсек, но он пуст, в смысле там нет органики…

— Короче, это исполнительные машины?

— Я не могу утверждать этого!

Латышев не ответил. Ему не нужны были в данный момент стопроцентные выводы. Речь шла о жизни его бойцов и целостности «Аргона».

— Курт, начинай противодействие! — распорядился он. — По данным сканеров, вас атакуют беспилотные механизмы.

— Понял.

Лейтенант Никольсон медленно отходил в глубь пустыни.

Его напарник делал то же самое, маневр был призван отвлечь внимание снизившихся чужеродных аппаратов от запорошенного песком сегмента крейсера «Аргон».

— Хоук, приготовься. По моей команде открываем огонь. Цель зафиксирована. Принимаешь данные?

— Йес…

— Начали!

Два автоматических импульсных орудия ударили практически одновременно с разных направлений, взяв под перекрестный огонь один из снижающихся аппаратов.

Поврежденный «лепесток», от которого ураганным огнем оторвало часть механизмов, покачнулся и рухнул вниз, выбив неглубокую воронку в песчаном бархане, остальные моментально разомкнули строй и начали «закупориваться».

— Один сбит. — Никольсон резко развернулся, выпустив очередь из плечевого орудия в ближайшую цель.

«Лепесток» уже успел сомкнуть сегменты «второго корпуса», и снаряды тридцатимиллиметрового орудия лишь взвизгнули в рикошете, оцарапав покатую броню.

— Баллистическое оружие не берет их внешний корпус! — Курт бросил взгляд на данные, выделенные системой боевого скафандра в отдельное оперативное окно, и добавил: — Бесполезно! Подсистемы подтверждают, в «закрытом» состоянии они уязвимы разве что для реактивных снарядов!

— Продержитесь. — Голос Латышева даже не дрогнул, хотя он прекрасно видел происходящее на контрольных мониторах командного пункта. — Две минуты, Ник! «БМК» уже в пути!

— Они атакуют…

«Лепесток», по которому только что стрелял Курт, внезапно ускорился. Подобно исполинской пуле, он несся к земле, не раскрывая своих сегментов, с явным намерением таранить человеческую фигуру, закованную в бронескафандр.

Лейтенанта Никольсона выручила реакция, отточенная до автоматизма на изнурительных, каждодневных тренировках.

Реакция и хладнокровие: он стремительно уклонился лишь в последний миг перед казавшимся неизбежным столкновением и, откатившись в сторону, тут же рывком привстал на колено, разряжая вслед выходящему из пике «лепестку» тактическую ракетную установку.

Ослепительный факел реактивного двигателя озарил окрестности бледно-синим светом, еще миг — и полыхнула вспышка, удар взрывной волны прокатился по сыпучим песчаным холмам тяжкой конвульсией, в багряные, небеса взметнулся грибовидный выброс, в котором тонны оранжевой пыли были смешаны с обломками механизма…

— Хоук! — Никольсон резко обернулся, не услышав привычного отзыва.

Системы боевого скафандра работали на полную мощность: усилители мускулатуры, расположенные между двумя слоями керамлитовой брони, с легкостью приподняли и развернули двухтонную фигуру, сканирующие комплексы гнали на внутренние экраны гермошлема непрерывные потоки данных, начиная от аудио-видеоряда и заканчивая компьютерным рельефом местности вкупе с физическими характеристиками окружающего пространства.

Коротко и неприятно взвыл предупреждающий сигнал аларм-процессора: мигнувший индикатор привлек внимание лейтенанта к нужному оперативному окну, где отображались характеристики гравитационного поля: они скачкообразно выросли, и в следующую секунду взгляд нашел прямое подтверждение показаниям приборов…

Картина, которую увидел Никольсон, потрясла даже его искушенное воображение.

Восемь «лепестков» кружили в медленном хороводе на высоте девяноста метров от поверхности, точно над Хоуком, чья бронированная фигура прямо на глазах тонула в песке, медленно погружаясь в податливую, сыпучую почву…

— Хоук!!!

Тишина.

Лишь оглушительно бьется собственное сердце.

Никольсон рванулся вперед, под прерывистый, злобный, аритмичный звук тревожной сигнализации: своими действиями он пересекал опасную незримую черту, за которой значения гравитации резко увеличивались, что немедленно сказалось на работе сервосистем — они натужно взвыли, и Курт внезапно ощутил, как тело наливается непомерной тяжестью.

Система автоматического поддержания равновесия не дала ему упасть в миг полной дезориентации.

Счет жизни измерялся секундами.

Он находился в двухстах метрах от Хоука, на границе зоны гравитационной аномалии, так каково же приходилось напарнику там, в эпицентре?!

Проклятье…

Курт не то прохрипел это слово, не то просто *подумал* — мир вокруг замедлялся, рука поднималась вверх, преодолевая неимоверную силу тяжести, две ракеты, оставшиеся в пусковых тубусах, закрепленных от локтя до тыльной части запястья, клацнули фиксаторами, вставая на боевой взвод, затем лейтенант увидел, как неправдоподобно медленно они пошли вперед…

Он понял, электромагнитные ускорители не дали нужного импульса и двигатели ракет включатся на смертельно опасной дистанции от него.

Разум осознал это за доли секунды, заставив тело отреагировать единственным возможным образом — как только ракеты вышли из пусковых стволов, он перестал сопротивляться тяготению, рухнув на оползающий склон отлогой песчаной возвышенности…

Двигатели реактивных снарядов не выдержат расчетной траектории: попав в поле искусственной гравитации, они упадут, не поразив цель.

Лейтенант начал приподниматься, в неистовом порыве готовый броситься туда, где бронированная фигура медленно тонула в песках, но кошмар, длившийся от силы десять—пятнадцать секунд, внезапно перешел в иную фазу: два взрыва, как он и полагал, полыхнули всего в полусотне метров от точки запуска, и тут же гравитация начала слабеть.

Никольсон мог поклясться, что при такой силе искусственного тяготения ни один осколок не зацепил парящих на стометровой высоте инородных механизмов, и первая мысль была о Хоуке — они УБИЛИ ЕГО… Но нет, фигура в бронескафандре шевельнулась, в то время как «лепестки» остановили чудовищный хоровод и медленно поплыли против порывов ветра, в сторону исследовательского сегмента «Аргона».

— Джон! Они летят на тебя! Ты должен успеть! В противоперегрузочный ложемент! Живо!

— Уже!.. — хрипло отозвался коммуникатор.

Никольсон судорожно и облегченно вдохнул полной грудью.

— Хоук, ты жив?!

— Не знаю…

— Подняться сможешь? Кости целы? Посмотри на датчики

жизнеобеспечения! Телеметрия не работает, фрайг ее раздери…

— Сейчас…

В этот момент плотная атмосфера передала резкий характерный звук: словно над головой раскатисто кашлянул гром.

Лейтенант мгновенно переключил режим экранов и увидел, как сзади к месту падения исследовательского модуля, поднимая клубы пыли, на огромной скорости несутся две «БМК».

Башенные генераторы короткоживущей плазмы были подняты в боевое положение, рифленые литые колеса вспахивали песок, а в багряные небеса короткими залпами били потоки ионизированного газа, окруженные ветвистыми, спорадическими разрядами молний…

Два «лепестка» внезапно превратились в раскаленные болиды; они рухнули вниз, нагретые прямым попаданием плазмы до температуры плавления своих корпусов, остальные резко изменили курс, ускорились, словно стайка спугнутых резким звуком птиц, и, описав в воздухе полукруг, начали пикировать на одну из боевых машин космодесанта.

Никольсон, пользуясь отпущенными ему мгновениями, запустил перезарядку ракетной установки.

— Хоук, наши уже тут. Держись, сейчас мы тебя вытащим!..

События разворачивались слишком стремительно.

Счет секундам являлся счетом жизней, и, несмотря на пять уничтоженных объектов, неравенство сил сохранялось — уцелевшие «лепестки» наглядно доказали это буквально тут же.

Стремительно перемещаясь, они грациозно уклонились от очередного залпа плазмоизлучателей и всей группой атаковали головную «БМК».

Никто из десантников ни разу не видел ничего подобного.

Разве что в фантастических фильмах про кошмарных «пришельцев».

Начиная атаку, «лепестки» раскрыли свои сегменты, зафиксировав их на половине возможного хода, и одновременно включили генераторы искусственного тяготения.

Гравитационный удар можно было наблюдать невооруженным взглядом: по курсу атаки податливая песчаная почва послушно продавливалась, образуя глубокую впадину с утрамбованными, нагревшимися откосами, — растущая на глазах ложбина за считаные мгновенья настигла «БМК», и мощная планетарная машина вдруг остановилась, словно налетела на неодолимую преграду.

Никольсон отчетливо слышал, как застонал деформируемый металл, боевая машина на глазах начала вдавливаться в почву, ее колеса уже не вращались, со звоном лопнула одна из четырех ведущих осей, тонкая

струйка сизого дыма наглядно засвидетельствовала разгерметизацию корпуса и начавшийся внутри пожар, но это являлось лишь началом убийственного процесса: «лепестки» притормозили свой полет, вновь образовав уже знакомое круговое построение…

— Ник, отходи! — прорвался сквозь звон в ушах далекий голос Латышева. — Забирай Хоука и отходи!

Курт мысленно выругался, но это не помогло, даже не полегчало, наоборот, в рассудке промелькнула обреченная мысль: «все, парень, абзац…»

Внешний корпус «БМК» треснул на стыке бронеплит.

Боевая машина шла в автоматическом режиме под управлением автопилота, который сейчас, скорее всего, превратился в горстку осыпавшихся кристаллосхем, — ни одно устройство на борту «Аргона» не рассчитывалось на нагрузки, исчисляющиеся сотнями «g» в эпицентре гравитационной аномалии.

Хоровод «лепестков» было попросту нечем остановить.

Курт еще ни разу в жизни не ощущал собственной беспомощности. Баллистическое оружие не работало против этих объектов — по крайней мере, пока действует поле искусственного тяготения, ни один снаряд или ракета не попадут в цель, они просто рухнут по крутой траектории, не преодолев и трети необходимого расстояния. Помочь в данной ситуации мог стационарный лазер или установка СВЧ-излучения — их удар способен преодолеть гравитационную аномалию, потеряв лишь небольшую часть мощности, энергиям следовало противопоставлять энергии, но откуда взять именно сейчас адекватные средства борьбы?

Мысли не мешали Курту действовать.

Он уже находился рядом с Хоуком, который с трудом поднялся на четвереньки.

— Давай, помогу. Скорее…

— Куда… бежать… — хрипло выдавил Хоук. — Они… нас… достанут… Везде…

— Не торопись, в Логрис мы все успеем.

— Ну да… Хрен кто вытащит отсюда наши логры… Не найдут их в этих песках…

Тонкий заполошный писк радара заставил Никольсона на миг поднять голову.

Внешние микрофоны транслировали зловещую тишину, казалось, утих даже вой ветра, но радар не мог ошибаться, к ним приближался еще один объект!

Мгновеньем позже сработала система опознавания целей.

Это был «Фантом»!!!

Аэрокосмический истребитель шел на сверхзвуке, он начал атакующий бросок, находясь в границах стратосферы, и теперь пикировал, атакуя хоровод «лепестков» с верхней полусферы, не защищенной гравитационной аномалией.

Только бы не заработал стационарный генератор искусственного тяготения!

Никольсон резко развернулся в сторону наполовину засыпанного песком кратера, откуда вздымались контуры древних зданий.

В этот момент лейтенант не мог думать ни о чем другом. Если истребитель попадет под воздействие узкофокусированного гравитационного луча, ни у кого из них действительно не останется шансов выбраться живыми из этой передряги.

Решение созрело мгновенно.

Какие бы планы ни строил исследовательский отдел относительно древних сооружений, выход был только один — спалить к фрайгу схемы установки, прежде чем сенсоры древнего комплекса сориентируют его на атаку воздушной цели.

Мысли вихрем пронеслись в голове, они бились в устройствах обмена данными, транслировались через имплант исполнительным механизмам боевого скафандра, принимая форму приказа, инструкции к действию, и Курт, ощутив, как заработали сервомоторы, не стал сопротивляться их движению, напротив, он всем своим существом подстегивал их, не осознавая, что его рассудок опять потонул в субъективном временном потоке, — с момента появления истребителя на радаре прошло две или три секунды, а руки уже отпустили тело Хоука, торс бронескафандра пластично изогнулся, насколько позволили соединительные вставки сегментов брони, и с левой плечевой установки в сторону древнего комплекса с ритмичными хлопками ушли три гранаты электромагнитного импульса — мощнейшее, но редко применяемое оружие, предназначенное для безвыходных ситуаций, когда боец со всех сторон окружен кибернетическими механизмами противника.

Против этого вида оружия не было средств противодействия — боевой скафандр должен был превратиться в гору металлокерамлитового сплава, но в данной ситуации выбирать не приходилось.

— На землю!.. — хрипло выкрикнул Курт, успев упасть рядом с Хоуком прежде, чем мертвенный бледный свет затопил наполовину засыпанный песком кратер.

Они даже не увидели аэрокосмический истребитель — «Фантом», обгоняя звук, пронесся на недосягаемой высоте, выпустив по хороводу «лепестков» шквал когерентного излучения из бортовых лазерных установок.

Экраны внутри гермошлемов Курта и Хоука взморгнули и погасли.

Вся активная электроника бронескафандров сгорела в момент удара электромагнитного импульса, и поэтому они не видели, как жалящие лучи света настигли чужеродные механизмы, раскроив их на множество неравных частей.

Капитан Латышев, наблюдавший за происходящим с командного мостика боевого модуля «Аргона», с трудом разжал побелевшие пальцы.

На подлокотниках кресла остались вмятины.

— Группа немедленного действия, срочно выдвигаться к научному сегменту! Задача: эвакуировать лейтенанта Никольсона, сержанта Хоука и научного сотрудника Джона Пекмена!

Отдав приказ, Латышев встал, чувствуя, что от напряжения последних минут неприятно онемели мышцы всего тела.

На тактических экранах, разделявших отсек на специализированные посты, прокручивалась запись события. Кресла операторов за боевыми консолями пустовали, аварийная посадка «Аргона» привела к многочисленным, но, к счастью, временным потерям среди экипажа. Серьезные травмы получили всего пять человек, остальные после интенсивной терапии уже к исходу текущих суток бортового времени смогут вернуться в строй.

Первая схватка и первая победа.

Латышев, несмотря на пережитый стресс, ни на секунду не прекращал анализировать ситуацию.

«Мы в ловушке, — думал он. — Если в ближайшее время не подоспеет помощь, нам вряд ли удастся пережить массированную атаку „лепестков“. Вопрос в том, сколько древних механизмов сохранили функциональность среди обломков орбитальных конструкций?»

Ответ дадут ближайшие часы. Боестолкновение не могло пройти незамеченным для сенсорных систем, которые сориентировали уничтоженную группу «лепестков» на атаку «Аргона» в момент сближения крейсера с планетой. Значит, следовало ожидать повторного появления механизмов, переживших создавшую их цивилизацию.

«Почему обязательно должна быть война?» — подумалось Латышеву.

«Неужели мы никогда не встретим настоящих братьев по разуму? Или хотя бы следы их цивилизации, способные научить нас чему-то доброму,

светлому?»

К сожалению, космос предлагал совершенно иные варианты.

Продержаться. Продержаться хотя бы сутки — вот что было необходимо сделать для выживания.

«Нас не бросят. Помощь обязательно придет. Нужно только продержаться».

Глава 10

Виртуальное пространство Логриса. Личный мир Горкалова…

Илья Матвеевич сидел на террасе, где уже были расставлены пустующие пока кресла для посетителей, и наблюдал, как по аллее парка к нему идет молодой человек, лет двадцати пяти, крепко сложенный, светловолосый, с волевым, но на удивление спокойным, *незлым* лицом.

Он был одет в строгий деловой костюм, который нисколько не стеснял его движений, выдавая несомненное пристрастие к однажды избранному стилю. В облике молодого человека ощущалась зрелость, несомненный жизненный опыт, приобретенный за достаточно короткий срок.

Глядя на него, Илья Матвеевич подумал, что вряд ли это впечатление обманчиво, — некоторые иллюзии нельзя поддерживать, не имея достаточной внутренней гармонии между желаемым имиджем и действительным состоянием души.

Дождавшись, когда гость поднимется по ступенькам трассы, он встал, протягивая руку:

— Горкалов Илья Матвеевич.

— Андрей Лайтев. Можно просто — Лайт. — Его голубые глаза не казались кристалликами льда, наоборот, взгляд был теплым, но в то же время чувствовалось — Лайт немало пережил и всегда готов постоять за себя.

— Очень приятно, Андрей. Присаживайся. Почему ты один?

Лайт улыбнулся, разведя руками:

— Мне по душе истории со счастливым концом, но я чувствую себя неловко в качестве зрителя. Сэму и Лизе есть о чем поговорить.

— Да, верно. Они долго не виделись.

— Пусть побудут наедине. Можете считать, что Семен здесь, рядом, — мы с ним мыслим и реагируем на события почти одинаково.

— Да, Лиза рассказывала мне — вы росли не как все обычные дети. Вас ведь воспитала виртуалка, верно?

— Нас воспитала жизнь, Илья Матвеевич. Виртуалка, где мы вынужденно проводили время, пока родители трудились на орбитальных производствах, лишь часть огромного мира. После нее была еще тюрьма, потом психушка, завуалированная под центр реабилитации, затем два года усиленной подготовки по курсу спецподразделений для борьбы с террором, и… круг замкнулся, нас с Семеном вновь приняла улица, те самые

«неблагополучные кварталы», откуда началась наша дорога во взрослую жизнь.

— А как вы познакомились с Лизой?

— С ней познакомился Сэм. Она случайно зашла в клуб «Старое Железо», когда скрывалась от полиции.

— Это правда, что Семен Крайнов знал о том, что Лиза — киборг?

— Правда. Ее ранил полицейский, пришлось оказывать помощь, тогда и выяснилось, что она искусственно создана.

— И, тем не менее, вы помогли ей?

— Сэм помог. Я до определенного момента не принимал участия в их отношениях. Но потом, когда она сбежала, мой друг почувствовал себя очень скверно, и я решил, что для него будет лучше, если девушка отыщется.

— Ив результате этих поисков вы оказались на Воргейзе, который в тот момент контролировался харамминами?

— Да. Не лучшее место во Вселенной. Они уничтожили колонию и ставили опыты над людьми. Осваивали наши технологии клонирования и управления биологическими роботами. Там, помимо харамминов, еще были инсекты и логриане, в основном рабы. Мы пытались отыскать Лизу, в итоге попали в засаду, Сэм был смертельно ранен… Впрочем, вы должны быть хорошо осведомлены о тех событиях, верно?

Горкалов кивнул.

— Андрей, мои вопросы — не праздное любопытство. Я набираю команду для опасной акции и, как командир, должен быть уверен в каждом, кто пойдет со мной.

Лайт откинулся в кресле, прищурясь, посмотрел на Горкалова и спросил:

— Мы сможем покинуть виртуалку?

— Да, если сумеем выполнить задание.

— В таком случае можете рассчитывать на нас.

— Вот так прямо? Без предварительных условий? И вас с Семеном не будет волновать конечная цель акции?

Лайт подался вперед, сцепив пальцы рук в замок.

— Я хорошо узнал Лизу на Воргейзе. Она *любит* Сэма и никогда не впутает нас в грязное дело. Этого достаточно?

— Для начала. — Горкалов посмотрел вдаль, где по аллее двигалось еще несколько фигур. — Этот, похоже, один из моих старых друзей. — Он издали узнал майора Лерватова. — А вот те трое, что держатся особняком, — темные лошадки. Мнемоники. Высококлассные

специалисты, профессионалы, но поручиться за их моральные качества не смогли даже те, кто рекомендовал их. Так что смотри и слушай, потом доложишь мне свои впечатления, договорились?

Лайт кивнул.

Спустя четверть часа на террасе собрались десять человек и один логрианин.

Слово взял Горкалов:

— Итак, господа, у нас с вами мало времени и много проблем. Так как часть информации является секретной, будем действовать поэтапно. Прежде всего — между нами не должно оставаться недомолвок, невыясненных вопросов и прочих аспектов, способных усложнить взаимопонимание.

Илья Матвеевич внимательно посмотрел на собравшихся.

Лиза и Сэм сидели особняком, держась за руки, будто дети. Несмотря на сосредоточенность, по их лицам можно было понять — они счастливы и не намерены более терять друг друга. Ни при каких обстоятельствах.

Справа от них устроился Лайт. Он слушал спокойно, демонстрируя полное самообладание, чего нельзя было сказать о Лерватове. Очевидно, его пребывание в Логрисе протекало отнюдь не безоблачно, и сейчас он не до конца понимал ситуацию — времени поговорить с Ильей у него не оказалось, а принимать происходящее с достоинством фаталиста не входило в привычки майора.

Третья группа состояла из мнемоников, рекомендованных Горкалову адмиралом Сокурой. Двое из них до момента физической смерти проходили службу в особом отделе флота Конфедерации, чего нельзя было сказать об Эльзе — мнемонике от рождения. Она являлась единственным *живым* человеком, и Горкалов, внимательно присматриваясь к ней, не находил участие Эльзы в предстоящей операции естественным и решенным вопросом…

Ну, и, наконец, Анри со своим бывшим пленником завершали картину, расположившись по левую руку от кресла Горкалова. Кибрайкер с неприкрытым вызовом поглядывал на мнемоников, а логрианин, усевшийся прямо на пол, внимал всем, поворачивая свои змееподобные головы то в одну, то в другую сторону.

— Все вы не первый день в Логрисе, — между тем продолжил Горкалов. — Каждый успел вкусить «прелестей» фантомного бытия и, насколько я знаю, не удовлетворен существующим положением вещей.

— Знаешь, Илья, будь она неладна, такая «жизнь», — буркнул Лерватов. — Только попав сюда, я начал понимать харамминов.

— Присоединяюсь, — в тон ему добавил Криган. — Квота Бессмертных была не худшим изобретением голубокожих.

Горкалов усмехнулся. Действительно, все познается в сравнении.

— Нас собрали вместе, в нарушение всех существующих ограничений, — подала голос одна из мнемоников, — симпатичная женщина, лет тридцати. Если бы Горкалов не знал историю ее жизни, никогда не поверил бы, что это миловидное создание могло уничтожить или же, наоборот, защитить целый космический флот, пользуясь только личными способностями и набором имплантированных кибермодулей.

— Наша группа на данный момент имеет особый статус как в Логрисе, так и в реальном, физическом мире, — ответил Илья Матвеевич. — Запреты не нарушены, они временно сняты, в виду исключительных обстоятельств. Думаю, нам следует уравнять информированность всех присутствующих. Например, вы, — он обратился к мнемоникам, — владеете секретной информацией относительно вертикалей гиперсферы, а представители старшего поколения не знают об их существовании, к тому же для некоторых следует расшифровать такие термины, как «кибрайкер», — он кивнул в сторону Анри, — и «мнемоник», — его взгляд вновь вернулся к трем женщинам.

— Вряд ли нам по пути с кибрайкерами, — высказала свое недовольство Эллен Оурмен, одна из бывших сотрудниц мнемонического отдела флота.

— Пусть заткнется и не нарывается, — хмуро предупредил Криган.

Обе головы логрианина повернулись к нему.

— Я все сказал, отвернись.

— Эллен, на чем основана ваша неприязнь?

— Кибрайкеры — преступники.

— Ну-ну… — усмехнулся Анри, извлекая из воздуха уже прикуренную сигарету, будто заправский факир. — Давай вцепимся друг другу в глотку?

— Стоп! — резко осадил его Горкалов. — Насколько я знаю, способы подготовки и методы воздействия на кибернетические системы у вас одинаковые. Существует разница во взглядах, но вам, Эллен, следует признать: вы убивали, делая это законно, под патронажем системы. В отличие от вас, Анри не находился под опекой государства, он искал личной выгоды там, где вы довольствовались приказом. Уверен, у вас найдется много общего.

— Между прочим, пока идет этот никчемный спор, мы теряем драгоценное время, — произнес Лайт.

Его фраза подействовала на Анри и Эллен отрезвляюще.

— Хорошо, в конце концов Логрис уравнял всех, — согласилась Оурмен. — Здесь невыносимо и мнемонику, и кибрайкеру, и обычному человеку. Я погорячилась.

— Тогда перейдем к делу. Очень хорошо, что каждый из присутствующих понимает: Логрис создан для логриан, мы же не выдерживаем длительного виртуального существования. Так происходит с подавляющим большинством людей, попавших сюда. Только единицы могут найти гармонию в посмертном существовании личности… А теперь давайте, наконец, перейдем к делу.

— Значит, нам предоставляют шанс покинуть Логрис? Вопрос Лоры Врониной прозвучал сухо и отрывисто.

Она выглядела взволнованной, не пытаясь скрывать свои чувства под маской самоконтроля.

— Не только нам, но и большинству людей. Наша группа должна испытать невостребованные до сей поры возможности логров, доказать, что кристаллы не только способны к самостоятельному перемещению в пространстве, но и управляемы волей людей.

— Наши логры будут выделены и отправлены в космос?

— Да. — Взгляд Горкалова остановился на Амраке. — Перед вами один из проектировщиков первозданного Логриса. Он знает о функциональных возможностях кристаллов практически все и готов обучить нас тому, как активировать дополнительные возможности логров и управлять ими.

— Хорошо. Допустим, мы сможем освоить управление лограми. Даже совершим испытательный полет. Что дальше?

— Успех либо провал нашей миссии предрешит дальнейшую судьбу всех людей, чье сознание заключено в личных фантомных мирах. Если мы преуспеем, они получат шанс покинуть Логрис и основать новые колонии в звездных системах, расположенных по ту сторону вертикалей.

— В чем же сложность? Почему нельзя провести испытание в штатном режиме? — нахмурилась Эльза Раули — третий мнемоник, настоятельно рекомендованный адмиралом Сокурой. — На мой взгляд, решение таких вопросов, как *испытательный полет логра*, не поручают группе фантомных личностей, едва знакомых друг с другом.

— Вы проницательны. — Голос Горкалова внезапно зазвучал не так твердо и уверенно, как раньше. Он тоже испытывал волнение. — Мы должны составить боевую группу, чтобы дезактивировать планетарную оборону в одной из звездных систем, где сейчас терпит бедствие экипаж

крейсера Конфедерации.

— Тип планетарной обороны? — тут же осведомилась Эллен.

Она не видела, как многозначительно усмехнулся Анри.

— Тип неизвестен, — ответил Илья Матвеевич. — Орбитальным конструкциям, по имеющимся данным, более миллиарда лет, и они принадлежат исчезнувшей расе, о которой не известно ровным счетом ничего.

— Всего-то? — нервно хохотнула Лора. — И что нас ждет в конце пути?

— Жизнь. Новая жизнь.

— Я не ослышалась? Реинкарнация?

— Да. Нам будет предоставлена возможность найти подходящий мир и колонизировать его, возродившись в камерах биологической реконструкции. Если это произойдет, Логрис станет лишь промежуточным звеном, периодом самопознания разума, прежде чем человек сможет отправиться дальше, к неизведанным звездным системам, чтобы возродиться и жить вновь, не порабощая, как это делала Квота Бессмертных, а основывая новые колонии, созидая.

— Не понимаю, почему идет торг? — вмешался в диалог молчавший до сих пор Крайнов. Он отпустил руку Лизы и встал. — Мне кажется, речь сейчас должна идти не о том, что нам дадут в награду. Илья Матвеевич ведь ясно сказал — по ту сторону вертикалей люди, которым грозит гибель. Мы что, потеряли в Логрисе все человеческое?

— Не перегибай, — буркнул Криган. — Думаешь, мы выберемся оттуда?

Это был миг, когда Горкалову показалось, что последняя надежда адмирала вот-вот погаснет, как трепетный огонек свечи под порывом ветра.

— Он прав. — Майор Лерватов встал с кресла. — Не знаю, что вы за чудо-специалисты, но по мне ситуация ясна: людям нужна помощь, и мы в силах ее оказать. Когда началось вторжение харамминов, никто из нас и не помышлял, что будет реанимирован в Логрисе. И, тем не менее, никто не торговался.

— Согласна с вами, майор, — произнесла Эльза. — Торг в данной ситуации глуп и неуместен. — Она посмотрела на Эллен и добавила: — Не нужно коситься на меня, дорогая. Я доброволец.

— В смысле? — не поняла ее слов Оурмен. — Мы все здесь «добровольцы», — фыркнула она.

— В том смысле, что я добровольно ушла в Логрис ради участия в данной миссии.

— Умерла? Покончила с собой?

— Какая тебе разница? Просто не вернулась в физический мир. — Эльза посмотрела на Горкалова и добавила: — Думаю, это снимет вопрос о моем статусе, полковник?

Рукав Пустоты. Район дислокации Логриса…

Компактный кристалл, умещающийся на человеческой ладони…

Внешне — невзрачный черный камушек с острыми гранями.

— Структура логра основывается на особом строении атомной решетки. — Голос Амрака звучал в сознании всех членов группы, готовящихся к первому испытательному полету. — Моя раса, исследуя законы мироздания, пришла к очевидному выводу: настанет время, когда звездное вещество нашей Галактики пройдет все стадии термоядерного синтеза. Звезды начнут остывать, а значит, жизнь на планетах станет невозможной.

— Тогда и появилась концепция логра? — спросил Горкалов.

Илья Матвеевич сидел в противоперегрузочном кресле пилот-ложемента. Амрак предупредил: чтобы эффективно управлять своим логром, каждому из членов команды нужно создать привычную для сознания виртуальную оболочку, — только гогда вторичные системы кристалла смогут настроиться на мысленные образы и войти в непосредственный контакт с разумом человека, передавая ему данные с сенсоров и исполняя команды.

Для себя он избрал рубку штурмовика класса «Валькирия», как поступят остальные, Горкалов не знал.

— Да, идея создания универсальной машины, способной не только предоставить виртуальную среду обитания для рассудка, но и сохранить запись генетического кода, возникла именно в ту пору. Но мы понимали, что даже такая форма существования не сможет противостоять нарастающим процессам энтропии в остывающей Галактике. Логрису, как и любому устройству, нужна энергия.

— Вы не собирались умирать вообще, никогда и ни при каких обстоятельствах? — Голос Кригана прозвучал иронично, он никак не мог окончательно смириться, что его бывший пленник в полном смысле поучает его.

— Жизнь бесценна, — лаконично ответил логрианин. — Разум — это субъективная Вселенная, уникальная в своем роде. Пространство мироздания безгранично, в нем найдется достаточно места для любого

количества рассудков. Смерть на определенном этапе развития перестала нести полезную функцию. Нам не требовалось ограничивать численность населения.

— Понятно. Вернемся к геме, — прервал рассуждения Амрака голос Эллен. — Как мы сможем управлять полетом кристаллов? Какие сенсорные и двигательные системы имеются в нашем распоряжении?

— Сенсоры логра реализованы при помощи различных элементов и сплавов, чьи молекулы реагируют на определенные воздействия, такие, как нагрев, электромагнитное поле, световая волна и т. д. Группы «сенсорных» ячеек расположены по всей площади кристалла. Двигательной установки, в человеческом понимании данного термина, нет, система использует разные источники сил, отчасти природные, отчасти искусственно создаваемые. Учитывая малые размеры и массу логра, кристалл способен передвигаться под воздействием различных возмущений метрики, начиная от гравитационных волн и заканчивая «солнечным ветром». Для критических случаев зарезервированы реактивные «сопла» — сквозные отверстия, где накапливаются атомы межзвездного вещества. В нужный момент они разгоняются, инициируя реактивную тягу.

Илья Матвеевич слушал пояснения логрианина, невольно представляя себе картину: миллиарды кристаллов, движущихся во мраке космоса, через бездну межгалактических пустот, от мертвой, остывшей Галактики к иным, более молодым звездным сообществам…

— Амрак, но в конце пути вам понадобились бы средства для строительства, добычи ресурсов, колонизации новых миров, собственной реинкарнации, наконец. Вы ведь не собирались оставаться сонмищем кочующих от звезды к звезде кристаллов с заключенными внутри рассудками?

— Нет, не собирались. Для этих целей существует ядро Логриса, оно составлено из иного вида микромашин. Внешне они неотличимы от обычных, но их основная функция как раз и состоит в манипуляциях с веществом и энергиями. Ваши исследователи сталкивались с таким типом логров в Рукаве Пустоты и на окраине скопления О’Хара. Соединяясь в сложные структуры, исполнительные логры накапливают энергию от внешних источников, затем при помощи различных видов излучения воздействуют на вещество, меняя его химический состав и физические свойства. По схожей технологии в ядре происходит создание новых логров. Матрица состоит из особой конфигурации электромагнитных полей, располагающих атомы вещества в нужной последовательности, затем происходит обработка различными видами энергий, начиная от тепловой и

заканчивая гамма-излучением. Под их воздействием из собранной межзвездной пыли (к примеру) создаются новые логры.

— Очень любопытный экскурс, — заметил Криган. — И все же, я хотел бы узнать, мы полетим или нет?

— Полетим, — ответил Амрак, — в данный момент наши кристаллы перемещаются на периферию Логриса.

— Слушай, а почему мы можем управлять ими? Как возникает взаимосвязь между устройствами логра и привычными для нас схемами управления? — Вопрос принадлежал Лайту, Горкалов узнал его голос.

— Разум. Все происходит так, как при нейросенсорном контакте рассудка человека с киберсистемой. Нейросетевая структура логра воспринимает импульсы возбуждения, распознает зашифрованный в них мыслеобраз и транслирует адекватную команду необходимым устройствам периферии.

— Тогда зачем мы создавали фантомные модели рубок управления? Могли бы просто сидеть и мыслить.

— От привычной обстановки зависит скорость реакции на событие. Когда ты снимаешь данные с приборных панелей штурмового аппарата своей расы, твой разум мобилизуется.

— Понятно. А как…

— Вопросы закончились, человек. — Голос Амрака позвучал необычайно четко, торжественно. — Мы на периферии. Логрис отпускает нас. Сейчас вы все увидите и поймете.

Это было незабываемо.

Илья Матвеевич никогда при жизни не бывал в Рукаве Пустоты, а уж тем более не представлял его современного вида, сформировавшегося уже после того, как полковник Горкалов погиб в рубке «Фалангера» во время решающего сражения между людьми и харамминами, состоявшегося в Сфере Дайсона…

Теперь он смог воочию наблюдать, как сильно изменился данный участок космического пространства за истекшие сорок лет.

Серебристые, немигающие точки освоенных людьми звездных систем сияли далеко позади, справа и слева (такое представление давали обзорные экраны фантомной кабины штурмовика) царил бездонный мрак, а впереди полыхал ослепительный сгусток света — шаровое скопление звезд, где зародилась и эволюционировала раса харамминов.

Вуаль логрианских устройств более не скрывала его от постороннего взгляда, и теперь часть печально известного, казавшегося непреодолимым Рукава Пустоты попросту исчезла, уступив место феерическому сиянию

сотен тысяч звезд.

Для Горкалова красота увиденного несла несколько зловещий оттенок, словно тень из прошлого легла на изображение звезд…

Шаровое скопление имело четко выраженное ядро, от которого исходил ослепительный свет, и поэтому взгляд не задерживался на центральной части сгустка, а невольно соскальзывал на периферию, где звездная плотность постепенно уменьшалась, а сами светила образовывали сложные узоры, будто неведомый ювелир прихотливо выложил на фоне бархатистой тьмы замысловато переплетенные цепочки драгоценных камней…

Жизнь в шаровом скоплении равномерно распределялась по периферии; там, где сиял сгусток ослепительного света, звездная плотность достигала огромных величин, при которых невозможно формирование устойчивых планетных систем.

Сотни, тысячи новых планет, уже известных и еще не открытых, таились среди феерии звездного огня…

Илья Матвеевич перевел внимание на боковые экраны.

Логрис…

Черная, вращающаяся по часовой стрелке воронка, образованная вихреобразным сплетением кристаллических нитей, по своим масштабам в десятки раз превосходила окружающие орбитальные сооружения, даже крейсера отдельного флота Конфедерации казались крохотными по сравнению с ЛОГРИСОМ.

Его вид не поддавался простому описанию. По вращающейся массе миллиардов логров то и дело пробегали голубоватые сполохи статических разрядов энергии, некоторые из кристаллических нитей центробежная сила вращения отклоняла в стороны, и поэтому вихрь Логриса выглядел дымчатым, лохматым…

Потрясающее зрелище.

Ради этого стоило жить, принять смерть и возродиться вновь.

— Начинаем тестовый полет. — Голос, вторгшийся в рассудок Горкалова, был незнаком. — С вами говорит оператор мнемонического отдела флота, — тут же представился вышедший на связь офицер.

Илья Матвеевич ровно секунду слушал тишину и вдруг…

Он понял, что ответа ждут именно от него.

Он являлся командиром группы.

— Призрачный флот на связи. — Формулировка ответа родилась сама по себе, автоматически превратившись в позывной.

— «Призрак 1» — готов к началу движения! — тут же прозвучал

доклад Лайта.

— «Призрак 2» — сенсорные системы в порядке. Наблюдаю окрестный космос. К включению движителей готова. — Это была Лиза.

Доклады следовали один за другим, и Илья вдруг со всей очевидностью осознал — это РЕАЛЬНОСТЬ, и они действительно составляют флот из десяти боевых единиц.

Размеры логров значения не имели. Каждый кристалл мог быть идентифицирован как отдельный корабль, по крайней мере, по своим потенциальным возможностям.

— Внимание, «Призраки», вам разрешен старт. Данные курса для пробного запуска систем перемещения в пространстве сейчас будут переданы с диспетчерской станции. Приготовьтесь. Мы начинаем.

Вот чего так остро не хватало рассудку при существовании в логре.

Общения.

Обратной связи с внешним миром, способности видеть и слышать, воспринимать окружающую реальность, чувствовать ее.

Возвращение к жизни.

Каждое из вновь обретенных чувств вливалось в разум, словно драгоценная, живительная влага для умирающего от жажды в пустыне.

Была ли сейчас важна форма, в которую заключен рассудок?

Нет. Тысячу, миллион раз — нет!

Илья чувствовал, что живет. Он дышал полной грудью, его переполняли эмоции — это был исторический миг, точка отсчета для начала новой эры, эры Экспансии к звездам.

Синтез древних логрианских технологий и пытливого, ищущего, жаждущего человеческого разума вдохнул абсолютно новый смысл в само понятие ЛОГР.

Оболочка для разума, способная достичь далеких звезд.

Идеальный носитель, гарантирующий не статичную победу над смертью, а развитие, движение вперед, возрождение, новые этапы борьбы за существование на далеких неизведанных планетах, где будет отшлифовывать грани сознания бессмертный разум человека…

Это потрясало.

Они дважды облетели вокруг исполинской воронки Логриса, каждый переживая в эти минуты свое личное возрождение, потом, когда группа логров остановилась в пространстве, неподалеку от станции диспетчерского контроля, в сознании участников эксперимента вновь зазвучал голос оператора:

— Прекрасно исполнено. А теперь давайте попробуем совершить

более сложный маневр. Сначала к вашим кристаллам будут пристыкованы резервные логры, затем вы попробуете образовать единое тело. Начинаем!

По другую сторону бесконечности…

Два тяжелых транспортера двигались среди клубов оранжевой пыли, буксируя к защитному периметру временной базы научный сегмент крейсера «Аргон».

Справа и слева от них медленно ползли боевые машины космодесанта. Башни плазмогенераторов «БМК» были выдвинуты в боевое положение, сенсорные системы работали на пределе возможностей, но пока в зоне сканирования все было чисто.

Шла пятая минута буксировки.

С момента атаки «лепестков» минуло три часа, но за это время в зоне эффективного сканирования новые объекты не появлялись. Кратер с постройками уже практически занесло песком, и лишь оставленный радиомаяк указывал на точное местоположения комплекса зданий, внутри которых предположительно находился стационарный генератор поля искусственного тяготения.

Капитан Латышев, наблюдая за процессом буксировки сегмента, решал для себя важный вопрос: имеет ли смысл рисковать людьми, пытаясь проникнуть в древние сооружения?

Больше всего капитана тревожила неопределенность их положения.

Почему спецподразделения ВКС, базирующиеся в системе Ожерелья, до сих пор не дали о себе знать, не пришли на помощь или, на худой конец, не установили стабильный канал связи? Латышев не верил, что для этого недостаточно имеющихся технических средств.

Ждать помощи или начинать активно действовать самим — вот главный вопрос, на который он должен будет дать ответ в ближайшие часы.

Резкий толчок заставил его обернутся.

На вымощенной специальными плитами площадке три автоматических буксировщика состыковывали силовой модуль «Аргона» с боевым сегментом.

«Надо действовать, — глядя на них, подумал капитан. — Будем сидеть сложа руки в ожидании помощи, никогда не выберемся отсюда».

Спустя час буксировщики под охраной «БМК» подошли к периметру.

Под куполом суспензорной защиты ветра не ощущалось вообще. Полусфера зеленоватого сияния постепенно теряла прозрачность, абсорбируя песок и пыль. С одной стороны, это укрепляло защиту,

придавая энергетическому куполу физические характеристики твердого тела, но при гравитационных ударах излишняя жесткость могла сыграть негативную роль.

Латышев подмечал подобные аспекты машинально, на уровне подсознания.

— Энергетический модуль.

— На связи.

— Периодически сбрасывайте песчаный наполнитель суспензии. Если сенсоры зафиксируют чуждое присутствие, реактивировать поле немедленно.

— Принято.

Секундой позже в коммуникаторе раздался другой голос:

— Капитан, адмирал Снегов пришел в сознание. Он просит вас зайти в медицинский модуль.

Латышев кивнул:

— Хорошо, передайте адмиралу, что я буду у него через пару минут.

Адмирал Снегов находился под наблюдением автоматической системы поддержания жизни в медицинском модуле «Аргона», который входил в структуру боевого сегмента фрегата.

Латышев вошел в стерильный отсек.

Здесь резко пахло ультрафиолетом — особый запах, один из немногих ассоциирующихся именно со стерилизующим освещением.

— Саша… — Адмирал с трудом повернул голову. Его голос транслировала аудиосистема реанимационного комплекса. — Подойди.

Латышев приблизился и, не найдя рядом ничего похожего на стул, просто остановился подле закрывающего камеру прозрачного колпака.

Состояние адмирала все еще оставалось скверным. В момент удара командный сегмент «Аргона», пропахав длинную борозду в песчаных наносах, налетел на скрытый под ними выступ твердых коренных пород. В результате главный пост управления был практически уничтожен. Двух офицеров убило, Снегова покалечило деформированными конструкциями пилот-ложемента.

— Я слушаю, Андрей Петрович.

Бескровные губы адмирала слабо шевельнулись в ответ:

— Ошибка… Моя ошибка… Самонадеянность… Не повторяй ее…

Латышев не отвел взгляда.

— Ситуация под контролем. Мы отбили атаку, не потеряв никого из людей.

— Это было… Страшно?..

— Да. Чуждые механизмы используют плазму и генераторы искусственного тяготения. Их вооружение превосходит наше. И, тем не менее, мы выберемся. Десять сегментов уже под защитой периметра. После стыковки боевого модуля с силовой установкой у нас появилась возможность уничтожать аппараты противника на дальних подступах.

— Это… Хорошо… Докладывай мне… Почаще…

— Я буду отчитываться каждый час, адмирал.

— Спасибо… Саша… Иди… И не повтори… моей ошибки…

Логрис…

— Итак. Какой информацией о противнике мы располагаем? — Криган задал вопрос, не оборачиваясь, глядя на далекий горизонт.

Горкалов расположился поудобнее в кресле.

— Нас ожидает комплекс противокосмической обороны, принадлежащий неизвестной расе, — ответил он. — Отдел внешней разведки располагает следующими данными: во-первых, упомянутый комплекс разрушен на девяносто процентов, но, тем не менее, обломки продолжают удерживаться на орбитах, образуя определенную инфраструктуру, часть компонентов которой до сих пор действует.

— Откуда информация?

— Фрегат «Аргон» совершил попытку сближения с обломками. В результате он был атакован, подвергся электромагнитному удару, а затем попал в гравитационную ловушку. Дальнейшая судьба корабля и экипажа неизвестна.

— Источник гравитационного поля находился на самой планете, надо полагать?

— По данным дистанционного мониторинга, да. Аппаратура слежения зафиксировала его координаты.

— Значит, «Аргон» сгорел? — уточнил Криган. — Я понимаю, что значит войти в плотные слои атмосферы не по расчетному курсу посадки, а под воздействием внешних сил. Там НЕКОГО спасать.

— Здесь ты не прав, Анри. «Аргон» современный корабль, построенный с учетом многовекового опыта, он спроектирован с огромным запасом прочности, а его экипаж можно считать лучшим во флоте. По данным наблюдения, силовые установки фрегата осуществляли противодействие гравитационному лучу, пока корабль не снизился до десяти километров. Далее «Аргон» в аварийном режиме разделился на четырнадцать автономных сегментов, которые выходили из зоны действия

аномальной гравитации и осуществляли посадку, используя собственные двигатели. Это позволяет утверждать, что экипаж жив и нуждается в срочной эвакуации.

Горкалов сделал глоток воды.

— Вопрос в следующем: как нейтрализовать остаточные системы глобальной противокосмической обороны? Наша задача состоит именно в этом. Мы должны обеспечить кораблйм флота безопасный запуск эвакуационных модулей.

— Они там, в штабе флота, рехнулись? — возмутилась Эллен. — Чтобы сломать оборону, нужно знать ее структуру, слабые, уязвимые места.

— Ты права, — согласился Илья Матвеевич. — Мы ничего не знаем. Более того, нам будут противостоять автоматические устройства с абсолютно чуждым программным обеспечением. Мы не можем поразить его вирусами, переподчинить своей воле… Ни один традиционный способ не подходит. Поэтому я предлагаю импровизировать.

— Как?

— Эллен, Анри, вы наиболее опытны в вопросах защиты и нападения. Разве в своей практике вам не приходилось встречать принципиально незнакомые системы?

— Приходилось, — ответил Криган.

— Да, но любая «незнакомая» система неизбежно строилась на базе известных тебе технологий, — заметила Эллен. — Ты знал, что искать, и потому находил. Что будем искать мы?

— У нас есть единственный ориентир — источники энергетической активности. Сильное магнитное поле исключает применение беспроводных технологий, между отдельными узлами орбитального комплекса, вероятно, существует лазерная связь, но отдельные узлы в своей структуре неизбежно должны использовать кабели.

— Не факт. Скорее их корпуса надежно экранированы. А внутри может располагаться все что угодно.

— Тем не менее, у нас есть шанс. Шанс нарушить работу этой гипотетической «начинки» и тем самым обезвредить функциональные узлы.

— Ответьте мне на один вопрос: почему флот не применит такой простой, но эффективный способ, как стандартные системы вооружений? Расстрелять к фрайгу орбитальные конструкции, а на гравитационный луч «подсадить» парочку хороших бомб?

— Ответ отрицательный. — Горкалов встал и по давней привычке прошелся по террасе, заложив руки за спину. — Значит, так: любой

грамотно построенный комплекс планетарной обороны должен обладать определенными характеристиками. Во-первых, автономность отдельных узлов. Во-вторых, резервирование — каждая цепь должна дублироваться. Затем, — продолжал рассуждать Илья Матвеевич, — обязательное наличие внешнего мониторинга для координации и планирования. При этом каждый элемент системы, по определению, может действовать автономно, в отсутствие четких внешних директив. Далее — мобильность, то есть предусмотренная возможность для отдельных модулей отстыковываться от базовых точек и перемещаться в район наибольшей угрозы. Зоны ответственности стационарных узлов должны перекрывать друг друга приблизительно на пятьдесят процентов. Затем — послойная структура, эшелонированная на разных орбитах, наличие аванпостов, систем раннего оповещения, пассивных датчиков, не выдающих своего присутствия.

— Да, еще минные поля, широкий спектр средств поражения целей, возможность самоподдержания или даже наращивания мощности при наличии лимита времени, разумеется, — дополнил слова Горкалова майор Лерватов.

— Верно. При таком раскладе операция флота без точной предварительной разведки — самоубийство. Наверняка в инфраструктуру оборонительных сооружений входят датчики с широким охватом, вынесенные над плоскостью эклиптики. К тому же источники энергетической активности скрыты среди обломков. Там миллиарды тонн весьма прочных конструкций, которые удерживаются в параметрах заданных траекторий при помощи неизвестных нам технических приемов. Удерживаются уже примерно миллиард лет, к слову сказать. Более того, датчики зафиксировали, как в сторону снижающегося «Аргона» двигались десять неопознанных объектов.

— Догнали? — вскинул голову Лайт.

— Нет. Но вошли в атмосферу вслед за разделившимися сегментами.

— Не понимаю… — развела руками Лора. — Если речь идет о гибели целой цивилизации, произошедшей миллиард лет назад, как могли сохраниться функциональные механизмы? Если их не разрушил неизвестный противник, атаковавший данную планету, то должно было истребить ВРЕМЯ!

— Отнюдь… Согласен, миллиард лет — цифра внушительная… для человека. Но механизм, помещенный в условия вакуума, где нет воздействия агрессивных сред, защищенный от опасных форм излучения в надежно экранированном отсеке, может поддерживать функциональность и на большем отрезке времени. Повторяю: нам *придется* импровизировать. И

здесь я вижу только один способ: нужно создать боевые связки мнемоник-боец.

— Это как? — насторожилась Эльза.

— Попробую объяснить. Осуществляя взлом систем, кибрайкеры используют образы: там, где обычный человек видит лишь набор кристаллосхем да энергетические импульсы, кибрайкеры включают потенциал ассоциативного мышления, манипулируют абстракциями. Такой способ позволяет гибко реагировать на ситуацию, обходить ловушки, уничтожать преграды. Свойство человеческого рассудка моментально реагировать на определенные образы дает нужную скорость отдачи инструкций кибермодулям, которые делают всю черновую работу, связанную с программным кодом. Я верно излагаю суть, Криган?

— Да.

— В таком случае вам должна быть понятна суть моего замысла. Мы атакуем физические объекты, но делаем это через виртуальную среду. У каждого устройства есть порт доступа, он необходим для внешнего тестирования, смены программ и т. д. Не играет роли, на каком принципе он основан. В наших силах быстро перебрать все возможные способы связи от передачи различных волн до прямого физического контакта со входным устройством. Далее, определив, какой тип сигнала проводит порт доступа, бойцы входят внутрь. Наше существование в Логрисе научило каждого манипулировать образами, трудность состоит в том, что внутри чуждого устройства для личности бойца не найдется адекватного носителя, на котором он смог бы временно разместиться. Поэтому необходима пара, где мнемоник будет поддерживать личность атакующего, защищать его.

— Каким способом мы нарушим работу чуждых программ?

— Грубым вмешательством. Любое искажение сигнала приведет к сбою передачи данных. Это очевидно. Внутреннюю помеху трудно устранить, особенно когда невозможно ее идентифицировать.

— Рациональное зерно тут есть, — в глубокой задумчивости произнесла Эльза. — Значит, нам предстоит действовать в два этапа? Сначала мы должны сблизиться с функциональными узлами обороны, затем найти точки входа и атаковать системы на мнемоническом уровне, нарушив обмен данными?

— Коротко, но точно, — согласился Горкалов. — По-моему, это единственный план, выдерживающий критику. Нам придется импровизировать, рисковать, но все когда-то случается впервые, верно?

— Не боишься выпустить джинна из бутылки, Илья Матвеевич? — усмехнулся Криган. — Не знаю, как для чуждых систем, но для наших,

человеческих, предложенная тобой мнемоническая связка попросту смертельна…

— А мы не будем никому рассказывать, — хитро прищурился Горкалов.

По другую сторону вертикали…

Камень. Холодный шероховатый камень.

Нужно сказать, что Джон Пекмен был сильно озадачен показаниями анализатора. Неужели древняя раса, разгадавшая физику гравитации, пользовалась в качестве строительного материала обыкновенными каменными блоками?

Впрочем, может быть, это еще не часть постройки?

Он следил за сканерами, в то время как боевая машина космодесанта, выдвинув два конических агрегата, выдувала песок из кратера, на дне которого располагался древний комплекс зданий. Когда работа будет завершена, по периметру образовавшегося углубления сервомеханизмы расположат эмиттеры суспензорного поля. Силовая установка «БМК» будет поддерживать защитный купол все время, пока разведгруппа из трех человек полностью не исследует все сооружения.

Джон вновь посмотрел на датчики. Он не привык к боевому скафандру, а если говорить точнее, впервые пользовался подобной экипировкой. Сначала его здорово напрягали экраны, расположенные внутри глухого, бронированного гермошлема, но потом ничего… понемногу притерпелся к ним. По крайней мере, обошлось без дурацких приступов клаустрофобии.

Переключив один из мониторов на внешний обзор, Джон критически осмотрел каменный выступ, обнажившийся из-под песка.

Странно, но это действительно являлось частью постройки, — под первым блоком лежал второй, и их ничего не скрепляло, кроме собственного веса!

Чушь. Не может такого быть. Стоило вспомнить скачкообразные изменения гравитации в момент атаки на «Аргон», как становилось понятно — подобная конструкция рассыпалась бы, как карточный домик, при первом же импульсе генераторов искусственного тяготения!

Не найдя ответа на возникшую загадку, Пекмен включил оптическое умножение.

Интуитивно он продолжал искать объяснение явному несоответствию прочностных характеристик обнажающейся из-под песка конструкции с

той силой, которую генерировали устройства, заключенные внутри постройки.

«Камень не выстоял бы миллиард лет, — мысленно рассуждал Джон. — Процессы выветривания превратили большинство твердых пород в песок, и этот своеобразный абразив, постоянно перемещаясь по воле воздушных масс, тщательно ошлифовал кору планеты, сгладив большинство неровностей».

Странно было наблюдать, что при таких условиях прекрасно сохранилась обыкновенная каменная постройка. Конечно, при оптическом увеличении было видно, что поверхность блока покрыта микронеровностями, но…

Пекмена внезапно обдало жаром. Он поспешно перевел взгляд на сканеры и убедился, что ему не привиделось: конические углубления, покрывавшие грань блока, имели правильную геометрическую форму, располагаясь в определенной последовательности.

Что бы это могло означать?!

Он увеличил проникающую способность сканеров и понял, что конусы являлись лишь внешней, видимой частью сквозных отверстий, пронизывающих каменный блок. Внутри каждого канала располагался тонкий стержень из неизвестного сплава.

— Эй, Хоук, подойди сюда! — позвал он. Фигура в бронескафандре даже не шевельнулась.

— Чего тебе, Джон?

— Я кое-что обнаружил!

— Ну так транслируй мне данные.

— Почему бы тебе просто не подойти?

— В этом нет смысла. Напрасная трата энергоресурса и времени. Мы в боевых скафандрах, забыл?

— Нет, не забыл.

— Так что ты хотел показать? — голос Хоука прозвучал примирительно.

— Строение выполнено из каменных блоков.

— Да, вижу. Даже знаю, что ты скажешь по этому поводу. Явный нонсенс. Камень давно бы разрушился, верно?

— Верно. Тебя не интересует, почему этого не произошло?

— Интересует. Но я не привык задаваться лишними вопросами. Камень — значит камень. Ты у нас научный сотрудник, а я твой ангел-хранитель.

— Блоки пронизаны отверстиями. Внутри стержни. В комплексе их

структура напоминает резонатор. Их удерживало вместе какое-то энергетическое поле.

— Ясно. Ты все толково объясняешь. Теперь понятно, почему они не превратились в песок. Поле не только связывало их, но и защищало от воздействия ветра, правильно?

— Да. Но после удара электромагнитного импульса оно больше не работает.

— Логично. Гранаты у нас замечательные. Пробивают самую мощную экранировку. Уверен, часть стержней оплавлена.

— Да… — взглянув на датчики, согласился Джон. — Но не в этом суть проблемы. Мы не можем входить внутрь.

— Это почему? — раздался в коммуникаторе вопрос лейтенанта Никольсона, внимательно следившего за разговором.

— Если прилетят эти… «лепестки»… здание рухнет при первом же гравитационном ударе. Нас просто раздавит.

— Хреновая перспектива, — высказал свое мнение Хоук.

— Запустим туда сервомеханизмы. А сами останемся снаружи, — спокойно отреагировал галактлейтенант. — Каждый боевой скафандр способен поддерживать по три канала телеметрии данных. Вполне достаточно.

У Джона немного отлегло от сердца. Все-таки военные технологии, как ни крути, на поверку оказывались ровно на шаг впереди любых «гражданских» разработок. Взять те же самые бронескафандры. Какой еще из известных индивидуальных защитных комплексов способен выдержать сначала гравитационный удар, а потом реактивироваться на третичных резервных цепях после спалившего всю активную электронику электромагнитного импульса?

— Сервомеханизмы, надеюсь, так же хороши, как и скафандры? — все же осведомился он по связи.

— Не волнуйся, не чета вашим исследовательским ботам. — В голосе Хоука прозвучала ирония. — Разведает все, что нужно, а при случае и по зубам врежет…

— Кому? — не понял Пекмен.

— Ну, мало ли… Может, там какой вражина внутри. Кто знает?

Джона передернуло. Нервы и так напряжены до предела, а тут еще не поймешь, говорит Хоук серьезно или демонстрирует армейский юмор?

Через полтора часа насосы «БМК» наконец справились с поставленной задачей, расчистив основание постройки.

Сервомеханизмы, которыми стандартно комплектовалась каждая

боевая машина космодесанта, установили эмиттеры суспензорного поля.

— Включаю защиту, — скупо сообщил Никольсон.

Зримое нежно-зеленое мерцание окружило кратер, накрыв его подобием купола.

Бесноватые порывы ветра тут же перестали ощущаться, внешние микрофоны больше не передавали монотонный шелест секущего по броне песка.

— Хоук, наблюдаешь за окрестностями. Мы с Джоном будем следить за разведчиками.

Всего механизмов было пять, но Никольсон решил, что для исследования зданий хватит и четырех, зарезервировав одного робота и два канала телеметрии данных на случай возникновения нештатной ситуации.

— Без нужды не вмешивайся, — предупредил он Пек-мена, объяснив, как дистанционно управлять сервомеханизмами. — Они хорошо запрограммированы, вмешательство потребуется лишь в крайнем случае. Наша задача — прием данных. Обрабатывать информацию будем по возвращении на корабль, сейчас только записываем.

— Понял, — не по-военному ответил Джон, переключая экраны на вывод данных, поступающих от механизмов. — Я готов.

Первый из сервомеханизмов уже спустился к основанию шпилевидной постройки, когда на канале связи внезапно прозвучал позывной боевого модуля «Аргона», вслед за которым раздался голос капитана Латышева:

— Исследовательская группа, немедленно возвращаться!

— Командир, мы только расчистили вход… — попытался протестовать Пекмен, но его тут же осадил повторный приказ, на этот раз дополненный скупым пояснением:

— Я сказал — немедленно отступать под защиту периметра! На нас, по данным сенсоров дальнего обнаружения, движется около сотни «лепестков»!

Глава 11

Десятый энергоуровень гиперсферы. Система Ожерелья…

— Стосекундный отсчет.

— Готовы. — Горкалов машинальным жестом поправил коммуникатор. Мелочь, инстинктивное движение, совершенно ненужное фантому, но лучше других свидетельствующее — ощущение жизни вернулось в рассудок.

— Связь держим, как было условлено. Мнемонический отдел контролирует вертикаль. Крейсера флота начнут гиперпространственный переход только после получения условного сигнала.

— Принято. — Илья Матвеевич чувствовал, как нарастает внутреннее напряжение, но желания сбросить его не возникало, наоборот, хотелось ощутить, что у тебя есть чему трепетать, сжиматься в предчувствии *события*.

— Поле низкой частоты включено. Пятьдесят секунд.

Тридцать кристаллов, соединившись гранями, образовывали плотный колючий комок.

Трудно было представить, что объект размером не больше футбольного мяча содержит в себе не только личности десяти индивидуумов, но и аппаратные средства, сравнимые по своим совокупным возможностям с небольшим космическим флотом.

Наступала новая эра в освоении космического пространства.

— Десять секунд…

Горкалов *физически* ощутил, как заныла спина в ожидании стартовой перегрузки… которой не будет.

Бледная вспышка гиперпространственного перехода, несколько мгновений стремительного восхождения в потоке вертикали — и логры начали материализовываться в трехмерном космосе.

Илья Матвеевич увидел тусклый красноватый свет, источаемый диском агонизирующей звезды, шарик планеты на его фоне, и тут же разом включились привычные для его сознания датчики штурмовика, связанные виртуальными каналами со сканирующими компонентами логра.

Идея о том, что каждый из участников операции должен работать в привычном для себя техногенном окружении, полностью оправдывала возложенные на нее надежды: обстановка рубки невольно заставляла сконцентрироваться, мысль работала четко, ясно…

— Расстыковка!

Едва приметные сполохи статики змейками скользнули по сопряженным граням, и логры начали удалятся друг от друга.

Горкалов развернул свой носитель в сторону шарика планеты.

— Максимальное ускорение. Сенсорные системы на полную мощность. Голосовое оповещение об изменениях обстановки.

— Принято, пилот, — ответил ему мягкий голос аудиосистемы. — Перегрузки отсутствуют. Дистанция до границы электромагнитной аномалии — триста тысяч километров.

Горкалов бросил взгляд на оперативную панель.

Сорок логров образовали десять групп, по четыре кристалла в каждой.

Отдавать приказы не было необходимости — сближение с планетой и маневрирование на границе защитной вуали магнитных полей просчитано заранее. Каждый знал, что и как должен делать.

После первых секунд напряжения наступили минуты томительного ожидания.

Ощущения острой новизны не приходило — за время подготовки в логры, по приказу адмирала Сокуры, закачали всю информацию о данной системе, поэтому, глядя на растущий шар планеты, багряный диск звезды и постепенно проявляющиеся контуры орбитальной инфраструктуры, Горкалов чувствовал нечто, похожее на приступ «дежа вю».

— Эльза. Секунда тишины.

— Да, Илья Матвеевич? — раздался голос Эльзы Раули. Горкалов воспринимал его мнемонически.

— Почему ты пошла на такой шаг?

— Я обязана отвечать?

— Нет.

— Думаете, я испытываю комплекс вины, командир? — В нотках ее голоса проскользнуло сожаление. — Меня использовали. Но я не чувствую себя виноватой перед вами и не держу зла на командующего флотом.

Опять секундная пауза.

— Посмотрите вокруг, Илья Матвеевич. Мы за вертикалью. Вокруг чужие звезды, я уже не говорю о тех сооружениях, которым миллиард лет. Это… другое измерение. Все позади: Конфедерация, Обитаемая Галактика. Здесь — свобода. Возможность выбирать свой путь. Ради этого стоило рискнуть, уйти в Логрис, если хотите, умереть, чтобы обрести свободу, не чувствовать себя одной из миллиардов, а стать личностью, которая сама выбирает будущее. Другого мотива у меня нет. Я всю жизнь мечтала

оказаться тут, по другую сторону Бездны.

— А как же семья, Эльза?

— У нас разные пути, Илья Матвеевич. Мне никогда не нравился Логрис. Я не стала его Хранителем, потому что видела, как застывают души людей в вечном, мучительном стасисе. Не появись этой возможности, я бы, наверное, стала кибрайкером, чтобы помочь людям вырваться оттуда. Это мой путь, мой выбор… Вы понимаете, о чем я?

— Да, Эльза. Теперь я понимаю тебя…

— До условной границы магнитных полей полторы тысячи километров.

— Останавливаемся! — Илья Матвеевич опять поймал себя на том, что инстинктивно ждет перегрузки. — Резервные логры, вперед! Ведомым приготовиться.

Десять кристаллов отделились от построения и неспешно поплыли в сторону орбитальных конструкций.

Тактический ход, призванный проверить реакцию защитных систем на приближение объектов определенной величины и структуры.

Ведомые, как назвал Горкалов мнемоников, осуществляли пассивный контроль, принимая и анализируя все возмущения пространственной метрики.

— РЛ[13] пересекли условную границу защитных полей, — раздался первый мысленный доклад. Горкалов сразу узнал голос Эллен. Она возглавляла группу мнемоников, чем до последней минуты вызывала яростное сопротивление со стороны Кригана. Впрочем, сейчас кибрайкер спрятал свои эмоции подальше — дело не терпело глупого в данной ситуации соперничества.

Пары были распределены следующим образом: Эллен — Горкалов, Лайт — Криган, Сэм — Лиза, Эльза — Лерватов и, наконец, Лора — Амрак.

— Логры вошли в пространство между орбитальными конструкциями. Напряженность и фокусировка магнитных полей не нарушена. Зафиксирована слабая гравитационная аномалия. Данные на контрольных мониторах.

Илья Матвеевич, не отрываясь, следил за показаниями приборов, и в этот момент крайнего напряжения ему внезапно стало смешно… и немного жутко одновременно.

Зачем? К чему иллюзии, если ты понимаешь суть происходящего?

Он резко встал.

Очертания рубки штурмовика задрожали и исчезли, Горкалов стоял в напряженной позе, а вокруг него, один за другим, в течение секунд возникали новые виртуальные формы — пространство логра теперь отображало сферическую панораму реального космоса, будто Илья Матвеевич находился в центре прозрачного пузыря, на тончайшие стенки которого проецировались актуальные данные.

Мысль.

Фрагмент пространства стремительно рванулся навстречу, взгляд Горкалова следовал за லограми, боковым зрением он видел структуру обшивки древних комплексов, зияющие в ней дыры, затем его внутреннее восприятие визуальных образов внезапно изменилось, и он впервые смог соприкоснуться с ощущениями, присущими мнемоникам.

Энергии.

Они имели разные цвета, оттенки, прозрачность — ассоциативные образы, порожденные сознанием, но отражающие реальные характеристики физических величин.

— Я вижу… — Губы Горкалова едва шевельнулись.

В следующий миг потоки цифровых данных затрепетали в узлах координатной сетки, которой подернулась панорама окружающего пространства.

Бледно-фиолетовые волны исходили из пострадавшего в былом катаклизме, изъязвленного безобразными пробоинами фрагмента орбитальных руин.

Искусственное гравитационное поле… вернее, не поле — конус, сотканный из линий напряженности, похожий на медленно перемещающийся, ищущий луч фонаря с подсевшими элементами питания… Вот он коснулся крайнего логра и потянул кристалл, увлекая его внутрь призрачного свечения, а затем, по предопределенной траектории, — к воронкообразному отверстию в обшивке чуждой конструкции.

«Ловушка. Они берут образец для исследования».

— Сохранять спокойствие.

Горкалов знал, что говорил. Десять логров, выпущенных в сторону орбитальных руин, являлись нефункциональными муляжами — их захват и детальное сканирование убедят чуждые системы в том, что объект исследования имеет метеоритную природу и не представляет реальной угрозы, учитывая небольшую скорость его движения.

Однако исследование еще не было проведено, и среди обломков, которые, как отчетливо видел Горкалов, окутывало бледно-желтое свечение, сейчас активно проявляли себя иные источники энергетической

активности. Он был абсолютно уверен, что наблюдает полную активацию всех остаточных боевых систем, переживших миллиард лет забвения.

— Двадцать пять орбитальных целей. — В звенящей тишине голос Лоры Врониной прозвучал особенно отчетливо. — Расположение ассиметричное, природа излучения имеет электромагнитную и гравитационную основу. Если мы уничтожим либо дезактивируем их, образуется «мертвое пространство», достаточное для безопасного прохода эвакуационных модулей.

— Сохранять спокойствие! — повторил Горкалов. — Ждем.

— Чего ждем? — раздраженно осведомился Криган.

— Пусть они отсканируют пустышки. Тебе не терпится в бой? Успеешь.

В этот момент захваченный кристалл исчез внутри воронкообразного входа, ведущего в недра орбитальной конструкции.

Опять потянулись томительные минуты ожидания.

— Внизу наблюдается активность. — Ровный голос Лоры казался неестественно спокойным. — Работают установки короткоживущей плазмы. Там идет бой.

— Откуда ты знаешь? — усомнился Лерватов.

— Я мнемоник, — бесстрастно ответила Лора. — Подобное распределение энергетических аномалий характерно для интенсивного огня из плазмоизлучателей.

— Проходила на практике? — поддел ее Криган.

— Да. — В ответе проскользнули нотки напряжения. — Наблюдаю старт ракетной установки. Более мелкие сигналы стушевываются.

— Ты знакома со стандартными картами сигнатур?.[14]

— Да. Анализирую.

— Периметр. Защитный периметр. Сигнатура похожа… — произнесла Эльза, которая также наблюдала за планетой.

— Лазерная связь! — вмешался в их диалог доклад Эллен. — Источник расположен в том фрагменте орбитальной конструкции, который поглотил муляж логра!..

Перед Горкаловым мгновенно возникла контрастная картинка: от обломка древнего сооружения в сторону всех без исключения близлежащих узлов планетарной обороны излучался световой сигнал. Маломощные лазеры передавали повторяющийся набор импульсов, что означало — они передают одинаковую информацию.

«Это отчет о результатах сканирования неопознанного объекта».

Время ожидания окончилось. Сомнений не оставалось — их уловка удалась, — иначе системы уже отреагировали бы на полученную информацию, атаковав остальные логры.

Но этого не происходило. Двигаясь по инерции, один из муляжей ударился о древнюю обшивку и изменил траекторию, заплутав между обломками в затянувшемся рикошете.

— Начинаем движение. Атакующее звено — я, Криган и Лиза. Остальные в прикрытии. Лора, сориентируй нас на наиболее активные источники гравитационных возмущений.

— Есть. Данные переданы.

— Вперед. — Горкалов выдохнул это слово, понимая, что начинается неведомое…

Три звена логров без помех вошли в пространство между обломками и тут же разделились, направляясь к целям.

Илья Матвеевич видел, как разрастается вокруг бледно-сиреневое сияние. Источник искусственного тяготения — потенциальная угроза любому космическому кораблю — приближался, но управляющая им автоматика не реагировала на появление небольших кристаллов, которые были идентифицированы как не несущие потенциальной опасности метеоритные частицы.

— Илья… Пора. — Голос Эллен впервые дрогнул, все же выдав волнение.

— Я готов.

Он уже знал, как это должно происходить. Однажды он решился на подобный поступок, не имея поддержки мнемоника. Нырнуть в радужные воды информационной реки Интерстар было, наверное, во сто крат опаснее, чем… отделиться от логра, превратившись в матрицу импульсов, шифрующую его личность.

Энергетическая нейросеть.

Прозрачный пузырь остался позади, панорама космоса померкла, и в этот момент, оказавшись в абсолютном мраке, он внезапно ощутил приступ неконтролируемого страха перед Бездной, остро почувствовал, как необходима сейчас та самая иллюзия техногенной оболочки, которая при жизни вселяла в рассудок уверенность в своих силах…

Воображение.

Фантазия. Нечеткая логика.

Опасные и одновременно — спасительные игры рассудка.

Он ощутил покалывание в запястьях, затем в области затылка…

Свет.

Глянцевитая змея оптического кабеля притаилась на плече.

Не может быть…

«Может…» — шепот системы был голосом Эллен, и Горкалов с облегчением ощутил, как вокруг его сознания смыкаются привычные оболочки из керамлита, сервоприводов, кибернетических систем.

Он был в рубке «Фалангера».

Мощь.

Титаническая мощь. Привычные ощущения полного слияния с сервомеханизмом, сотни датчиков, передающие разуму информацию об окружающем, керамлитовая броня, как вторая кожа, жаркое ровное дыхание реактора, отраженное в рециркуляции охлаждающих систем.

Шаг.

Шаг в неведомое, ибо он уже находился внутри чуждой системы.

— Ты движешься по оптическому кабелю, — пришел голос Эллен. — По крайней мере, это его аналог.

— Сенсоры не передают никакой информации. Тьма.

— Кабель не несет посторонних сигналов. В нем только ты. Осторожно, он не бесконечен.

Снаружи царила лишь вязкая тьма, в которой бледными, едва ощущаемыми контурами просвечивали непонятные рассудку оттенки серого, очевидно, обозначавшие распределение очень слабых энергетических потоков.

— Илья, ты внутри. Осмотрись. Я подключаю резервный логр-компонент. Теперь ты — наша точка входа.

Илья Матвеевич понимал, о чем идет речь. И ему было страшно. Не потому, что последствия вторжения в чуждую систему могли оказаться фатальными, — все они добровольно пошли на осознанный риск. Страх имел иную природу. Его корни уходили далеко в глубь сознания, где жила память полковника Горкалова — боевого офицера, прагматика, логика, не умевшего мечтать, не находившего подобное занятие целесообразным…

Что сделал Илья, когда попал в логр?

Создал пески пустыни, возвел барьер отрицания вокруг крошечного оазиса своей души?

«Ты боялся дать волю своим порывам, потому что обуздывал их ВСЕГДА».

На фоне мыслей промелькнул образ: усмешка Кригана в обрамлении черноты.

Вот кто не переставал жить.

«Эллен, включайся… Мало быть смелым и логичным».

«Я здесь, Илья».

Вспоминай. Все, что ты знаешь о кибернетических системах, принципах передачи данных, вспоминай энергии, которые ощущала, когда была *мнемоником*.

«Вернись в логр, Илья», — внезапно потребовала Эллен. — «Ты не готов к такому испытанию. Ты ничего не видишь. Даже я не различаю связей в этом наслоении сумрака».

«Нет. Вспоминай». — Илья не упрямился, он не мог поверить, что выхода нет и в их план закралась фатальная ошибка.

«Пусти меня вперед. Я справлюсь».

«НЕТ. Кто будет поддерживать твою матрицу, Эллен? Я не мнемоник. Давай же… Мы не можем медлить».

* * *

Лиза не испытывала затруднений, с которыми столкнулся Горкалов.

Она первой поняла, что необходимо делать, — помог недавний стресс, испытанный при первом знакомстве с адаптивным пространством логра.

Ее тоже встретила чернота, такая же непроницаемая, чуждая, непонятная, как некоторое время назад, когда сгусток ее сознания парил среди пустоты и рассудок не находил точки опоры ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

Логр изначально был так же чужд сознанию Лизы, как это устройство неведомой расы, куда она попала сейчас.

«Лиза, ты вошла. Подключаю резервный логр-компонент», — услышала она мнемонический голос Сэма.

Она вновь ощущала себя духом, ее сознание опять требовало *определенности*, и возникшее стремление внезапно, критически повлияло на намеченный заранее план действий.

Илья Матвеевич ошибался. Они все ошибались. Ни подготовленный ко всякого рода неожиданностям боевой офицер, ни хладнокровный мнемоник, ни кибрайкер в лице Кригана… никто из них не мог постичь этого мрака, суть которого — полное непонимание чуждой структуры, отсутствие аналогий…

Она испугалась… Чувство граничило с шоком; вязкая тьма, в которой серыми змейками проскальзывали непонятные тени, тянула ее *в себя*…

Лиза инстинктивно отшатнулась, но чернота уже объяла ее… грозя поглотить разум.

— Беги! — отчаянный крик Сэма пробивался издалека, словно шел через слой ваты.

Резервный логр. Он предназначался для бегства, был задействован на тот случай, если матрице личности будет грозить разрушение, а собственный носитель окажется недосягаем.

Лиза не могла отступить. Это было бы поражением, крушением всех надежд, обернулось бы гибелью людей. Она уже однажды теряла надежду, и для нее поддаться чувству собственной беспомощности было бы во сто крат хуже мгновенной, безболезненной смерти.

Чернота окончательно объяла ее, окружила со всех сторон, закручиваясь вокруг серыми змейками безликих энергий.

Лишь сзади сияла точка входа в резервный логр.

Лиза не побежала. Она инстинктивно поступила иначе, вспомнив, как структура созданной логрианами виртуальной оболочки легко и непринужденно адаптировалась под ее мысли.

В данный момент она не размышляла, а *чувствовала*. Жуткий, пугающий мрак и абсолютная тишина, неспособность видеть, осязать толкнули ее на неожиданный шаг.

— Сэм, соедини меня с резервом! Нужен устойчивый канал передачи данных!

— Лиза, ты должна отступить. Все будет хорошо… Мы попытаемся снова…

— Все отвратительно, милый. Обеспечь мне канал телеметрии в резервный логр!

— Ты не уходишь оттуда?!

— НЕТ!

— Хорошо, я включаю его.

Лиза все же сделала шаг назад: она потянула за собой пугающую глухую тьму, в которой слабо просматривались едва уловимые тени энергий.

Резко оглянувшись через плечо, она увидела короткий тоннель, а за ним знакомое серое пространство, ждущее, когда ему придадут форму и смысл.

Лиза попросту выплеснула в него свое непонимание, черноту, тишину вместе с робкими эманациями непонятных сил, вкупе с гложущим страхом и разросшимся до непомерных величин внутренним вопросом: ЧТО ЭТО?!

Пространство логра утратило серый нейтральный тон.

Лиза, не отрываясь, смотрела в черноту чуждого киберпространства, *словно пила ее взглядом*, а за ее спиной в резервном логре росли непонятные фигуры и формы: адаптивность логрианского устройства оказалась поистине потрясающей — он интерпретировал ее ощущения,

выстраивая модель чуждого киберпространства!..

— Верни Кригана, Сэм. И задержи остальных.

— Я понял тебя! Ты умница!..

* * *

Анри Криган был вне себя.

Давно он не сталкивался с головоломкой, которую не смог бы разгадать разум кибрайкера.

Здесь просто не за что было зацепиться, любая попытка истинного толкования невнятных образов встречала на своем пути неодолимое препятствие: он видел энергии, потребляемые устройствами, но не мог отличить, где проходят потоки данных, он не понимал основы, принципа, на котором функционировала чуждая структура, и потому мог совершить лишь одно действие — сломать ее.

К чему это приведет, не знал никто, однако Криган лучше других осознавал вероятные последствия: искажение произвольно взятого энергетического потока вряд ли приведет к отказу устройства, пережившего миллиард лет автономного существования, а вот противодействие защитных программ может попросту уничтожить матрицы их личностей…

«Но надо ведь что-то делать! Иначе», — Анри теперь апеллировал к своему эгоизму — «иначе мыкаться тебе по фантомным мирам, пока не сойдешь с ума от однообразия и скуки…»

— Криган, отходи, — раздался мнемонический голос Лайта.

— В чем дело? Думаешь, я не справлюсь?! Погоди, малыш, я еще не начинал…

— Анри, возвращайся. Это приказ.

— Чей?

— Горкалова.

— У полковника сдали нервы? Или кишка тонка?

— Не юродствуй. Общий приказ к отходу. Ты выполнишь его сам или…

— Или ты попробуешь вернуть меня силой?

— Я прошу — вернись. Добровольно.

— Да с какого фрайга?!

— Есть новая информация. Ты должен это увидеть, прежде чем ринешься в пекло.

— Ну… хорошо. Я иду.

Первая атака захлебнулась, едва начавшись.

Странное образование пульсировало в виртуальном пространстве резервного логра.

Если следовать привычным ассоциациям, оно напоминало очень высокое дерево с частично омертвевшими, а частью — живыми, постоянно меняющими свою длину, причудливо переплетающимися ветвями, похожими на гибкие лианы… или на змей.

— Смахивает на гидру с Прокуса… — произнесла Эллен.

— Твое мнение, Криган?

— Это не животное. Оно искусственное. Образ системы, воссозданный логром.

— Странно — в нем нет симметрии. — Лора внимательно следила за прихотливыми извивами. — Если предположить, что каждая ветвь — поток данных, то непонятно, почему они не замкнуты на определенные устройства? Действительно — извиваются, как змеи, обрываются без смысла…

— Может быть, логр попался дефектный? Идея здравая, а исполнение кривое? Как ты думаешь, Амрак? — обратился Анри к логрианину.

Тот даже не повернул в его сторону головы. Обе смотрели на змеящееся образование.

— Оно было, — спустя некоторое время изрек логрианин.

— Что «оно»?

— Соединение. Логр исправен. Лиза, — обратился он к галактлейтенанту Стриммер, — как сказал бы человек, я мысленно аплодирую тебе.

— Хватит раскланиваться, — пробурчал Криган. — Ближе к делу.

— Логр не просто интерпретировал ощущения Лизы. Помимо восприятия энергий, он *интерполировал* структуру связей. Смотрите внимательно — ствол «дерева» прочно соединен с основой, в данном случае мы видим почву, как образ. Думайте, люди — это *ваше* воображение отражено в структуре соединения.

— Питание. Любое дерево питается через корневую систему.

— Верно. Теперь смотрим на ствол.

— И ни… фрайга не видим, — завершил его фразу Анри.

— Действительно, он не имеет никакой четко выраженной структуры, — поддержала Кригана Лора.

— Лиза, ты должна попробовать. Это пространство уже адаптировано под тебя. Ты можешь манипулировать с ним, как хочешь. Сними верхний слой. Представь, что сдираешь кору с дерева.

— Сейчас. Попробую.

Она зачем-то прикрыла глаза. Наверное, так было легче сосредоточиться, вызвать необходимый образ.

Внешняя оболочка «ствола» вдруг начала расползаться, будто по ней разом полоснуло с десяток остро отточенных лезвий.

Когда лоскутья «кожи» опали вниз, взглядам открылось двойственное образование: пульсирующие нити туго оплетали сердцевину ствола, сияющую ровным светом.

— Вот это уже похоже на дело. — Сэм стоял, полуобняв Лизу за плечи. — В центре энерговод, а нити, оплетающие его, — каналы передачи данных.

— Верно, — согласился с ним Лайт.

Эльза подошла к обнажившейся структуре и долго, внимательно смотрела на одно из мест соединения извивающейся ветви со стволом.

— Здесь нет отвода энергии, — наконец произнесла она. — Только данные.

Горкалов и Лерватов молчали, наблюдая за исследованием.

— Перед нами образ машины. — Криган обошел «дерево», задрал голову и некоторое время смотрел на змеящийся танец ветвей, одна из которых, ровная, как натянутая струна, уходила в бесконечность серого «неба». — Внешняя оболочка — понятно. Это экранировка от внешних помех, взаимных «наводок» и так далее. Но почему большинство «ветвей» ни с чем не связаны? Куда идут эти данные?.. — Он вдруг осекся, а затем, неожиданно подпрыгнув, пригнул нижнюю ветвь.

Взглянув на торец пытавшегося вырваться из его рук, извивающегося образования, он вдруг расхохотался.

— Лиза, ты гений. Прости меня, двухголовый друг, — логр исправен. Смотрите, — он указал на пульсирующую точку. Оно оборвано. Того устройства, куда передавались данные, больше нет. Вернее, оно есть, но *не работает*, остается энергетически статичным, и потому Лиза не восприняла его!

— Выходит, перед нами фрагмент сети?

— Безусловно. Узел сети с омертвевшей нефункционирующей периферией!

— Остается узнать схему подачи питания, и мы сможем его выключить, не причиняя вреда системе!

— Будем копать? — усмехнулся Лайт, выразительно посмотрев на основание ствола.

— Нет, поступим проще. — Амрак сплел свои шеи в тугой канат, закрыв кожистые веки, на мгновенье застыл, поражая взгляды людей своим

необычным видом, и… внезапно почва у основания ствола начала растворяться, таять, будто ноздреватый снег под лучами весеннего солнца.

Все без исключения подошли ближе.

В образовавшемся углублении было отчетливо видно, что основанием ствола служит… воронка!

— Энегозаборцик, — уверенно произнесла Лора. — Он наверняка сориентирован в сторону звезды.

— А это что такое? — Горкалов указал на десятки вздутий, просвечивающих всеми цветами радуги. В отличие от ветвей, они не пульсировали, а источали ровное сияние.

— Исходные данные. Базовые программы, — не колеблясь, пояснил Криган. — Смотрите, пульсации начинаются вот тут, — он указал на нижний сегмент ствола. — Наконец-то я вижу логичную схему. Это устройство обработки информации. Оно получает энергию, связано с ПЗУ и передает инструкции на периферию. Вот оно — тонкое, уязвимое место системы, — он сделал жест, как будто полоснул ножом по соединениям между процессором и постоянным запоминающим устройством.

— Их опасно разрушать, — высказал свое мнение Лерватов. — Может быть, мы сумеем внести помехи?

— Ага, и получим непредсказуемый результат. Забыл о канале данных, который уходит «в небо»? Информация в нем исказится, и неизвестно, как отреагирует уцелевшее устройство периферии. Нет, отсекаем базовые программы, и дело с концом. При этом у нас сохранятся блоки долгосрочной памяти для дальнейших исследований плюс нетронутый процессор, и главное — конечный результат: обезвреженное устройство.

— Остается решить, как будем резать?

— А вот над этим придется подумать. Нужна дополнительная разведка.

— В смысле?

— Все ли базовые устройства одинаковы? Принципиальная схема повторяется или нет?

— Значит, еще раз идти туда?

— Зачем? Мы там уже были. Как минимум в трех пространствах. Забыл, что память личности, помещенной в логр, абсолютна? — усмехнувшись, напомнил Криган. — Давайте, Илья Матвеевич, выплескивайте свою «черноту», как это сделала Лиза. Посмотрим, что из этого «вырастет».

Весь эксперимент занял не более минуты, если исчислять время логра

мерками реального пространства.

«Дерево», выращенное Криганом, было похоже на первое, а вот образ, выпущенный Горкаловым, резко отличался от остальных.

— Смотри-ка, дерево без веток… Один ствол, да какой мощный…

— Амрак, раскопай.

Логрианин не стал спорить. Он управился с системой логра в считаные мгновения.

— Повезло тебе, Илья Матвеевич. — Лерватов склонился над образовавшимся углублением, — схема та же самая, но переход от источника энергии к основной структуре разрушен.

— Странно, что нет ветвления каналов данных, — заметила Лиза.

— Зато внутри «ствола» их несколько, — произнес Криган, ловко сняв внешнюю оболочку. — Похоже на магистраль. Вероятно, перед нами соединение с управляющим центром. Одним из множества, конечно, — тут же добавил он.

— Если я правильно понимаю, то из данного примера следует вывод: не все источники энергии определяют *работающие устройства*, верно?

— Да, скорее всего, сканеры фиксируют большое количество накопителей, уже не связанных с функциональными агрегатами.

— Нельзя полагаться на удачу. Каждое устройство придется проверить. По крайней мере, в нашей зоне ответственности.

— Ясно дело, — ухмыльнулся Анри. — Иначе не видать нам обещанной свободы, как своих ушей… — он покосился на Амрака, пытаясь понять, есть ли у того уши.

— Тебя что, заботит только…

— Ну перестань, майор. — Анри примирительно поднял руки, покосившись на Лерватова. — Я очень беспокоюсь за тех парней, что внизу, поверь.

— Ладно, хватит паясничать. Нужно думать, как обесточить устройства.

— У меня есть идея, — произнесла Эльза.

— Ну, говори.

— Энерговод экранирован, но это не значит, что защита стопроцентная. Вспомните десятый энергоуровень. Под воздействием магнитного поля там в любом проводнике возникают вихревые токи, которые мгновенно разогревают его до температур плавления. Мы знаем значение напряженности поля аномалии и можем генерировать его, применив фокусировку. Ничего нового, но должно сработать.

— Амрак, устройства логра смогут дать нужный импульс и

сфокусировать его?

— У логра нет таких устройств. — Ответ неприятно поразил всех. — Но у системы наличествует другое свойство: она может смоделировать любое физическое явление, природу которого отчетливо представляет себе размещенный в логре рассудок.

— То есть мы можем создавать тут энергетические матрицы *действующих устройств?* — Лерватов даже не пытался скрыть свое замешательство.

Амрак вытянул шеи, с двух сторон взглянув на Горкалова.

— А разве ты не занимался моделированием все время, проведенное в логрисе? — резонно спросил он. — Ты не выстроил себе никакого дома, не вырастил дерева?

— Да, но речь идет о действии вне логра! — вступил в разговор Илья Матвеевич.

— Какая разница? — Логрианин вновь сплел свои шеи в тугой канат. — Главное, чтобы была энергия на поддержание структуры, а будет ли устройство действовать адекватно физическому аналогу, зависит от глубины знаний и воображения человека.

— Хорошо. Попробуем, — подытожил Горкалов, уловив суть предложения. — Лично я предпочту создание теплового лазера.

Время в логре измеряется тактовой частотой миллисекунд, мысль и порождаемое ею действие равны по скорости, и потому вынужденное отступление вкупе с процессом исследования чужой системы заняли не более двух минут по меркам обычного пространства.

…Когда Горкалов завершил мысленную работу, все с интересом и некоторым недоумением увидели, как в пространстве логра возник странный механизм: спаренный лазерный излучатель с шагающим приводом.

Эллен и Лора, не сговариваясь, прыснули со смеху.

— Это что еще за уродец? — хмуро осведомился Криган.

— Реликт. Отголосок галактических войн. Шагающий излучатель, модель «LDL-55», состоял на вооружении Флота Колоний, предназначался для борьбы с бронепехотой и серв-машинами Альянса, — авторитетно пояснил Лерватов. — Многие недооценивали данные механизмы, за что и поплатились, — добавил он.

— Кто будет управлять ими? — спросила Лиза, когда рядом с образцом возникла воспроизведенная логром копия.

— Попросим Кригана. — Илья Матвеевич хитро прищурился. — Анри, тут работа по твоему профилю. Я досконально изучал подобные

сервомеханизмы в академии, но, как ты понимаешь, нам преподавали кинематику, компоновку, устройство и принцип действия лазеров. Кибернетика не по моей части. Ты сможешь запрограммировать его?

— Коллективное творчество? — усмехнулся Криган. — Сейчас попробую. — Он сосредоточенно умолк, погружаясь в мнемоническое восприятие.

— Блин, зачем ему ноги… — едва слышно пробурчал он.

Прошло немного времени, и «LDL-55» шевельнулся, поведя торсом.

— Готово. Я не стал ничего усложнять. Только как он будет действовать ВНЕ логра?

— Принцип таков, — вступил в обсуждение Амрак. — Созданный механизм представляет собой матрицу, заключенную в структуре энергетического поля. Его задача — отделиться от логра, затем переместиться в нужную нам точку реального пространства, где вся его энергия будет преобразована в лазерный разряд. Мы можем оттиражировать в логре любое количество энергетических матриц.

— Значит, все просто?

— В теории. Практическое воплощение — непредсказуемый этап любого плана.

— А сенсорные системы не отреагируют на появление энергетических механизмов? — выразил свое сомнение Лерватов.

— Не думаю, — ответила ему Эллен, внимательно следившая за диалогом. — Нам не нужен большой энергомеханизм. Его размер, а следовательно, и напряженность энергетической аномалии определяются необходимой мощностью лазерного разряда.

— Логично. Но я бы внес конструктивные изменения, — вступил в обсуждение Сэм. — Шагающий привод не так уж необходим. Снять с него корпус лазера, по бокам пару двигателей, захватывающих молекулы космической пыли — ее тут достаточно — и разгоняющих их в магнитном поле.

— Идея здравая. Сейчас переделаем. — Обе головы Амрака сосредоточенно уставились в одну точку.

Пока он создавал модель модифицированного механизма, общее внимание привлекла Лора.

— В близлежащем космосе все спокойно, а вот на поверхности планеты идет серьезный бой. В реальном времени с начала нашей операции прошло пять минут. Сколько мы еще провозимся?

— Осталось немного, — ответил Горкалов, но на душе Ильи Матвеевича было неспокойно, слова Лоры содержали для него особый

смысл: переглянувшись с Лизой и Лерватовым, он увидел в их взглядах такое же понимание и беспокойство, — пять минут техногенного боя — это очень много…

— Думаю, нам не следует отказываться от исходной концепции энергетической копии «LDL-55», — произнес он. — Как только будет открыт проход, используем все энергетические резервы для создания максимально возможного количества матриц и отправим их вниз, на поверхность планеты.

— Дело, — кивнул Лерватов.

— Мы ведь можем подключить логры к накопителям обезвреженных узлов орбитальной обороны? — высказала идею Лиза.

— Вполне, — согласился с ней Сэм. — Ребятам внизу явно нужна помощь. Энергомеханизмы смогут вступить в бой сразу, а до подлета модулей из точки всплытия ждать минуть десять, не меньше…

Пока они говорили, Амрак закончил моделирование матриц. Теперь в полуметре над землей парило сорок «вариаций» на тему «LDL-55». Механизмы без ступоходов обрели вид небольших устройств с длинным вытянутым «носом» и разнесенными далеко в стороны сегментами охлаждающей системы.

— Не шедевр, но главное, чтобы они функционировали.

— Делаем пробный запуск. Криган, программируй.

Крайний из шеренги механизмов после недолгого мнемонического общения с Анри вдруг без предупреждения сорвался с места, стремительно спикировав к углублению, расчищенному в основании модели чужеродной системы. Еще мгновение, и вся энергия, составлявшая структуру «LDL-55», была преобразована в разряд когерентного излучения.

— Точно в цель, — удовлетворенно прокомментировал Криган, рассматривая перерубленные перемычки.

— Тогда за дело. Программируй остальных, Эллен, Лора, связь с Ожерельем, Дима, Сэм, Лиза, возвращайтесь в свои логры, будете сопровождать десант энергомеханизмов на планету.

— А я? — спросила Эльза.

— Ты контролируешь коридор сближения модулей с планетой. Теперь мы знаем, как бороться с узлами орбитальной обороны, если вдруг при подходе модулей произойдет реактивация резервных устройств. Справишься?

Эльза кивнула.

— Энергомеханизмы готовы. — Криган обернулся и посмотрел на Горкалова. — Но наш ресурс практически исчерпан, — предупредил он.

— Запускай их. Амрак, ты сможешь перестроить кристаллы? Нужно подключиться к ближайшему источнику питания.

— Сейчас сделаю. — Ксеноморф отошел в сторону, вырастив для себя небольшую возвышенность.

— Командир. Есть устойчивый канал связи через вертикаль.

Илья Матвеевич кивнул.

— Внимание, Араста, говорит Горкалов.

— Слышим вас.

— Докладываю обстановку. Вошли в контакт с системами планетарной обороны. Коридор будет открыт, мы нашли способ нейтрализации древних устройств. Готовьте десантно-штурмовые модули.

— Не понял тебя? По плану мы производим эвакуацию!

— Внизу идет бой. Сигнатура распределения энергий показывает, что защитный периметр временной базы подвергся массированной атаке. Мы высылаем в район боестолкновения часть логров, но нашей помощи будет недостаточно. Пять минут фиксированного техногенного боя, адмирал. Ребятам внизу приходится туго. Действуй решительно.

— Понял. Группы эвакуации будут доукомплектованы. Я поднимаю по вертикали три крейсера. Когда откроется коридор?

— Начинай процесс восхождения. Делай это сразу! Мы обеспечим коридор!

Сказать, что внизу было «жарко», значит, не сказать ничего.

Плотные облака пыли, вброшенные в атмосферу ураганным ветром, скрывали большинство сигналов, на самом деле пустыня вокруг периметра временной базы *кипела* от бушующих над ней энергий.

Воздух, напоенный дымом и пылью, вихрился тугими смерчами, в сотне метров от напряженного сияния суспензорной защиты полыхали два тяжелых транспортировщика, между которыми, вдавленный в песок, распластался изуродованный взрывами — сегмент гипердрайва фрегата «Аргон».

Адмирал Снегов выполнил данное Николаю Сокуре обещание — когда атака «лепестков» настигла транспортировщики, он отдал приказ на подрыв гипердвигателя.

Сейчас периметр защищала только надежда.

Неистовая надежда обреченных людей на помощь, которую ждали, не смея похоронить в душе последний стимул к сопротивлению.

Боевых сервомеханизмов, входящих в штатную комплектацию периметра, уже не осталось — они первыми приняли удар «лепестков», — в данный момент из автоматики работали лишь шесть стационарных

плазмогенераторов.

Поле суспензорной защиты на миг погасло, синхронизируясь с залпом.

В момент отключения энергетической защиты вниз обрушились тонны песка, успевшие абсорбироваться структурой силового барьера в промежутках между залпами.

«Лепестки» учились.

Теперь, после ощутимых потерь от массированного огня периметра, они атаковали разомкнутым строем, применяя комбинированные гравитационно-плазменные удары.

Песчаная равнина превратилась в ребристую, остекленевшую пустошь: удары ионизированного газа превращали песок в стекло, навек замуровывая в его толще остатки уничтоженных машин. Разрушенный взрывами модуль «Аргона» лежал среди остекленевших волн, будто обломок пирса, рядом с которым наполовину «затонули» два буксировщика.

Латышев понимал — готовящаяся атака, скорее всего, станет последней. Иссякала энергия в накопителях, генераторы силового модуля работали на пределе мощности, но ее не хватало для оперативного восполнения потерь. Суспензорное поле вскоре перестанет держать удары гравитационных волн, а количество вражеских объектов, наоборот, прирастало, — схватка на поверхности планеты пробудила от стасиса все механизмы, сохранившиеся среди орбитальных комплексов, — они появлялись у пыльного горизонта, снижаясь плотными группами, и тут же, не дожидаясь залпа периметра, меняли построение, расходясь длинной растянутой цепью.

Что оставалось делать?

Александр оглянулся.

Всех гражданских специалистов перевели под защиту боевого Модуля «Аргона», рядом с командиром оставались девять десантников и две боевые машины, еще не исчерпавшие собственный автономный энергоресурс.

— Будем атаковать… — хрипло произнес Латышев. — Нужно отвлечь их внимание.

— На что ты рассчитываешь, командир? — устало осведомился лейтенант Никольсон.

— Они не бесконечны, Ник. Здесь нет действующей фабрики по производству «лепестков». — Александр усмехнулся краешком губ, хотя поводов для оптимизма не было вообще, да и не мог никто из бойцов

увидеть его мимику за глухим забралом шлема тяжелого боевого скафандра. — План такой: теперь мы знаем, что для гравитационного удара нужно как минимум пять «лепестков». Вперед пойдут «БМК». На максимальной скорости в автоматическом режиме. Как только «лепестки» потянутся за ними, снимаем купол защиты и переводим плазмогенераторы в режим максимальной скорострельности.

— А мы? — раздался по связи вопрос сержанта Ортеги.

— Мы работаем из ракетных установок, цели разобрать заранее, о готовности доложить, — ответил Латышев, окончательно утверждаясь в принятом решении. — Если собьем хотя бы процентов тридцать «лепестков», у нас появится шанс. Идея в том, чтобы поразить максимальное количество их групп, понятно? Пока они будут образовывать новые построения для гравитационных ударов, «БМК» смогут израсходовать по ним свой боезапас и энергоресурс.

— Еще бы капельку везения и помощь с орбиты… — вставил замечание Готлауз.

— А нам до сих пор, по-твоему, не везло? — грубовато оборвал подчиненного Латышев. — Готовимся. Разобрать цели и доложить. Еще повоюем…

«Лепестки» готовились к атаке. Уцелевшие за периметром суспензорного поля сканеры фиксировали, что они собираются в группы по пять объектов. Чуть ниже длинной цепью растянулись аппараты, которые, как показал опыт предыдущих атак, сначала попытаются ослабить защитное поле разрядами плазмы, а потом, когда оно начнет терять мощность, вперед пойдут группы «гравитационного удара».

Именно такого развития событий пытался избежать Латышев, надеясь контратакой сломать опасное построение, заставить чуждые механизмы перестраиваться под огнем.

— Цели распределены. Заряд плазмогенераторов на максимуме. Поле синхронизировано. Орудийные порты боевого модуля открыты.

— Начинаем. — Александр чувствовал, как дрожь возбуждения охватывает мышцы. — Минус десять секунд!

Две «БМК» рванулись вперед, к границе суспензорного поля.

— Ну, держитесь… — выдохнул кто-то из бойцов, поднимая руку с закрепленным на бронепластинах скафандра ОРКом.[15]

Суспензорное поле погасло, пропуская боевые машины и синхронизируясь с залпом плазмогенераторов периметра.

Нижняя атакующая цепь «лепестков» тут же отреагировала на

происходящее: их сегменты мгновенно раздались в стороны, открывая менее мощные, чем у «Аргона», излучатели ионизированного газа.

К счастью для людей, чужеродные устройства могли бить лишь с короткой дистанции, поражая цели в пределах прямой видимости. Их плазмогенераторы не формировали «тело» энергетического заряда, заключая его в кокон электромагнитных полей, а выбрасывали плазменный поток, схожий с солнечным протуберанцем.

«БМК» преодолели вал остекленевшего песка на границе периметра и начали расходиться в стороны, четыре плазмогенератора боевых машин вели непрерывный огонь, сбрасывая корпускулы энергетических зарядов с интервалом в три секунды.

Цепь «лепестков» стремительно пикировала на защитные устройства периметра.

— Огонь!

Боевой модуль «Аргона» содрогнулся от единовременного залпа тридцати тяжелых ракетных установок.

Реактивные снаряды ушли по низким траекториям, их ослепительные росчерки стлались параллельно изувеченной шрамами равнине, ГСН[16] наводились по датчикам детектора масс — Латышев умело использовал данные, полученные при первом столкновении с инородными аппаратами — их масса (при неработающих генераторах искусственного тяготения) была известна, и благодаря этому практически все ракеты поразили цель.

За боевым модулем «Аргона» клубами поднималась потревоженная массированным залпом вездесущая пыль, багряный свет превратился в сочащиеся красными полутонами сумерки, и в неверном, тусклом сиянии полудня глазам защитников предстал предсказуемый, но все равно удручающий результат атаки: «лепестки», начавшие было «раскрываться», за доли секунды успели сомкнуть сегменты брони, и удар, призванный уничтожить штурмовики противника, лишь покалечил их, срывая внешнюю защитную оболочку.

Несколько аппаратов упало, но большинство продолжало атакующий бросок.

— Они на рубеже эффективного огня!

Песок внутри защитного периметра начал вспухать, — это девять бойцов в тяжелых бронескафандрах поднимались из укрытий; залпы тактических ракет следовали сразу, как только из-под оранжевых наносов появлялась рука с закрепленным поверх нее орудийно-ракетным

комплексом.

«Лепестки», лишившиеся мощного бронепокрытия, взрывались, разлетаясь безобразными фрагментами, но, на поверку, людей оказалось слишком мало, чтобы быстро и эффективно поразить все цели атакующей волны.

— Энергетики, мать вашу, уснули? Поле!

Гневный приказ Латышева не мог быть исполнен.

— Докладывает пост энергетического контроля! Мы потеряли девять эмиттеров…

«Как? Как это могло произойти?!» — метнулась в рассудке Александра обреченная мысль.

Ответ лежал буквально у него под ногами: горячечное сияние от расплава песчаной массы немо свидетельствовало — часть штурмовиков успела разрядить плазменные орудия, прежде чем их настигли удары тактических ракет.

Они изменили тактику, ударив не по огневым точкам периметра, к которым пытались прорваться во время прошлых атак, а разрядились по площадкам, где располагались генераторы суспензорной защиты.

Для оборонявших это означало одно — конец.

Передовая цепь «лепестков» была уничтожена, но цена победы оказалась несоизмерима с достигнутым.

Латышев, превозмогая навалившуюся вдруг свинцовую усталость, граничащую с полным безразличием, заставил себя переключить внимание на данные тактической системы.

Атака «БМК» развивалась строго по плану: боевые машины, проскочив под цепью штурмовиков, сосредоточили огонь на дальних группах противника, готовящихся к нанесению гравитационного удара. Плазмогенераторы периметра работали по тем же целям, и если бы не уничтоженные эмиттеры, экипаж «Аргона» мог бы сейчас получить передышку, столь необходимую для восполнения истраченного энергоресурса.

«Гравитационного удара не будет», — метнулась в рассудке Латышева лихорадочная мысль. Он ясно видел, что все без исключения группы «лепестков» получили серьезные повреждения от зарядов плазмы, в каждой из формаций не хватало как минимум одного—двух компонентов, без которых они не могли генерировать поле искусственной гравитации, но остановить их перестроение уже не представлялось возможным: обе «БМК», израсходовавшие бортовой энергокомплект, застыли на гребнях остекленевших дюн, тщетно поливая сомкнутые сегменты брони

инородных аппаратов из автоматических орудий, но снаряды лишь высекали снопы искр, рикошетя от обтекаемых бронепластин… Главный калибр периметра также выработал тактический энергоресурс, и теперь плазмогенераторам требовалось десять—пятнадцать минут, чтобы восстановить боеспособность.

Артпогреба «Аргона» были пусты, и по суммирующим показаниям выходило, что между лишившимся защитного поля периметром временной базы и уцелевшими «лепестками» в данный момент стоят лишь девять десантников…

Латышев понимал — им не выстоять под гравитационным ударом, но отступать было некуда. В отбуксированных на сборочную площадку сегментах «Аргона» находились лишь травмированные при жесткой посадке члены экипажа, все ресурсы на ближайшие четверть часа исчерпаны, нет даже резервных сервомеханизмов, способных извлечь из-под остекленевшего песка поврежденные эмиттеры.

Тройной щелчок перезарядившейся ракетной установки вырвал рассудок Латышева из водоворота обреченных мыслей.

Выход был только один — продолжать атаку, любой ценой не дать «лепесткам» завершить начатое перестроение, не позволить сформировать ударные группы.

Для людей это означало необходимость выйти на дистанцию ближнего боя, спровоцировать своим появлением противодействие противника, связать «лепестки» боем на короткой дистанции, где они будут вынуждены раскрываться для использования генераторов плазмы…

— Ортега, Готлауз, — вы остаетесь здесь, — произнес Александр, приняв решение. — Вам поможет Джон. Во что бы то ни стало установите резервные эмиттеры взамен поврежденных. Задача ясна?

— Да, командир, но…

— Никаких «но», лейтенант. Если я не вернусь, примешь командование «Аргоном». Остальные — за мной. Выходим на дистанцию ближнего боя. Мы должны выиграть время для восстановления энергетической защиты.

Семь фигур в тяжелых бронескафандрах, растянувшись широкой цепью, двигались по остекленевшей, застывшей пологими волнами равнине.

Багряный сумрак разгонял неживой, мертвенный свет, которым истекала радиоактивная пустошь.

— Внимание! Они заметили нас.

«Лепестки», осуществлявшие перестроение на высоте пятидесяти

метров, внезапно рванулись в стороны, несколько штурмовиков, находившихся в непосредственной близости от наступавших цепью десантников, начали раскрываться.

— Действовать по обстановке! Держимся десять минут. Потом отступаем к периметру.

Латышев был обязан произнести эти слова, хотя каждый из бойцов понимал: вряд ли кто-то из них выберется живым из-под ударов плазмы.

Латышев перешел на бег. Сервомоторы тяжелого скафандра работали с едва слышным ритмичным присвистом, на экранах бронированного гермошлема в паутине координатной сетки уже запутался снижающийся «лепесток», и рука с ОРКом резко пошла вверх, опережая движение раскрывающихся сегментов штурмовика.

Сердце бешено молотило в груди, система жизнеобеспечения уже не справлялась с обилием адреналина в крови…

«Лепесток» несся прямо на него, с воем рассекая воздух.

Латышев, как в тумане, видел щель, растущую меж раскрывающимися сегментами, в такие секунды разум уже не успевает за машинальными действиями тела, — он резко припал на колено, обеспечивая дополнительный упор при стрельбе, и залпом разрядил ракетную установку.

Штурмовик разорвало двумя прямыми попаданиями всего в десятке метров от земли — два реактивных снаряда попали точно в зазор между сегментами брони, вокруг, со звоном ударяясь об остекленевший песок, дождем сыпались обломки, один из них ударил Латышева в грудь; не удержав равновесия, капитан упал на спину и вдруг понял — это конец.

Из багряных сумерек на него пикировал еще один штурмовик.

Он отчетливо видел раскрытые сегменты брони, подвеску плазмогенератора под вторым, цилиндрическим корпусом — страшное по своему смыслу видение длилось менее секунды… Затем Вселенную поглотил ослепительный огонь, который объял усыпанную обломками ложбину, вновь расплавив песок, обдав бронескафандр адской температурой, от которой начал плавиться слой керамли-товых пластин, превращая гибкую, прочную оболочку в подобие статуи…

Когда «лепесток» вышел из губительного пике, бронескафандр Латышева уже начал медленно тонуть в размягченной стекловидной массе.

— Командир!!!

Крик в коммуникаторе бился ледяным холодом потери.

Хоук, который видел все, резко развернулся.

Вокруг него с бешенной скоростью кружили два штурмовика, оба

были повреждены ударами плазмы основных орудий периметра, и теперь что-то не ладилось в их системах — вместо того чтобы атаковать, они пытались выполнить построение для гравитационного удара.

Хоук не мог точно прицелиться на такой короткой дистанции при бешеной скорости круживших вокруг него объектов, и потому выпустил ракеты, доверившись компьютерной системе наведения.

Один из «лепестков» внезапно вспыхнул, превратившись в горящий болид, второй, потеряв напарника, тут же изменил тактику действий: резко затормозив, он покачнулся в воздухе и начал раскрываться, удерживая человека под прицелом плазмогенератора.

«Ну вот и все…»

Хоук медленно отступал, поливая штурмовик из автоматического орудия, но тщетно, — снаряды лишь царапали его броню, — даже раскрывшись, «лепесток» оставался неуязвим для легких типов баллистического оружия.

Хоук понимал — жить осталось доли секунды, и в этот миг, когда душа, сжавшись в крохотный комок, уже была готова расстаться с телом, пыльный, задымленный воздух внезапно пронзил шипящий лазерный разряд.

«Лепесток» разрезало пополам.

Хоук оторопело посмотрел вверх и вдруг увидел бледные энергетические образования, которые снижались от границ низкой клубящейся облачности и внезапно, безо всякого объяснимого перехода, теряли форму, растворялись в пыльном воздухе, превращаясь в разряды когерентного света!..

Несмотря на его чудесное спасение, первой мыслью сержанта была страшная догадка: наверное, это еще один вид адских порождений проклятой планеты…

— Отступаем!.. — выкрикнул он в коммуникатор, не зная, слышит ли его кто-нибудь из взвода.

Он ничего не понимал. Вокруг продолжали взрываться пораженные лазерными разрядами «лепестки» — происходящее походило на бред… Пока затуманенный взгляд сержанта не уловил в багряных небесах знакомый, характерный ореол от работающих двигателей планетарной тяги, и почти тут же тугой шквал ракетно-лазерного огня ударил из поднебесья.

Хоук без сил опустился на колени.

С небес спускались десантно-штурмовые модули.

Три крейсера Конфедерации Солнц, осуществив переход в

трехмерный континуум, держались на удалении в несколько световых секунд от опоясывающих планету защитных сооружений.

Адмирал Сокура поддерживал связь с командирами кораблей через две вертикали, сотни специалистов-мнемоников обеспечивали устойчивый канал обмена данными, оперативно принимая отчеты и отправляя командные директивы.

Центральный узел Гиперсферных Частот, расположенный на орбите безымянного планетоида, входил в комплекс недавно введенных в строй резервных сооружений, мощности которых с избытком хватало, чтобы в любой момент на аппаратуру орбитальных станций могли быть перенесены как информационные каналы сети Интерстар, так и основополагающие структуры, обеспечивающие гиперсферную навигацию военного и гражданского флотов.

— Адмирал, срочный вызов.

Николай Сокура обернулся. Как не вовремя, но зыбкие очертания фантома, вторгшегося в зал управления, уже принимали достаточную материальность, чтобы он понял — разговора не избежать.

Шейла не показалась ему разгневанной. Ее лицо хранило спокойствие, но это вовсе не означало отсутствие душевной бури.

Она подошла к адмиралу, и мягкое сияние стасис-поля на время укрыло их от взглядов и слуха работающих в зале специалистов.

— Ник, как ты мог?! — В голосе президента Конфедерации прорвались хорошо знакомые, звенящие, металлические нотки.

— Шейла, ты вольна судить меня. Но это был единственный выход.

— Единственный выход из созданной при твоем попустительстве проблемы? Что за игры за моей спиной?! И как ты посмел тронуть Илью?! Неужели в тебе не осталось ни капли той памяти?!

— Шейла, ты не права. Я все помню, каждый миг, каждую секунду… — Николай говорил тяжело, с сиплым придыханием — годы, неумолимые годы брали свое. — Ты не можешь вечно скрывать действительное состояние своего здоровья. Слухи о твоей болезни уже просочились в прессу, несмотря на все предпринимаемые усилия.

Шейла, казалось, не слышит его аргументов.

— Почему ты сделал это, Ник, объясни! — повторила она свой вопрос. — Ответь мне как человек, а не как адмирал или политик!

Сокура пристально посмотрел в глаза Шейле.

В его зрачках пряталась затаенная грусть. Он, невзирая на упреки, отлично понимал, что и, главное, ради чего было предпринято им…

— Я всю жизнь помнил твой взгляд… — ответил Николай, немного

справившись с нахлынувшими чувствами. — Взгляд, которым ты провожала саркофаг с телом Ильи, когда мы отправляли его для сканирования в возрожденный Логрис. Ты любила его. Любила всем сердцем, как можно полюбить лишь однажды. Не отрицай и не говори ничего, ладно?.. Я передал на твой терминал всю документацию по новому проекту освоения пространства за вертикалями. Ты ведь ознакомилась с данными, прежде чем пришла сюда?

Шейла кивнула.

— Прости, Ник… — с трудом произнесла она. — Я действительно не хочу искусственного омоложения.

— Все в порядке. — Он осторожно обнял фантомную фигуру за плечи. — Мы все сильно изменились за эти годы, но есть чувства, над которыми не властно время. Я ни о чем не жалею… Поверь.

— Поэтому ты выбрал его? Из-за меня? Из-за…

— Я всегда любил тебя, Шейла. Но Илья… Он, как и ты, достоин быть среди первых. Это мое убеждение. Если за вертикалями гиперсферы суждено возникнуть новому очагу человеческой цивилизации… пусть его возглавят лучшие люди своих эпох…

— А ты, Ник? — Голос Шейлы дрогнул.

— Я остаюсь. — Он ободряюще улыбнулся.

Несколько секунд они молчали, затем Шейла подняла взгляд и спросила:

— Где он сейчас?

— Илья недоступен.

— Почему?

— Он ушел в недра древней системы. Самовольно. Связи нет уже четверть часа.

Горкалов действительно не мог выйти на связь.

Когда первое звено десантно-штурмовых модулей успешно миновало орбитальные конструкции и начало снижение в атмосфере планеты, Илья, чей логр оставался подле обезвреженных узлов планетарной обороны, вызвал Лизу и Амрака:

— Мы выполнили задачу. — На лице Лизы впервые появилась улыбка. Она была счастлива, не пытаясь скрыть чувств, — галактлейтенант Стриммер знала, что такое остаться без помощи и обреченно погибнуть на чуждой планете. Ее улыбка отражала сейчас искреннюю радость за незнакомых людей, которым удалось избежать этой злой участи.

— Сэм выходил на связь?

— Да, они с Лайтом завершают атаку. Все развивается успешно,

мнемоники обеспечили надежное прикрытие, энергомеханизмы первой волны подоспели как раз вовремя. Сейчас идет зачистка территории вокруг зоны посадки штурмовых модулей.

Горкалов улыбнулся в ответ.

Он снова чувствовал себя молодым, как в те незабываемые годы, когда после боя, пошатываясь от усталости, спускался из рубки «Фалангера», садился на землю подле ступохода серв-машины и подолгу смотрел вдаль, вдыхая терпкие запахи незнакомых планет…

— Наша работа еще не окончена, — неожиданно произнес он. — Лиза, я попрошу тебя остаться, нужно контролировать коридор сближения. Ты справишься?

— Куда ты собрался, Илья? — обеспокоенно спросила она.

— Думаю, нам с Амраком стоит прогуляться. — Горкалов посмотрел на логрианина. — Ты не против?

Амрак не задал встречного вопроса, лишь его шеи перекрестились, что означало полное согласие и понимание.

— Канал древней киберсистемы, Лиза, — пояснил Илья Матвеевич. — Тот, что оказался лишен источников питания.

— Я понимаю. Но все мнемоники внизу. Кто поддержит ваши матрицы вне логров?

— Амрак.

Логрианин кивнул. Он быстро учился человеческим жестам.

Пустой, лишенный энергии тоннель. В субъективном восприятии человека — полая труба, торный путь, дорога, которой безразлично, какие данные перемещаются по ней.

Проводник.

Илья Матвеевич ожидал, что их путь окажется недолгим, но он ошибся. Вскоре от магистрали начали ответвляться дополнительные каналы передачи данных, структура принимала все более сложные формы, однако Горкалов и Амрак продолжали придерживаться главного «тоннеля», не пытаясь повернуть в сторону, тем более что все встреченные ответвления оставались темны, статичны.

Наконец, оказавшись на очередной развязке, где главный тоннель разделялся на добрую сотню одинаковых проходов, логрианин остановился, проявив беспокойство. Горкалов, который ориентировался в виртуальном пространстве не хуже, чем Амрак, был скорее озадачен, чем встревожен.

— Мы проникли достаточно глубоко, — раздался в рассудке Ильи Матвеевича голос логрианина. — Не возьмусь соизмерить наш путь с

реальными расстояниями, но, думаю, мы прошли через большую часть орбитальных сооружений. Этот канал когда-то связывал их воедино.

— Да, скорее всего, ты прав. Осталось понять, почему он не закольцован, а заканчивается непонятным мне делением.

Две головы Амрака посмотрели в разные стороны.

— Ты употребил термин «заканчивается»… — наконец произнес он. — Если взглянуть иначе? Предположить, что главный информационный канал всей орбитальной инфраструктуры *начинается* тут?

Илья Матвеевич все это время смотрел на множество *одинаковых* по диаметру тоннелей.

— Давай рассуждать, — предложил он. — Мы находимся в структуре орбитального комплекса. Естественно, даже с учетом автономии отдельных узлов обороны, должен быть и единый канал передачи данных. Следуя логике, — Горкалов чуть нахмурил лоб, — такой информационный канал должен быть связан с командным пунктом. Теперь посмотри — здесь не меньше сотни ответвлений, одинаковых по своей пропускной способности.

— Ну, допустим, пропускная способность не показатель, — поправил его Амрак. — За каждым из тоннелей может располагаться узкоспециализированный центр управления, возможно, они дублированы по два или три раза, а в комплексе образуют единый командный центр.

— Возможно… — В голосе Горкалова звучало непонятное для Амрака сомнение.

— А что ты надеялся обнаружить?

— Говоря откровенно, я все время ищу, но не нахожу логики, объясняющей наличие на орбите комплекса противокосмической обороны, — ответил ему Илья Матвеевич.

— Я не понимаю тебя. — Шеи логрианина сплелись в тугой узел. — Логика очевидна — защитить планету — я прав?

— Мне тоже так казалось, пока не поступили данные от мнемоников, установивших связь с кибернетической системой «Аргона».

— Новая информация? — Один глаз логрианина выглянул из складок кожистых век.

— Да… — Горкалов не торопился изучать тоннели, он так или иначе собирался поделиться своими сомнениями с Амраком. — Анализ данных, собранных сканирующими системами «Аргона», показывает, что на планете нет городов, инфраструктуры, дорог, ничего, что свидетельствовало бы о процветании в данном мире высокоразвитой цивилизации. Концепция индустриальной базы или источника полезных ископаемых также отпадает. Не найдено никаких признаков

существовавших на планете производств…

— Не забывай о разрушительном влиянии времени, Илья, — напомнил ему Амрак. — Следы цивилизации могут быть стерты процессами эрозии, ведь, по полученным данным, даже формы рельефа на поверхности сглажены, там в основном песчаная пустыня, верно?

— Верно. Но, вопреки твоему предположению, под песками пустыни прекрасно сохранились и продолжают успешно функционировать установки гравитационных ловушек наземного базирования. Это целые комплексы зданий. Они защищены от воздействия внешней среды энергетическими полями. К тому же планета перемещена на более близкую орбиту, что, по выводам кибернетических систем, привело к массовой гибели исконных форм жизни.

— Зачем в таком случае ее переместили?

— Чтобы иметь близкорасположенный источник термоядерной энергии — звезду. Все новые факты указывают на то, что на поверхности данного мира не существовало колонии разумных существ, по крайней мере, в нашем понимании термина. Поэтому я и решился на путешествие внутри чуждой сети — мне видится критически важным понять: ради чего был возведен комплекс планетарной обороны и почему нападавшие, уничтожив часть оборонительных систем, не довершили начатое?

— Ты посеял в моем разуме сомнения. Мне интересно. Но если мы обнаружим массивы данных, как ты прочтешь их?

— Я их скопирую. А затем поступлю, как сделала Лиза: позволю системе логра интерпретировать структуру данных, — возможно, среди образов, которые выдаст система, мы найдем новые точки опоры для понимания?

— Согласен с тобой. Давай не будем терять время. Пройдем по тоннелям и скопируем все структуры, которые сможем воспринять сознанием.

Когда они вернулись, внизу уже все было кончено.

Подоспевшие энергомеханизмы и десантно-штурмовые модули не только отбили атаку «лепестков» — при помощи суспензорного поля удалось захватить два неповрежденных штурмовика для дальнейшего изучения.

Логры, составлявшие ударную группу, вновь собрались в единое построение, заняв безопасную точку орбиты.

Людей с поверхности уже эвакуировали, теперь там остались только сервомеханизмы, занятые сборкой сегментов «Аргона» и поддержанием функций защитного периметра базы.

— Ну и где вы пропадали, позвольте узнать? — встретил Горкалова и Амрака вопрос Кригана. — Мы уже начали беспокоиться.

— Лестно слышать это от тебя, Анри.

— Комплимент или повод для драки? — насупился было кибрайкер, но тут же расслабился, добродушно улыбнувшись. — Так все же, что вы там искали?

— Не просто искали, а нашли. Но пока еще не знаем, что именно, — ответил Илья Матвеевич. — Нам понадобится резервный логр для интерпретации собранных образов.

— Нет, все же расскажите по порядку, где вы были?

— Мы прошли по магистральному каналу обмена данными, рассчитывая отыскать командный центр комплекса.

— Нашли?

— Не уверен. Тоннель разветвился на сотню однотипных информационных каналов. За ними мы обнаружили одинаковые пространства: пустота, в центре которой неизменно «подвешен» непонятный клубок, похожий на земное растение «перекати поле», только намного крупнее и сложнее по структуре.

— И что теперь?

— Последуем опыту Лизы. Попробуем выпустить собранные образы в логр для интерпретации.

— Там, кстати, адмирал Сокура уже раз десять выходил на связь. Требовал вас, Илья Матвеевич.

— Ничего. Поговорю с ним позже. Сначала взглянем, что удастся расшифровать в логре.

* * *

«Я воспринимаю мыслеобразы!..» — мнемонический голос Амрака выдавал крайнюю степень волнения. — «Люди, я понимаю их!..»

— Я ничего не вижу, — откликнулся на восклицание логрианина Горкалов.

— Я тоже… — в растерянности произнесла Эльза.

«Зато я вижу и понимаю. Это мыслеобразы существа иной расы. Они были записаны в одном из пространств, где побывали мы с Ильей. Сейчас. Я буду переводить для вас… Это потрясающе!..»

* * *

Космос.

Мрак пространства, исколотый далекими холодными искрами света.

На периферии зрения застыл багряный шар звезды, еще не покрытый множественными темными пятнами, как в современности.

Эволг парил над существующей лишь в его сознании равниной. Планете, которую они переместили ближе к звезде, еще предстояло пройти длительный цикл преобразований, прежде чем ее поверхность превратится в уютную пустыню, где так легко и приятно парить в ураганных порывах воздушных масс, впитывая эфемерным телом статическое электричество непрекращающейся бури.

Время для эволгов являлось понятием относительным. Они рождались среди песчаных бурь родной планеты, пищей им служили энергии природных стихий, понятия «смерть» не было среди символов их общения…

Существовала ли цивилизация эволгов?

Несомненно, хотя они не строили машин, не изменяли природу родного мира, — эволюция разума протекала медленно, неторопливо, развитие мышления не было напрямую связано с борьбой за выживание вида, ибо соперничать им было не с кем.

Процесс эволюции шел путем слияния энергетических особей, усложнения структур, пока эволг не начинал осознавать факт собственного бытия.

Между моментом «рождения» и первой осознанной мыслью лежали тысячелетия и сотни «слияний».

Так постепенно, на протяжении сотен миллионов лет, формировался относительно небольшой анклав разумных энергетических форм, которые, однажды осознав себя, начинали проявлять заинтересованность к окружающей их данности.

В силу своей уникальной природы эволги не интересовались ничем, кроме энергий.

Зато в данной области их опыт ширился, пока накопленных знаний не оказалось достаточно, чтобы первый эволг *сознательно* поднялся в фиолетовую синь стратосферы, навстречу холодному сиянию звезд, где властвовали уже совсем иные энергии: магнитные поля планет, их гравитация, спектр излучения родной звезды, реликтовые эманации космического пространства, — все это стало новой средой обитания, где эволги могли жить, но так и не научились *рождаться*.

Неудивительно, что родная планета стала для расы энергетических существ самым важным местом во Вселенной.

Путешествуя в пространстве, они постигли многие тайны мироздания.

Им подчинилась гравитация, они умели манипулировать звездными

энергиями, но никогда ни одному из эволгов не приходила мысль об упорядоченном, целенаправленном использовании своего уникального опыта.

Они просто *были*.

Так продолжалось миллионы лет, пока однажды в системе их родной звезды не появились представители иных форм жизни.

Биологические существа.

Поначалу эволги не обратили на них должного внимания, как не обращали его на камни своего мира. Даже тот факт, что небесные тела, появившиеся в системе Родины, перемещались не по воле гравитационных полей, а *вопреки им*, не насторожил немногих «взрослых», которые периодически возвращались к колыбели цивилизации, чтобы наблюдать за рождением и развитием новых поколений своей расы.

Осознание беды пришло позже, когда две пришлые формы биологической жизни сначала сошлись в бессмысленном, с точки зрения эволгов, противоборстве, а затем победители опустили свои корабли на поверхность пустынной планеты и начали *преобразовывать* ее.

Миллионы лет созерцательного развития, отсутствие реальных врагов и понятия «борьбы за выживание» сыграли с могучей древней расой злую шутку: они, при всех своих знаниях, оказались абсолютно беспомощными перед пришельцами. Они не могли остановить процессы преобразования родного мира, поскольку не понимали, что означает «разрушать» и как путем разрушения можно восстановить исконный порядок вещей?

Эволги оставались невидимыми для существ, оккупировавших их мир.

Они наблюдали за пришельцами, не пытаясь вступить в контакт, пока не убедились, что родная планета меняется стремительно и необратимо.

Неистовые ветра были укрощены, пески пустынь принимали абсолютно непонятный вид, они более не текли по воле воздушных потоков — их покрыли органические жизненные формы…

Самое ужасное — на родной планете перестали появляться молодые энергетические особи, прекратилось их слияние, остановились процессы зарождения новых поколений.

Именно тогда все эволги собрались вместе.

Они впервые объединили свои знания и, воспринимая энергетические волны, испускаемые всевозможными устройствами биологических существ, поняли многое.

Паря на орбитах своего мира, они с трудом усваивали новые для себя понятия, пока их разум не осознал, что такое «борьба за существование».

Необъятный космос на поверку оказался тесен. Узкие рамки природных условий, в которых могли существовать биологические формы жизни, заставляли последних вести ожесточенную борьбу друг с другом за обладание планетами, — даже пустынные неприветливые миры выглядели для них привлекательно, ибо могли быть изменены при помощи машин.

Поняв это, эволги совершили роковой шаг: от одной мысли, что им уготована гибель, вырождение, они пришли в состояние, которое никогда не испытывали раньше.

Это был гнев.

Бессмысленный, запоздалый гнев, как выяснилось позже.

Тысячи эволгов обрушились на поселения колонии, разрушая постройки, уничтожая механизмы, с корнем вырывая чужеродные формы растительности, сковавшие животворные пески сплетением своих корней.

Тщетно.

Эволгов насчитывалось несколько тысяч, и они при желании могли разрушить любую конструкцию, но приступ несвойственного этим существам гнева был непродолжителен, часть растительных и животных форм уцелела, и хотя пришлые существа в спешном порядке покинули как саму планету, так и систему Родины эволгов, прежний природный баланс не восстановился сам по себе: упрямая растительность уже прочно посеяла свои споры на поверхности колонизированного мира, необратимо изменился климат, и, как следствие, — разрушение не принесло ожидаемого эффекта…

Эволги впервые задумались над дальнейшей судьбой своей расы, возможно, только сейчас они осознали, что являются цивилизацией…

Слишком поздно пришло к ним очередное прозрение. Биологические существа, обладавшие (по сравнению с эволгами) смехотворно коротким сроком жизни, вскоре вернулись, армады их космических кораблей обрушились на древние формы энергетической жизни, безжалостно истребляя миллионнолетних особей…

Казалось, наступил конец всего сущего.

Абсурд сознания, рожденный длительным заблуждением о своей уникальности, одиночестве во Вселенной, обернулся неспособностью к эффективному сопротивлению механизмам пришлых существ, которым не было счета — они появлялись вновь и вновь, нападали, не считаясь с потерями…

Лишь небольшому количеству эволгов удалось покинуть систему родной звезды.

Они уже не путешествовали поодиночке, понимая, что теперь им

грозит постепенное исчезновение.

Надежда отыскать планету с условиями внешней среды, похожими на исторически сложившуюся геосферу Родины, казалась им единственным шансом на спасение, но увы…

За тысячелетия скитаний они не смогли найти аналога Родины.

Зато во время поисков они встретили остатки еще одной биологической расы.

Наученные горьким опытом эволги не сразу пошли на контакт, они потратили много лет, изучая существ иной расы, которых, как выяснилось, уже встречали однажды, в ту пору, когда им еще было чуждо понятие вражды.

Наблюдая за новыми формами разумной жизни, эволги поняли — им никогда не обрести новой Родины, не стать прежними, несмотря на глубину узкоспециализированных познаний в области физики энергий.

Чтобы возродиться, им не хватало многого — они не умели экспансивно мыслить, не могли *строить*, создавать искусственные формы, способные преобразовать лик планеты, придав ей именно те характеристики, которые точно воспроизведут условия возникновения энергетической жизни…

Единственное, чем обладали древние существа, — это знаниями в областях, пока еще недоступных пониманию мыслящих биологических форм.

Они все еще пребывали в нерешительности, когда в границах звездной системы, давшей временное пристанище остаткам древней цивилизации, появились комические корабли швергов — так называли себя существа, оккупировавшие родную систему эволгов.

На этот раз шверги не шли по следу энергетических существ — их целью была планета, где обитала иная биологическая форма, называвшая себя «эмулоти».

Эволги поняли, что назревает очередной межрасовый конфликт.

Нужно было принимать решение — бежать дальше или…

Они решились протянуть руку помощи тем существам, которых собирались истребить шверги.

В сложившейся ситуации эмулоти и эволги образовали союз, который был бы немыслим при других обстоятельствах.

Силы швергов уже вошли в систему, и эволги предложили расе эмулоти нелегкий, но очевидный выход: не принимая неравного боя, покинуть свою планету, избежать уничтожения и начать все заново.

Вместе.

Знания эволгов и целеустремленность эмулоти, их качества, выработанные миллионами лет *биологической эволюции*, гарантировали союзу двух рас создание новых технологий, способных воссоздать уникальные природные условия, при которых зародилась энергетическая форма жизни, и надежно, раз и навсегда, защитить их планеты от атак недружественной расы швергов…

* * *

Люди потрясенно смотрели на сияющий переливчатый энергетический сгусток, похожий на увеличенный в тысячи раз шар земного растения «перекати-поле»…

Миллиарды лет пронеслись для него, как мгновение безвременья.

Образы, которые сначала интерпретировал логр, а затем переводил Амрак, ясно свидетельствовали — перед ними энергетическая нейросеть, матрица сознания одного из древних существ, когда-то населявших данный участок космического пространства.

Именно благодаря этим существам были созданы пережившие вечность орбитальные сооружения, они научили исчезнувшую биологическую расу манипуляциям с гравитационными полями и синтезу звездных энергий…

Фантом эволга парил над серой плоскостью виртуального пространства, в котором больше не возникали мыслеобразы, и еще не осознавал, что возрожден из небытия, а внизу, под шапкой пыльной атмосферы, *уже наступили* условия, при которых может зародиться энергетическая жизнь.

Он вновь обрел Родину, но еще не подозревал об этом…

— Илья Матвеевич, адмирал Сокура на связи. Он держит канал ГЧ уже десять минут.

— Хорошо, я отвечу.

— Соединяю, — голос мнемоника звучал в сознании с некоторыми искажениями — сказывалась разница темпорального потока между десятым уровнем гиперсферы и реальным космосом.

Наконец пришел звук. Голографическое изображение собеседника, к удивлению Горкалова, не возникло.

— Илья… Поздравляю всех вас… — Голос Николая звучал сухо, отрывисто и чересчур взволнованно.

— В чем дело, Ник? Какие-то дополнительные осложнения?

Секунда тишины.

— Илья, произошло одно событие… Тебе следует знать о нем… —

Опять пауза. — Извини… Мне трудно говорить. Сейчас в ваше пространство выйдет группа логров. Ты должен встретить одного человека. Удачи тебе…

Связь отключилась безо всякого предупреждения.

Сокура даже не попрощался.

Горкалов лишь пожал плечами. Если нервничал он — по сути бесплотный дух, образ человеческого сознания, то чего ожидать от *живого* участника событий, на котором все это время лежало бремя ответственности за ход операции?

Он обернулся, отыскал взглядом логрианина.

— Амрак, ты сможешь установить контакт с эволгом?

Логрианин сидел на небольшом возвышении, поджав под себя ноги-щупальца, и монотонно покачивал головами, неотрывно глядя на переливчатый сгусток энергии.

— Думаю, что смогу… — мысленно ответил он. — Раз логр оказался в состоянии интерпретировать образы его памяти, то полноценный контакт между нами — лишь вопрос времени.

— Мне нужно отлучиться.

— Я не против. Здесь достаточно помощников.

— Хорошо, тогда удачи. Я вернусь, как только смогу.

— Группа мнемонической поддержки готова. Илья Матвеевич, сейчас ваша матрица будет перемещена.

— Я готов, начинайте.

Горкалов все еще не мог взять в толк, к чему все эти сложности? Если ему нужно с кем-то встретиться, можно было воспользоваться его личным виртуальным пространством.

Миллисекунда полнейшего мрака, за которой наступила полная дезориентация рассудка.

Постепенно перед его мысленным взором начали проступать контуры окружающих предметов обстановки.

Внезапное ностальгическое воспоминание отдалось глухой болью где-то в области сердца.

Не было правды и лжи.

Был старый парк на южной окраине столицы Элио — Раворграда. Шесть часов вечера… Сорок лет тому назад…

С деревьев медленно облетала листва, а в прорехах осенних облаков с небес срывались крохотные искорки падучих звезд…

Маленькое уютное кафе, которое Илья Матвеевич избрал местом встречи, никак не соответствовало его настроению.

На душе полковника Горкалова было тяжело, мутно. Он ненавидел подобные ситуации, когда уже сделано все, что только в человеческих силах, и дальнейшее зависело лишь оттого, приедет ли кто-то на условленную встречу вообще?

Накануне он отправил сорок семь сообщений.

Сорок семь сообщений, адресованных в никуда, ибо Конфедерация Солнц вот уже двадцать лет как распалась, раскатилась горошинами планет, — каждая по своей орбите, по узким тропкам суверенитетов, и не было больше силы, способной ответить вызову, брошенному не лично отставному полковнику Горкалову, даже не его родному миру, а Человечеству, вот так с большой буквы, несмотря на мещанство и эгоизм тех, кто развалил Содружество Миров.

Были офицеры… Но Илья знал по себе, как тяжело остаться не у дел, как катится мимо бурная жизнь, полная сиюсекундной суеты, как подминает под себя, будто асфальтовый каток.

Поверил бы ты, Горкалов? Сам? Оторвал бы свой зад от уютного кресла перед сферовизором, получив код тревоги, канувший в Лету два десятилетия назад?

Он не хотел лгать себе самому. Лишь безумная надежда жила в глазах: он верил, что среди полусотни боевых друзей найдутся те, кто придет, кто выслушает сообщение никому не известного галактлейтенанта Лизы Стриммер, которая погибла, защищая потерянную во времена Великого Исхода никому не известную колонию со странным названием *Воргейз*…

Он занял столик в дальнем углу зала, откуда ему была отлично видна входная дверь, и невольно напрягался каждый раз, как только она отворялась, чему вторило мелодичное позвякивание бронзового колокольчика…

…На этот раз в кафе вошла молодая женщина, которая мгновенно привлекла к себе не только взгляд Ильи Матвеевича, но и остальных немногочисленных посетителей полупустого в этот час заведения.

На ней было стильное белоснежное пальто, явно сшитое на заказ и подогнанное по стройной фигуре опытным мастером. Короткие темные волосы и шелковый шарф сочною фиолетового оттенка, не повязанный на шею, а выглядывающий из-под отворотов воротника, придавали ее облику особенный шарм.

Илья Матвеевич вскинул взгляд и тут же разочарованно подумал, что это какое-то недоразумение, случайность, и молодая женщина просто оказались в этом месте по странному стечению обстоятельств, но когда дверь за ней затворилась, а она не прошла в зал, застыв на пороге уютного

кафе и напряженно осматривая полупустое помещение, явно в поисках кого-то, знакомого ей лишь по описанию, то сердце Горкалова внезапно екнуло, потому что было в ее чертах что-то смутно, неуловимо знакомое…

Увидев его, одиноко сидящего за отдельным столиком в углу зала, девушка решительно направилась к Илье Матвеевичу.

— Вы полковник Горкалов? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Да. — Он немного опешил — так неожиданно и стремительно произошла эта никак не запланированная встреча.

— Я дочь капитана Нормана, Шейла, — произнесла она, отодвигая стул и присаживаясь напротив Ильи Матвеевича. — Отец не смог откликнуться на письмо. — Она продолжала смотреть ему в глаза и вдруг тихо добавила, меняя местами *прошлое* и *настоящее*:

— Ты рад меня видеть, Илья?

Эпилог

Этим утром Шейла проснулась рано. Жгучее фиолетовое солнце величественно всходило над равниной, и высокие деревья с раскидистыми, уплощенными кронами ловили его лучи, поворачиваясь, словно легендарные подсолнухи с неимоверно далекой родины человечества.

Залюбовавшись восходом, она не заметила, как в гостиную вошел Илья.

Панорамное окно с защитой от избыточного ультрафиолета давало великолепный обзор: недавно отстроенный дом Горкаловых располагался на вершине холма, чуть ниже виднелась робкая поросль растений, генетически адаптированных к условиям местной биосферы.

Прошло всего лишь два месяца с того момента, как первый посадочный модуль опустился на освещенную фиолетовым солнцем равнину.

Основной сегмент колониального транспорта все еще находился на орбите, внизу пока трудились сервомеханизмы, прокладывая инфраструктуру дорог, возводя энергостанцию и прививая на плодородной почве специально выведенные сорта растений.

Первое поселение людей, основанное по другую сторону галактического диска… одна мысль об этом порождала в душе целую гамму противоречивых чувств.

Шейла, Илья и Амрак стали первыми, кто покинул блок камер биологической реконструкции. Для эволга, пожелавшего принять участие в проекте, была создана специальная установка, которая генерировала точную энергетическую копию его сущности.

Пока что все складывалось успешно. Комплексный анализ биосферы показал, что при незначительных изменениях метаболизма люди смогут жить под открытым небом уже в первом поколении.

Логрианин также нашел фиолетовое солнце и условия окружающей среды вполне удовлетворительными, что касается эволга, то он первым делом посетил пустыню, расположенную в двух тысячах километров от зоны высадки. Вернувшись, он долго беседовал с Амраком, затем улетел вновь и пока больше не возвращался.

На взгляд Ильи, три года поисков, бесконечные перемещения сначала по вертикали, а затем по горизонтальным линиям напряжения гиперсферы увенчались успехом.

Конечно, найти планету, которая бы отвечала требованиям трех различных рас, оказалось далеко не просто, но рассчитывать на меньшее не приходилось, — первая колония, основанная в отрыве от Обитаемой части Галактики, по изначальному замыслу должна была стать очагом объединенных цивилизаций, где новые поколения с самого детства учились бы взаимному пониманию, — ибо космос не прощает фобий и взаимной ненависти, — он покоряется лишь сильным и мудрым.

Илья подошел к Шейле и обнял ее за плечи

Они помолодели. Камеры биологической реконструкции сформировали их на пороге тридцатилетнего возраста, но глаза — зеркало человеческой души — хранили в своих глубинах отпечаток прежних прожитых жизней.

Когда-то это должно было произойти.

Разум бесценен. Каждый человек, логрианин, инсект — любое мыслящее существо — это прежде всего субъективная Вселенная, неповторимое мироощущение, построенное на основе личного опыта.

Теперь, когда уникальные технологии разных рас нашли свое единство, а главное — приемлемый способ воплощения, не несущий опасности вырождения разума, как это случилось с Квотой Бессмертных расы харамминов, сама мысль об удручающей окончательности смерти казалось Илье кощунственной.

Он проследил за взглядом Шейлы и понял, что она смотрит в небо, туда, где на орбите, в специальных хранилищах колониального транспорта «Нова», покоились миллионы логров.

Миллионы разумов ждали часа своего воплощения, чтобы снова жить, любить, двигаться дальше, за порог неизведанного…

notes

Примечания

1

Энергосканирование — выявление активных энергетических цепей машины по электромагнитному излучению и сравнение полученных данных с эталоном, что позволяет определить, какие именно системы задействованы в данный момент.

2

Режим автономных модулей — при поступлении данной команды каждый отсек космического корабля герметизируется дополнительными переборками, переходит на автономные источники энергопитания и жизнеобеспечения. Таким образом, при возникновении нештатных ситуаций может пострадать лишь небольшая часть от общего числа автономных модулей. Кроме того, конструкция боевых единиц флота последней модификации предусматривает сегментирование корабля. Каждый сегмент, включающий определенное количество модульных отсеков, снабжен аварийными двигателями и минимально необходимыми сенсорными системами.

3

Апертура — угол рассеивания луча.

4

АРК — Автоматический Разведывательный Корабль. Общее название класса беспилотных аппаратов узкой специализации.

5

Логр — кристалл черного цвета, представляющий собой мини-компьютер расы логриан. Служил для записи личности.

6

Скопление О'Хара было скрыто от посторонних глаз источниками искусственной гравитации, которые постепенно искривляли световые потоки, в конечном итоге заставляя излучение десятков тысяч звезд двигаться по кругу.

7

Интерпретация — истолкование, разъяснение смысла чего-либо.

8

Система «ALON» — буквальный перевод «в одиночестве» (интеранглийский). Кодовое название модуля независимого поведения. Использовался не только в киберсистеме серв-машин, но и в других видах боевой техники. Более распространенное название, ставшее общеупотребимым — «Одиночка».

9

Суспензорное поле — в отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие устанавливать на космических кораблях специальные электромагнитные улавливатели, предназначенные для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использовался в качестве активного вещества для силовых установок.

10

Логр-сканирование — стандартная процедура записи биоэлектрического и биохимического состояния нервных тканей головного мозга, на основе которой формируется уникальная нейросетевая структура, несущая функцию матрицы сознания, для ее последующей трансляции в логр.

11

Интерполяция — нахождение по ряду известных данных значения отсутствующих величин.

12

МаРЗ — Малый Разведывательный Зонд.

13

Резервные логры.

14

Сигнатура — в данном контексте термин «сигнатура» обозначает характерное распределение энергий, фиксируемое сканерами. Карты сигнатур позволяют без визуального контакта определить, какие именно устройства (известные людям) работают под покрывалом атмосферы.

15

ОРК — орудийно-ракетный комплекс.

16

Головная система наведения.